

Оригинал (русский): 30-10-2025. Английское издание: 23-11-2025

Паннихилизм и Константное Подсознание: Бессознательные Репродуктивные Механизмы и Локальная Иллюзия Существования

Дорожко Дмитрий Евгеньевич, Независимый Исследователь
[0009-0009-1058-4998](https://orcid.org/0009-0009-1058-4998)

Философия	Онтология, эпистемология, экзистенциализм, абсурдизм, нигилизм, паннихилизм, рефлексия и прочее.
Социология	Массовое сознание, власть, идеология, норма, трансляция символов, запреты, институты смысла и прочее.
Психология	Структура и уровни памяти, защитные механизмы, регуляторы стресса, психические расстройства и прочее.
Культурология	Символы, ритуалы, мифы, религия, традиции, коды идентичности, репрезентация и прочее.
Биология	Эволюционные инстинкты, репродуктивная инерция, нейронная плотность, нейропластичность и прочее.

Аудиоверсия в исполнении автора: [spotify](#)
Подписаться на меня: [youtube](#)
Поддержать меня: [donate](#)
Дискорд сервер: <https://discord.gg/cP2gAbG2VN>
Связаться со мной: untimepro@gmail.com

Все права защищены CC BY-SA

ПАННИХИЛИЗМ И КОНСТАНТНОЕ ПОДСОЗНАНИЕ:
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
И ЛОКАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Диссертация

Автор

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

Октябрь 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек это и есть бог, как самое развитое и опасное животное, что создает, меняет и уничтожает цивилизации, не только свои, но и других существ. Собственным рождением придумывая прошлое, а вместе со смертью разрушая будущее. Поскольку смерть уничтожает память, а не память уничтожает смерть, если что-то рождается и впоследствии умирает, значит этого никогда не существовало, бог умер еще не родившись. С точки зрения глобального абсолютного ничто, в которой локальное “бытие” лишь временная и метастабильная асимметрия внутри абсолютного ничто, эта диссертация предстает побочным продуктом моего “существования”, в котором двигаться вперед меня заставляет репродуктивная инерция константного подсознания. В рамках репродуктивного животного мышления мне бы хотелось, чтобы эта работа приобрела массовую популярность, помогла миру осознать мир, но, на самом деле, это совсем неважно, потому что локальное время не имеет никакой силы на фоне глобального времени, и поэтому читая это, будьте уверены, что вас никогда не было, нет и не будет. Почему совершаются определенные действия в неопределенном мире, где определенный смысл, в действительности, не имеет никакого смысла? Потому что так работают аксиома паннихилизма и константное подсознание, пусть и первичное, но “второе я”. Все гипотетические представления и теоретические выводы, и прочие мысли о мире в этой диссертации определяют жизнь и смерть всех “живых” и еще “несуществующих” организмов до, во время, и после прочтения или не чтения данного текста.

Авторское право принадлежит

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

2025

АННОТАЦИЯ

ПАННИХИЛИЗМ И КОНСТАНТНОЕ ПОДСОЗНАНИЕ: БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЛОКАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Автор

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

Октябрь 2025

Диссертация представляет междисциплинарное исследование фундаментальных механизмов, формирующих переживание “смысла” и поддерживающих повседневное “существование” живых систем в условиях возможного осознания или неосознания пустоты бытия. Центральной категорией работы выступает константное подсознание (**КПС**), это автономная биологическая программа, основа любого живого организма для “существования”, совокупность мотивационных модулей, автоматических скриптов и регуляторных устройств: контрольно-пропускной пункт (**КПП**), репродуктивная инерция (**РИН**), аварийный механизм самоуничтожения (**АМС**), экзистенциальная блокировка (**ЭБЛ**); которые управляют существом и обеспечивают жизнеспособность организма независимо от интерпретаций сознания. Также КПС рассматривается как четкая рабочая модель, которая позволяет формализовать понятия аксиомы паннихилизма: корреляций и памяти (Σ, M) **STM/MTM/LTM/SM/GM**, порогов существования (θ, μ) и

“амплитуды жизни” Ψ ; из которых описывается степень метастабильной локальной асимметрии в отношении глобального ничто. Философская основа работы это паннихилизм, он является радикальной онтологической аксиомой $\forall P (Content(P) \rightarrow \neg P(N))$, согласно которой первичным онтологическим “фоном” является абсолютное ничто (**глобальное время**), а локальные иллюзии (**локальное время**) это “временные” асимметрии, обладающие феноменологическим статусом лишь при соблюдении порогов корреляции и памяти, тем самым получается то самое возникновение “большого взрыва”, вселенной, где мы сейчас все и находимся, на этой основе вводятся ключевые концепции: “рождение” как первая смерть (вход в иллюзию локального времени), “жизнь” как **суперпозиции**

$\Psi_{life} = \alpha|local\rangle + \beta|null\rangle$ и ее “конец” как “коллапс” метастабильной конфигурации, “возвращение” в абсолютное ничто. Методологически работа сочетает: причинно-следственные конструкции, логико-математические определения, сравнительно-биологические данные (поведенческие примеры у птиц, млекопитающих, беспозвоночных), психопатологический разбор механизмов, а также социокультурный анализ различных институтов как стабилизаторов смысла. Отдельное внимание уделено феноменам ЭБЛ и КПП, их роли в предотвращении экзистенциального паралича сознания (**ЭПС**) и возможных реализаций АМС. Диссертация демонстрирует логико-философскую картину мира, которая позволяет переосмыслить понятия сознания, подсознания, бытия и абсолютного ничто, а также ответственности и памяти, и ставит практические вопросы об этике вмешательства в механизмы поддержки витальности.

СОДЕРЖАНИЕ

	Страница
Предисловие.....	3
Аннотация.....	4
Термины.....	10
Введение.....	20
Актуальность темы.....	20
Предмет и объект исследования.....	22
Цель и задачи работы.....	23
Методологическая база.....	25
Научная новизна.....	26
Теоретическая и практическая значимость.....	29
Структура диссертации.....	31
Глава I. Фундаментальность константного подсознания и его инструментов.....	33
Обзор главы.....	33
1: Репродуктивная инерция и безвольное существование.....	35
1.1: Подсознание это управляющий центр, примеры совокупности работ: сознания, КПП, ЭБЛ и АМС.....	43
1.1.1 Феномен “Я хочу, но не могу”.....	49

1.1.2: Сомнамбулизм.....	52
1.2: Сбой подсознания и момент перехвата сознанием.....	54
1.3: Анализ документированного суицида, теория и феномен АМС.....	56
1.4: Понимание и/или осознание бессмысленности и АМС.....	61
1.5: Деконструкция "Я мыслю, следовательно, существую".....	64
1.6: Символическое бессмертие.....	66
1.7: Сознание у растений и простейших организмов.....	73
1.8: Противоречивые феномены константного подсознания (чайлдфри, трансгендерный переход, хикикомори, мазохизм, зоофилия и педофилия).....	75
1.8.1: Трансгендерный переход.....	79
1.8.2: Хикикомори.....	81
1.8.3: Мазохизм.....	84
1.8.4: Зоофилия (а также педофилия).....	86
2: Животное и человек.....	90
2.1: Попытки расширения сознания у животных.....	91
2.2: Язык животных.....	95
2.3: Язык звуков это следствие развитого сознания.....	99
3: Регуляторы стресса.....	102
3.1: Деньги и труд.....	104
3.2: Спорт.....	107
3.3: Прогулка.....	109
3.4: Прокрастинация.....	111
4: Архитектура памяти КПС.....	114

4.1: Смех и “психические расстройства”	124
4.2: Объяснение типов амнезии.....	130
4.3: Пластичность КПС: пример удаления полушария головного мозга в раннем возрасте.....	133
4.4: Способ обмана подсознания: как достигнуть осознания смерти (ЭПС).....	135
4.5: Последствия осознания реальности и пять стадий принятия произошедшего.....	144
 Заключение главы I.....	 150
 Глава II. Культурная иллюзия и ее конструкции	 152
Обзор главы.....	152
 1: Возникновение культурного смысла.....	154
1.1: Религия.....	160
1.2: Государство, семья, школа.....	165
1.3: Искусство, мораль, история.....	169
1.4: Технологии и интернет.....	171
1.4.1: Современные стандарты.....	173
 2: Вариативность интеллекта, его следствия и отклонения.....	175
2.1: Интеллект и агрессия.....	181
2.1.1: Анализ одного из социальных явлений.....	184
2.2: Интеллектуалы и отказ от власти.....	186
2.2.1: Интеллект и репродуктивная культура.....	188

2.3: Интеллект, образованность и гениальность: различие понятий и их биологическая обусловленность.....	191
2.3.1: Системное поощрение образованных и вытеснение интеллектуалов.....	193
Заключение главы II.....	196

Глава III. Паннихилизм, большой взрыв, время и двойная

смерть.....	198
Обзор главы.....	198
1: Фундаментальность паннихилизма.....	200
1.1: Суперпозиция локальной асимметрии.....	209
1.2: Большой взрыв это локальная асимметрия.....	212
1.3: Сверхсущество в паннихилизме.....	216
Заклучение главы III и диссертации.....	219
Литература.....	221
1129981412.....	224

ТЕРМИНЫ

1. Экзистенциальная блокировка (ЭБЛ)

Это аварийный механизм КПС (см. 3 термин) для стабилизации существования, возникающий при прямом столкновении сознания с ЭПС (см. 10 термин) или бессмысленностью бытия (а также другими факторами), в отличие от обычных механизмов психологической защиты, которые сглаживают тревожные переживания, ЭБЛ является радикальной фрагментацией памяти с последующим изменением или удалением некоторых ее частей, где существо оказалось перед невозможностью рационально оправдать пережитое действие или существование, данное состояние заключается в том, что репродуктивная инерция (см. 4 термин) подсознания продолжает работу, но сознание, что утратило способность строить систему смыслов в происходящем, оказывается “парализованным”, тем самым блокирует системе доступ к полному функционированию, ЭБЛ решает данную проблему так, что существо или перестает искать оправдания и цели, переключается на что-то другое, почти полностью забывает, или иллюзорно соглашается с действительностью, при этом не осознает вывода, “ну есть и есть”, приходит сознание к такому результату, потому что ЭБЛ и КПП (см. 9 термин) фрагментируют, искажают память и не пропускают определенные ее фрагменты, такое состояние можно наблюдать у человека, например, в моменты внезапного осознания собственной

смертности, в экстремальных кризисах после обрушения иллюзий, так и у других животных, которые проявляют признаки ступора, когда привычные программы выживания теряют свою ценность.

2. Суперпозиция (в контексте паннихилизма)

Это состояние субъекта, находящегося в двойственном, парадоксальном положении между бытием (локальное время (см. термин 6)) и смертью (глобальное время (см. термин 7)), в отличие от физического понятия суперпозиции, описывающего вероятность нахождения частицы в нескольких состояниях до акта наблюдения, философия паннихилизма рассматривает суперпозицию как экзистенциальную структуру самой иллюзии существования, где жизнь не противоположна смерти, а есть форма ее проявления внутри локального искажения абсолютного ничто. Субъект, находящийся в состоянии суперпозиции, переживает иллюзорную непрерывность опыта, память, эмоции и самосознание, но все это представляет собой лишь временное “смещение” в структуре ничто, где “факт существования” не имеет онтологической опоры.

3. Константное подсознание (КПС)

Это фундаментальная архитектура живого существа, выполняющая роль биологического и когнитивного автопилота, КПС формируется в онтогенезе и задает константные цели в GM (genetic memory) память (выживание, поддержание гомеостаза, репродукция и прочее), и набор автоматических алгоритмов для их реализации, КПС не конструирует смысл посредством рефлексии, а обеспечивает работу организма независимо от произвольных выводов сознания, но задает условия реализуемости смысловых результатов созданных сознанием для исполнения своих алгоритмов. Сознание в модели КПС это не исполнитель, а локальная система представлений и символов, способная менять контекст, в котором КПС реализует алгоритмы, но не напрямую переписывающий его первичные цели.

4. Репродуктивная инерция (РИН)

Это фундаментальный биологический механизм КПС, выражающийся в автоматическом стремлении живого существа поддерживать и продолжать жизнь собственного рода, вида или других экосистем, независимо от осознанных смыслов и рациональных установок, проявляется как устойчивое движение жизни, где целью выступает не только индивидуальное благополучие, а сохранение и распространение самого процесса жизни, даже если действия существа кажутся деструктивными или ошибочными с

точки зрения разума, РИН не нуждается в обосновании или понимании, существо инстинктивно стремится к питанию, защите, размножению, альтруистическим или эгоистическим поступкам, которые в итоге служат продолжению чего-либо большего, чем оно само.

5. Иллюзия смысла

Это фундаментальный защитный механизм КПП при КПС, создаваемый для поддержания витальности существа и оправдания его существования в глобальном времени, который реализуя РИН, вынужден обеспечивать существу минимальную когнитивную мотивацию для продолжения жизни и воспроизводства, иллюзия смысла выражается в создании ложных конструкций: экзистенциальных, культурных, религиозных, социальных, этических; которые придают существованию субъективную значимость, скрывая его объективную абсурдность, в этой иллюзии существо воспринимает собственную жизнь как обладающую целью, хотя сама цель является самообманом, возникающей из необходимости подавить экзистенциальное осознание пустоты, иллюзия смысла поддерживает баланс между подсознательной программой (жить и воспроизводить) и сознательной интерпретацией (искать и находить объяснения), предотвращая распад существа.

6. Локальное время (асимметрия ничто, “реальность”)

$$E_A(t) \Leftrightarrow (\Sigma_A(t) \geq \theta \wedge M_A(t) \geq \mu)$$

Локальное время это индивидуальная, феноменологическая шкала “жизни” конкретной локальной асимметрии: последовательность переживаний, памяти и причинных связей; которая появляется в некотором пространственно-временном фрагменте как следствие устойчивых корреляций и фиксации следов, локальное время дает субъекту ощущение “до, сейчас и после”, обеспечивает “накопление” биографии, семантизацию событий и общей истории, то есть то, что называют “жизнью”. С точки зрения паннихилизма локальное время не обладает самостоятельной глобальной онтологией, оно является метастабильным нарушением симметрии абсолютного ничто и “существует” лишь тогда, когда внутренняя архитектура системы (корреляции, память, исполнительные скрипты) “превышает” определенные пороги устойчивости.

7. Глобальное время (абсолютное ничто, бесконечность)

$$\forall A: O_{global}(A) = 0$$

Глобальное время это абсолютное ничто, не “время” в привычном эмпирическом смысле, а строгий нулевой статус бытия, лишенный предикатов, изменений, отношений и потенциалов, в рамках паннихилизма глобальное время обозначает ту априорную “пустоту”, внутри которой всякая локальная асимметрия (жизнь, мир, субъект) эпизодически “возникает” и затем вновь “уничтожается”. Глобальное время не имеет моментов “до” “сейчас” и “после”, любая локальная иллюзия (рождения, история, смерть) “существуют” только как временные нарушения его симметрии и не меняют его неизменного нулевого статуса.

8. Паннихилизм

Аксиома паннихилизма: в происхождении всего лежит глобальное время (абсолютное ничто – строгий онтологический нуль, полное отсутствие предикатов, изменений, отношений и потенциалов), а всякое иллюзорное “бытие” (локальное время) есть лишь метастабильная асимметрия абсолютного ничто. $\forall P (Content(P) \rightarrow \neg P(N))$

Паннихилизм это философская система и методологическая позиция, утверждающая в качестве базовой аксиомы “существование” абсолютного ничто как строгого онтологического нуля, абсолютное ничто лишено любых предикатов, изменений, отношений и потенциалов, оно не обладает какими-либо содержательными свойствами и не может быть объектом истинных утверждений о бытии. Все, что обычно называется: мир, жизнь или субъектность; в этой системе “реализуется” как локальная, метастабильная асимметрия внутри этого нуля, где “рождение” это временное нарушение симметрии, “запускающее” локальную шкалу переживаний, памяти и причинности, а смерть это ее “аннулирование” и “возврат” к исходному нулю.

9. Контрольно-пропускной пункт (КПП)

Это защитный механизм КПС, выполняющий роль фильтра и регулятора потока информации между подсознательными процессами и сознанием, КПП оценивает входящие сигналы (впечатления, воспоминания, ощущения, идеи), соотносит их с текущими порогами витальности и целостности системы, и затем принимает одно из трех базовых решений: допустить в сознание, заблокировать полностью, или фрагментировать/исказить содержимое так, чтобы оно не оказалось разрушительным для субъекта; когда КПП допускает ошибку (случайно или под воздействием особых условий), информация о ключевых фактах, например, о неизбежности смерти и абсурдности существования просачивается в сознание, далее существо это

осознает и впадает в ступор (тогда активируется ЭБЛ как предохранительный механизм, чтобы существо могло дальше продолжать существовать), феномен КПП объясняет, почему большинство существ могут дальше спокойной жить, при этом понимая или даже осознавая абсурдность бытия.

10. Экзистенциальный паралич сознания (ЭПС)

Это состояние внезапного осознания однородности локального и глобального времени, переживание прямой “встречи” с абсолютным ничто, феноменально это вспышка чистого осознания бессмысленности бытия, ЭПС невозможно достигнуть произвольно, попытки осознать абсолютную пустоту обычно наталкиваются на работу КПП и завершаются либо поверхностной деконструкцией смыслов, либо состоянием тревоги. Истинное столкновение с ЭПС происходит очень редко и произвольно, вспышки ЭПС возможны, но не гарантированы: в острых кризисах, при сильной утрате, при близости к смерти или при особых искусственных условиях, которые будут описаны в первой главе.

11. Аварийный механизм самоуничтожения (АМС)

Это аварийная программа КПС, она активируется в условиях, когда ресурсы организма и психики оказываются неспособными поддерживать выполнение базовых репродуктивных и инерционных задач, это механизм оценивающий жизнеспособность и перспективу репродукции всей системы (я/организм/социум), вычисляет, что продолжение функционирования дает системе меньше шансов на репродукцию или поддержание системной целостности, чем прекращение существования, АМС может проявляться в пассивной форме: последовательное снижение поведения ведущего к выживанию; или в активной форме: намеренном акте приводящем к смерти; АМС не является сознательным выбором животного, оно реализуется на уровне глубинной автоматики подсознания, выступая как аварийная система в случае, когда адаптационные стратегии оказываются исчерпанными, его активация свидетельствует о том, что КПС признает невозможность сохранения целостности организма как средства реализации инерции вида, рода или экосистемы.

12. Сознание

Первоначальное сознание это органы чувств, информационная система, через которые организм знакомится и взаимодействует с окружающим миром, данное описание можно отнести к простейшим организмам и растениям, далее сознание будет долго адаптироваться вместе с развитием носителей, обретет более развитую системную психическую структуру, которая сейчас имеется у последней ступени эволюции в виде человека: рефлексию, семантизацию и производство символического контекста (язык, ценности, культура), но также все еще не обладает прямым доступом к внутренним параметрам КПС и, следовательно, не контролирует и не инициирует исполнительные программы. Сознание влияет на подсознание косвенно, создавая символическую среду и культурные правила, так оно может менять контекст, в котором КПС реализует свои алгоритмы. Когда возникает разрыв между действием, инициированным КПС, и нарративом сознания, то сознание пытается построить объяснение, рационализацию, оправдание или миф, чтобы восстановить когнитивную целостность.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Данное исследование необходимо для междисциплинарного переосмысления того, какие механизмы на самом деле управляют жизнью и поведением животных в условиях бессмысленности существования, потому что можно запросто наблюдать как в классических теориях, от экзистенциализма до психоанализа приписывают сознанию центральную роль в поведении существа и конструировании смысла, и в отличие от этих позиций, предложенная в диссертации концепция КПС и аксиома паннихилизма дают истинное представление о жизни живых существ и их поведении в локальной асимметрии абсолютного ничто. Детальный разбор механизмов КПС помогают объяснить многие клинические случаи, что важно для понимания работы ментального здоровья и социальных политик, особенно в эпоху роста: тревожности, депрессивных расстройств и суицидальных феноменов; понимание механизмов РИН и КПП позволяет проанализировать, какие методы воспитания, терапии или общественной коммуникации эффективны для поддержания психической устойчивости, а какие ускоряют рост риска ЭПС и АМС. Также модель КПС дает объяснительную основу для феноменов, которые обычно рассматриваются отдельно: от массового прокрастинирования до агрессивной нетерпимости как проявления коллективного поддержания вида; кроме того, работа вносит

вклад в понимание отношений между интеллектом и адаптацией, показав, почему сверхнормативные когнитивные конфигурации иногда приводят к экзистенциальной уязвимости. Исследование актуально одновременно для философии, психологии, нейронаук, социологии, культурологии и прикладных практик, оно предлагает новую теоретическую рамку и рабочие инструменты, которые позволяют анализировать, моделировать и, в перспективе, смягчать социально-психологические риски, порождаемые глубинными константами человеческой природы и современной технологической средой.

Предмет и объект исследования

Предметом исследования выступает КПС его механизмы: КПП, ЭБЛ, АМС, РИН, ЭПС; формализация пороговых критериев локального бытия (Σ , M , θ , μ) и феноменологии суперпозиции локального/нулевого состояний в рамках аксиомы паннихилизма, а также анализ воздействия культурных и технологических факторов (институты, медиа, алгоритмы) на пороговые параметры и динамику этих механизмов.

Объектом исследования являются локальные асимметрии бытия, то есть вселенная и материя, и их “живые” организмы, их проявления в культурно-социальной среде: поведение, память, институциональные структуры и корреляционные следы, формирующие феномен жизни в рамках аксиомы паннихилизма.

Цель и задачи работы

1. Определить и обосновать понятие КПС и его механизмов, отличных от традиционных психологических и психоаналитических объяснений бессознательного и сознательного, и показать их роль как центрального вектора жизнедеятельности.
2. Исследовать феномен ЭПС, его влияние на сознание, поведение и отношение к жизни, а также способы, которыми подсознание компенсирует или блокирует данное осознание.
3. Сопоставить модели поведенческих паттернов у человека и других животных с целью выявления универсальных и вариативных реализаций КПС, определить общие бессознательные паттерны продолжения жизни и подвергнуть сомнению традиционное противопоставление человеческого и животного уровней бытия.
4. Сформулировать аксиому паннихилизма, разработать систему локального и глобального времени, показать логику суперпозиции локальных асимметрий и связать это с критериями “феноменального существования”.
5. Проанализировать исторические и современные примеры институциональных практик, которые эффективно стабилизировали

локальную асимметрию: ритуалы, мифы, религии и прочее.

6. Показать, что любая деятельность, включая написание данной диссертации, является следствием работы КПС, а не выражением свободной воли сознания, и, следовательно, лишена онтологического смысла.
7. Рассмотреть феномен суицида как проявление АМС при неудовлетворенности репродуктивных механизмов КПС в социальной среде, определить условия и последствия таких явлений, а также исследовать возможность суицида как сознательного акта.
8. Сформировать новаторскую архитектуру памяти для КПС.
9. Разработать систему действий для преодоления КПП и осознания ничто, а далее проанализировать их последствия.
10. Проанализировать, как модель КПС объясняет различные клинические феномены и предложить когнитивно-психотерапевтические и системные превентивные подходы.

Методологическая база

1. Аксиоматический и концептуальный анализ: формулировка и логическое объяснение паннихилизма, КПС и его механизмов.
2. Формализация: логико-математическое построение критериев локального и глобального бытия.
3. Феноменологический анализ: разбор явлений ЭПС, АМС, ЭБЛ, КПП, РИН и прочего.
4. Сравнительно-биологический анализ: сопоставление поведенческих паттернов разных животных для выявления общих реализаций репродуктивной инерции и автоматизмов.
5. Социокультурный анализ: исследование роли различных институтов и медиа в стабилизации каналов и памяти.
6. Клинический анализ: исследование различных психических явлений с точки зрения модели КПС, и разбор предотвращений их повторного риска.

Научная новизна

1. Введено и обосновано определение КПС как фундаментальной и самостоятельной системной структуры, которая управляет не только витальностью, но и репродукцией.
2. Сформулирована философия паннихилизма, а также его аксиома, которая доказывает “существование” вселенной и “живых” существ как метастабильных локальных асимметрий в абсолютном ничто, и показано, как это меняет подход к времени, памяти и смыслу.
3. Выявлен феномен ЭПС, состояние внезапного осознания однородности локального и глобального времени, вспышка осознания бессмысленности бытия.
4. Переосмыслена суперпозиция существования как онтологическая категория, где жизнь это одновременное присутствие и отсутствие в рамках локальной асимметрии.
5. Показано, что различные акты творчества, культуры и науки не выходят за пределы РИН, а просто являются формами маскировки бессмысленности бытия и служат лишь поддержанию культурного и биологического циклов.

6. Сформулирован принцип работы РИН, как автономное стремление системы к поддержанию жизни, рода, вида или экосистемы, объясняющее продолжение поведения независимо от смысловой оценки сознания.
7. Введены механизмы защиты КПС: КПП и ЭБЛ как функции, фильтрующие опасные знания и фрагментирующие память для сохранения функционирования.
8. Разработан и описан концепт АМС, как подсознательная программа, запускающаяся при критическом истощении ресурсов системы, а также выведены условия ее активации.
9. Показана взаимосвязь механизмов КПС у человека и у ряда животных, обоснована идея, что человеческая “исключительность” во многих моментах функциональна, а не онтологична.
10. Выявлена диагностика риска ЭПС и АМС, также их подходы к профилактике, основанные на понимании КПС и его механизмов.
11. Доказано, что сознание существует у каждого “живого” организма, включая растения и простейших существ.
12. Выведена новая архитектура памяти, которая позволяет понять многие недоступные до этого явления.

13. Показано как вариативность интеллекта, его следствия и отклонения влияют на “существование”.
14. Разработана предположительная модель, которая способна научить развитое социальное животное человеческим коммуникациям.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость

1. Диссертация расширяет междисциплинарную теоретическую базу, вводя понятия: КПС, РИН, ЭБЛ, КПП, АМС, ЭПС, локальное время и глобальное время.
2. Построена аксиоматическая рамка паннихилизма, которая систематически переводит вопросы бытия и смысла в формализованную онтологическую проблему, что дает новую основу для обсуждения времени, памяти и субъективности.
3. Сформулирована модель локального и глобального времени, что позволяет описывать “рождение” и “смерть” локальной асимметрии в абсолютном ничто в терминах корреляций и памяти.
4. Объединен сравнительный анализ человеческого и животного поведения в единой функциональной схеме, что ставит под сомнение представление о принципиальной онтологической исключительности человека.

Практическая значимость

1. Обоснованы новые диагностические подходы которые позволяют анализировать психологические явления, включая суицидальное поведение через анализ пороговых параметров КПС (комбинации Σ , M и маркеры истощения), понимание суицида как активации АМС открывает возможность объяснить, почему редкость суицида даже при ЭПС подтверждает силу КПП и ЭБЛ.
2. Предложенные понятия КПП и ЭБЛ помогут в разработке терапевтических методов с различными психическими расстройствами, держа фокус на восстановлении интеграции памяти и регулировании доступа к травматическим следам.
3. Модель КПС и его механизмов позволяют проанализировать и дать оценки роли семьи, школы, государства и медиа в поддержании витальности, это важно для политики в области общественного здравоохранения, образования и медиа пространства.
4. Концепции КПС, его механизмов и паннихилизм могут быть использованы в образовательных программах по критическому мышлению и эмоциональной регуляции, чтобы выявлять “сильные” или “слабые” организмы и снижать их риск деструктивного поведения.

Структура диссертации

1. Глава I: Диссертация начинается с плавного и простого описания определения КПС, его модулей (КПП, РИН, ЭБЛ, АМС), далее постепенно усложняется, вводятся пять типов памяти (STM, MTM, LTM, SM, GM), анализируются различные междисциплинарные явления.
2. Глава II: Исследуются роли языка, ритуалов, религии, семьи, школы и государства в формировании субъекта, описываются механизмы культурной дрессировки, медиатизации и алгоритмической трансляции смыслов, анализ того, как институты предотвращают или провоцируют массовые кризисы или ЭПС, а также детальный разбор вариативности интеллекта.
3. Глава III: Объяснение паннихилизма, понятий суперпозиции локального и нулевого состояний, большого взрыва как локальной асимметрии, выводы для философии, эпистемологии и практических политико-социальных рекомендаций, а также описание сверхсущества в паннихилизме.

Авторское право принадлежит

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

2025

ГЛАВА I

Фундаментальность константного подсознания и его инструментов

Обзор главы

Первая глава это основная часть диссертации, она доказывает, что свободной воли не существует, что не сознание управляет телом и самой жизнью, а константное подсознание и его инструменты в виде: контрольно-пропускного пункта (КПП), экзистенциальной блокировки (ЭБЛ), аварийного механизма самоуничтожения (АМС) и репродуктивной инерции (РИН), рассматриваются и анализируются множество примеров совокупности их действий; в первой главе объясняется: как подсознание и сознание взаимодействуют друг с другом; примеры репродуктивной инерции в виде сохранения рода, вида или экосистемы; примеры ложного альтруизма; феномен сознания “я хочу, но не могу”; пример КПС через сомнамбулизм; как сознание на время берет контроль, когда подсознание дает сбой; анализ реального документированного суицида; как КПС справляется при осознании бытия или уничтожает себя; как КПС разрушает известное утверждение Декарта "я мыслю, следовательно, существую"; как КПС создает культ невидимого бессмертия вокруг существа; узнаем, что сознание существует даже у простейших организмов и растений; как КПС объясняет

противоречивые ему феномены (чайлдфри, трансгендерный переход, хикикомори, мазохизм, зоофилия); сравним животное и человека; разберем как люди пытались научить животных говорить; проанализируем коммуникативные системы у животных; поймем, что структурированный язык это следствие развитого сознания; изучим регуляторы стресса и как КПС обманывает себя в виде: денежной системы, рутины, спорта, прогулок и в целом прокрастинации; рассмотрим архитектуру КПС и пять видов его памяти: STM, MTM, LTM, SM, GM; объясним смех, “ментальные расстройства” с ним связанные и разные типы амнезии и их влияние на структуру КПС, а также примеры удаления полушария головного мозга в раннем и взрослом возрасте; узнаем как обмануть КПП и достигнуть осознания бытия с помощью семи ступенчатой системы, и наконец, разберем их последствия через пять стадий принятия.

Автор

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

1: Репродуктивная инерция и безвольное существование

Диссертация начинается с фундаментального утверждения, что сознательной воли не существует, а движение жизни продолжается по инерции, которые управляются бессознательными механизмами концепции константного подсознания, оно доказывает, то, что мы называем осознанной жизнью, не требует ни смысла, ни мотивации, ни воли, даже полное осознание абсурда существования, как у людей, так и у других животных, не приводит к остановке жизнедеятельности, это означает, что существо продолжает жить потому, что имеет причину в развитии рода, вида или экосистемы, возьмем в пример стандартное животное КПС в виде рыбы, которое представляет собой сферу из низкой плотности нейронов и, следовательно, пониженных когнитивных функций (в сравнении с человеком), сознание здесь реализуется через корректную работу органов восприятия, которые помогают выжить животному и дать потомство, далее, благодаря эволюции, так как существо адаптируется, видоизменяется и социализируется, получается более развитое КПС и его сознание, которое способно взаимодействовать с предметами окружающей среды, что-то строить и создавать, далее еще через многие изменения оно уже будет способно придумать случайным, адаптивным путем: язык, культуру, традиции, религии, символы и подобное, это требует большего объема памяти, больших когнитивных способностей в виде плотности нейронов, чем у предшественников, для хранения и взаимодействия с этой информацией, но даже такое сознание все равно не является

первоисточником действий, оно лишь дополняет работу КПС, выполняет роль интерпретатора и рационализатора совершенных, совершаемых в данный момент или которые будут совершены в будущем актов подсознания, создавая постфактум иллюзию воли, свободы и выбора, даже когнитивное осознание абсурдности, конечности или бессмысленности бытия не способно отменить действия КПС, потому что сознание и есть один из механизмов КПС, которое помогает управлять организмом, живое существо продолжает функционировать, питаться, взаимодействовать, размножаться и избегать угроз, потому что встроенные механизмы автопилота принуждают его к этому, КПС едино для всего живого, от простейших организмов до человека, различие лишь в том, что у человека поверх этих автоматизмов формируются слои культуры и языка, создающие иллюзию независимого я, тогда как у обычных животных действия остаются ближе к исходным алгоритмам ввиду когнитивной неразвитости. Подсознание и сознание это единая система, внутри которой их нельзя разорвать, они существуют в симбиозе, где одно не может полноценно функционировать без другого, развитое сознание обладает минимальной степенью автономии, оно выступает как центр интерпретации, подобно столице внутри государства, подсознание в этой аналогии есть государство, оно охватывает все процессы, управляет “миллионами” потоков, которые не поддаются рациональному контролю, обеспечивает функционирование и действия всей системы, сознание же это столица, важнейший процесс, где интерпретируются сигналы, создаются логические конструкции, их взаимозависимость двусторонняя, столица не может существовать без государства, так же как сознание не может действовать без подсознательной базы, в то же время, государство без столицы остается бесструктурным хаосом, аналогично тому,

как подсознание без сознания лишается восприятия, символической формы и интерпретации. В этой системе возможны кризисы, если в столице случается катастрофа: механическое повреждение мозга, психическая травма детства или взрослой жизни, или “бунт” в виде ЭПС, судьба всего государства оказывается под угрозой, подсознание, как управляющая система, вынуждено реагировать, подавлять протест, блокировать опасные мысли, адаптировать механизмы защиты, но если кризис сознания или механическое повреждение оказывается слишком масштабным, и ресурсы подсознания не способны его компенсировать, система выбирает радикальный путь, подсознание инициирует акт АМС, столица слишком разрушена, чтобы государство могло ее поддерживать, а без столицы и само государство утрачивает смысл и форму существования, суицид выступает не как свободный выбор животного, а как крайняя форма регуляции при невозможности стабильного функционирования. В случаях, когда системы в виде ЭБЛ и КПП не справляются со своими задачами, например, при длительном стрессе или искусственного невозможного продолжения репродуктивного механизма, например, тюрьма или рабство, КПС может активировать систему АМС как пассивный или активный суицид, который в данной модели существует не как акт сознательной воли, а как крайняя форма деактивации при “сбое” автоматических алгоритмов. Подсознание через сознание наполняется культурой, опытом, социальными кодами, языком, символами, оно получает позитивный или негативный опыт, формирует идеологии, может развить патологии или “ментальные расстройства”, все это влияет лишь на следственные поступки, на то, как именно реализуются инстинктивные программы, но не на первопричину, причина всегда одна и та же, продолжение чего-либо: продолжение

собственного рода (эгоизм), когда существо действует ради продолжения именно себя и своей генетической линии, примеры: борьба самцов за самку, территориальные конфликты, агрессия против чужаков, эти действия могут быть разрушительными для других существ, но они встроены в биологическую программу сохранения себя; сохранение вида в угоду себе (альтруизм), когда действия животного направлены на пользу другим существам или общему виду, даже ценой собственной жизни, примеры: пчелы жертвуют собой ради улья, дельфины помогают раненым сородичам, человек рискует ради защиты другого; также на фоне альтруизма часто может возникать и ложный альтруизм, вмешательство в другие виды, когда существо думает, что помогает, но на самом деле разрушает баланс, возьмем пример из нашего мира: уничтожение воробьев, барсуков, комаров, и рассмотрим последний вариант; вроде бы за этим стоит идея облегчить страдания животных, не будет укусов и переносчиков болезней, но существо может не учитывать, что комары часть сложной экосистемы, их личинки перерабатывают органику в водоемах, они служат пищей для рыб, птиц и летучих мышей, исчезновение комаров вызовет серьезные последствия, разрушая цепочки других видов, альтруизм здесь оказывается ложным, потому что он основан не на понимании законов природы, а на субъективной культурной интерпретации добра и зла, неопытный вывод сознания вводит в заблуждение КПС, тем самым подсознание существа теперь предполагает, что помогает, но в действительности наносит удар всей системе, репродуктивная инерция всегда работает, но ее направление может быть искажено сознанием, и вместо сохранения целостности цикла, существо может разрушить его, будучи уверенным, что действует правильно. Еще более яркий исторический пример из ложного альтруизма, Гитлер, его

идеология исходила из подсознательного видового акта (нацизм), где евреи представлялись угрозой и низшей расой, его действия можно рассматривать как реализацию репродуктивной инерции, стремление очистить и усилить собственный вид и род, в виде истребления “грязи”, которая мешает жить, для него это было попыткой обеспечения положительных последствий для рода и вида, и экосистемы в общем, но реальность показала какими разрушительными результатами могут обладать “правильно-ложные” идеологии искаженных интерпретаций сознания, похожих мировых “лидеров” с подобной тенденцией можно наблюдать и по сей день. У обычных животных мы видим работу чистого константного подсознания, изредко искаженной минимальной культурой, их действия просты и прямолинейны, охота ради еды, бегство от опасности, забота о потомстве ради продолжения рода, например, волчица, которая защищает щенков, при этом истребляя других, она не задумывается о ценности вида, она реагирует подсознательно, у животных следствия минимальны, потому что у них отсутствует язык и культура как сложные системы интерпретаций, их сознание ситуативно, используется для навигации в среде, оно дает возможность отличить друга от врага, пищу от яда, оно не создает отвлеченных конструкций вроде морали, идеологии или политики, но у человека мозг более развит, и потому он вершина эволюции, его сознание описывает мир символами, через язык и культуру оно формирует интерпретации, которые могут искажать реальность, человек может превратить базовый инстинкт выживания в религиозный культ, где продолжение рода и вида связываются с волей богов, или в политическую идеологию, где выживание нации оправдывает насилие, или даже в личную экзистенциальную проблему, где существо ищет смысл в абсурдном мире,

именно это различие делает человека высшим существом, богом, чьи поступки гораздо более вариативны, чем у других животных, но в основе всегда та же неизменная причина, репродуктивная инерция КПС, на этом основании мы отвергаем любые теории свободной воли, не сознание существа принимает решение жить, а его подсознание, оно уже выбрало до того, как успело понять, что, как и зачем, даже если осознать, что все происходящее это жестокое, бессмысленное и трагическое, организм продолжит выполнять биологическую программу, если только оно не будет “существовать” в тех условиях, в которых окажется невозможным реализовать желаемый потенциал РИН, что приведет к АМС в виде одного из двух видов суицида, пассивный или активный. Любое живое существо, независимо от уровня когнитивного развития, функционирует в рамках запрограммированной репродуктивной инерции (разные уровни интеллекта влияют на способы достижения целей, их рассмотрим позже), животное не осмысляет истинных причин своего движения, взаимодействия и выживания, оно просто делает, имея лишь одну миссию в виде продолжения чего-либо, основные шаги вашей жизни настроены конкретно на эту скрытую цель, так будучи полностью захваченным системой, вы подсознательно выполняете поставленную биологическую задачу, но для вашего сознания все совсем наоборот, например, вы ходите в спортзал, бегаєте по утрам, переезжаете в лучшее место, неупотребляете определенную еду, даже совершаете убийство или геноцид, как вам кажется, по сознательным выводам, хотя все это в действительности работа КПС и его механизмов для продолжения собственного рода, общего вида или экосистемы. Рассмотрим предыдущие примеры, спортзал, бег по утрам, запланированный переезд, определенная пища и многое другое, это все

возьмем в одну категорию как улучшение собственного “я”, созданное для привлечения/удержания партнера и продолжения собственной жизни (регуляция стресса). В случае убийства или геноцида вы подсознательно (считая кого-то недостойным) хотите очистить определенный слой населения для улучшения общего вида и/или собственного рода, экосистемы. Цель существует исключительно как конструкция сознания, когда действие уже совершено, сознание постфактум попытается приписать ему смысл, мотивацию или ценность, тоже самое распространяется на настоящие действия и будущее, действительный же импульс поведения исходит не из рационального центра, а из глубинных биологических конструкций, запрограммированных эволюцией и реализуемых КПС, у большинства особей осознание этого факта никогда не возникает ввиду когнитивной неразвитости и специализированной работы КПП, который не пропускает “разрушающие” мысли, так они живут в автоматической иллюзии цели и воли, в редких же случаях, когда существо начинает часто ставить под вопрос сам механизм действия и “реальность”, возможно понимает или даже осознает абсурдность бытия, и тем самым нарушает собственную функциональную целостность, система сначала усиливает уровень КПП, который подавляет процесс мыслей или отвлекают существо, а далее, если это не срабатывает, применяется защитный механизм ЭБЛ, который аккуратно фрагментирует память. Вся человеческая деятельность, включая образование, труд, политические конфликты и культурные формы это лишь надстройка над биологическим продолжением, особенно важно подчеркнуть, что животные и люди в этом контексте не отличаются по структуре мотивации, оба следуют одному и тому же инстинктивному алгоритму, только у человека появляется иллюзия, будто он действует по

своей воле, со смыслом и ради чего-то из-за развитого сознания, животные рождаются без сформулированного смысла своего существования, ни одно живое существо не получает от природы инструкции в форме цели: “ты здесь для того-то, чтобы достичь...”, вместо этого в работу вступает механизм РИН, которая с первых минут следует алгоритмам выживания: искать тепло, еду, избегать опасности, продолжать род; этот процесс не требует рефлексии, инстинкт полностью игнорирует смысл, но у человека ситуация осложнена наличием развитого сознания, он способен рефлексировать, задавать вопросы, хотя и это не отменяет того факта, что жизнь продолжается независимо от найденного ответа¹, человек, погруженный в экзистенциальный кризис или даже ЭПС, все равно ест, спит, дышит и защищается, продолжает функционировать, так проявляется истинная работа КПС, РИН, КПП и ЭБЛ, они не дают существу остановиться, даже если оно не видит причин для существования, смысл жизни это эволюционная конструкция придуманная сознанием, чтобы оправдать уже происходящий процесс выживания.

¹ – Frankl. *Man's Search for Meaning*. (1946)

1.1: Подсознание это управляющий центр, примеры совокупности работ: сознания, КПП, ЭБЛ и АМС

КПС это центральный управляющий механизм живого организма, первичная и главенствующая система, от которой зависит продолжение жизни, все формы воли, желания и памяти, подобное утверждение напрямую перекликается с нейробиологическими исследованиями, демонстрирующими, что решение о действии в мозге фиксируется до того, как оно осознается существом², это означает, что вся культура, этика, мораль, личная идентичность это не более чем продукты интерпретации подсознания, которое никогда не прекращается и не поддается остановке даже при полной утрате смысла, обычное животное, как и человек, движимо этим же центром, вся сложность человеческой речи, памяти, культуры не отменяют факта, что человек это лишь расширенная версия репродуктивной программы, модифицированная до той степени, когда возникает ложное впечатление субъектности. КПС может сначала подать идею сознанию, а затем решить действовать или не действовать в зависимости от того, как сознание эту идею обработает, так оно просто уточняет динамику взаимодействия уровней, современные теории мозговой регуляции описывают именно такой рекурсивный обмен, где низкоуровневые механизмы генерируют возможности и приоритеты, высшие уровни формируют гипотезы и симулируют последствия, затем нисходящие прогнозы и весовые коэффициенты модифицируют исполнение, и итоговое

2 – Libet, Gleason, Wright, Pearl. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). (1983)

поведение определяется этими интегрированными решениями, КПС остается конечным исполнителем, сознание может только изменить условия, поменять приоритеты, дать новые контексты, это согласуется с данными о том, что подготовительная мозговая активность предшествует осознанному намерению движения, что указывает на вклад подсознательных процессов в инициацию действия, эту концепцию хорошо показывает подход “active inference/predictive processing”³, высшие уровни посылают нисходящие предсказания (что должно произойти), нижние уровни посылают сигнал ошибки предсказания, и действие становится способом снизить разницу между предсказанием и входом, при этом внимание и точность акцентов (precision) (то, что сознание может менять), определяет, какие предсказания будут реализованы моторно. КПС укладывается также в модель двух систем: быстрые автоматические реакции (System 1 (КПС)) и медленные аналитические процессы (System 2 (сознание))⁴, сознание может изменить оценку риска/выгоды, но это требует ресурсов, если сигнал от сознания не повышает точность объяснений достаточным образом, КПС проигнорирует вывод сознания и выполнит заранее заданную программу, это объясняет, почему иногда сознательная рефлексия меняет поведение, но в основном остается интерпретатором. Переходим к примеру, представим, что сознание формулирует желание: “я хочу ограбить банк”, в данной модели это еще не является непосредственным импульсом к действию, а лишь отражает работу интерпретатора, создающего фантазии, образы и возможные сценарии поведения, сознание может выдать самые разные конструкции, от безобидных мечтаний до радикальных идей, но само по себе оно не запускает действие, настоящее решение принадлежит константному

3 – Friston, Mattout, Kilner. *Action understanding and active inference*. (2011)

4 – Kahneman. *Thinking, Fast and Slow*. (2011)

подсознанию, оно оценивает риск и выгоду, исходя из базовых программ выживания, репродукции и социального статуса, поэтому простая мысль о грабеже или другом рискованном поступке чаще всего так и остается мыслью, подсознание блокирует реальное воплощение, понимая, что вероятность смерти, тюрьмы и потери социальной ниши выше, чем возможная выгода, но бывают ситуации, когда КПС действительно может инициировать подобное рискованное поведение, обычно это связано с условиями стресса, фрустрации, безысходности или социального давления; тогда такой поступок может восприниматься в двух вариантах:

1. Как кратчайший путь к деньгам, которые символически заменяют пищу, статус и доступ к партнерам, в этом случае ограбление выступает продолжением репродуктивной инерции, стремлением к быстрому восполнению ресурсов, пусть и через опасный, социально разрушительный путь, сознание будет уверено, что действует ради выгоды, хотя на самом деле лишь обслуживает сценарий, заданный глубинными алгоритмами КПС;
2. Как аварийный механизм самоуничтожения, если подсознание уже знает, что вероятность гибели или наказания практически стопроцентно, но при этом все равно запускает действие, речь идет о замаскированной форме суицида, такое существо якобы сознательно “идет на деньги”, но в действительности глубинный уровень программы ведет его к уничтожению, это согласуется с тем, что в психологии рискованное и саморазрушительное поведение часто рассматривается как косвенная форма суицидальности, животное

выбирает опасный сценарий, который дает возможность погибнуть, при этом сознание интерпретирует это как поиск выгоды или счастья⁵.

Если КПС видит в действии преимущественно возможность ресурса, это проявление репродуктивной инерции, если же допускает его как путь к гибели, это акт АМС в завуалированной форме, в обоих случаях сознание остается лишь интерпретатором, придумавшим объяснение уже совершенному или готовящемуся акту, при этом степень когнитивной развитости и вариативность IQ не отменяют этого механизма, а только модифицируют форму реализации, животное с высоким уровнем абстрактного мышления и планирования может просчитать последствия и найти менее рискованный способ удовлетворения того же подсознательного импульса, например, мошенничество, манипуляция или социальная стратегия вместо грубой силы, тогда как животное с низким контролем импульсов и низкими когнитивными способностями скорее выберет прямой и опасный путь, IQ влияет на работу КПС и результатов сознания, он меняет сценарий, но не мотив. Теперь рассмотрим пример импульсивного желания: “собрать вещи и пойти в лес зимой на неделю (как способ отдыха и расслабления)”, системная последовательность выглядит следующим образом: накопление диссонанса, длительный стресс, рутина, изоляция, ссоры, запреты и ощущение бессмысленности истощают регуляторные возможности префронтальной коры, снижая когнитивный контроль и усиливая импульсивные тенденции⁶, для сознания этот акт имеет четкую логику: минимизация социальных раздражителей, резкая смена окружения

5 – Joiner. *Why People Die by Suicide*. (2005)

6 – Sapolsky. *Stress and Cognition*. (2004)

как попытка перезагрузки, тестирование ресурсной состоятельности организма в экстремальных условиях, но с точки зрения подсознания это явный феномен АМС, который может включать: импульсивное действие, утрату планирования, отключение механизма страха, рост показателей бессмысленности, снижение variability сердечного ритма, дисбаланс кортизола, снижение регуляции префронтального кортекса, признаки диссоциации и другое; для неподготовленного организма, который не имеет опыта, подобное экстремальное действие является актом активного суицида, сознание для этого сразу придумывает эстетический и идеологический смысл: романтика, проверка себя, интересное событие, нечего делать; превращая системный сигнал в мотив, сознание просто оправдывает это красивыми смыслами и не понимает, что идет на собственную смерть, так как КПП блокирует мысли о неудаче, но если существо выживает, то сознание в дальнейшем конструирует оправдание явному акту “нестабильной” работы, оно будет долго разбираться, как вообще способно было пойти на такое действие, но в скором времени КПП и ЭБЛ заставят, почти полностью, забыть произошедшее. Вариативность IQ в данном случае тоже влияет на форму реализации, животное с высоким уровнем когнитивной развитости скорее придаст уходу в лес эстетизированный или философский характер, создав вокруг него культурное объяснение и подготовившись, тогда как животное с низкой плотностью нейронов совершает побег импульсивно, без долгой подготовки, и в первом, и во втором случае действительным инициатором выступает КПС, а сознание лишь оформляет акт в соответствии с уровнем когнитивной сложности. Эмпирические данные подтверждают этот механизм, в клинической литературе уходы в дикую среду описываются как

импульсивные формы косвенной суицидальности^{7,8,9}, также нейробиологические исследования показывают, что хронический стресс снижает связность между префронтальными и лимбическими областями¹⁰, а это ослабляет фильтрацию КПП и повышает вероятность экзистенциальных кризисов и ЭПС. Идея сознания как наблюдателя, что способно влиять на мир это культурный вымысел, возникший в ходе построения обществом модели сознательного управления, для повышения группового выживания и минимизирования тревожности, на деле константное подсознание управляет всей нейронной активностью и определяет истинный выбор, опережая сознание на сотни миллисекунд¹¹. Давайте рассмотрим еще несколько примеров того, как механизм АМС работает через КПС:

1. Первый случай. Недавно в Турции женщина, стоявшая на платформе, “случайно” чуть не попала под трамвай¹². На видео видно, что женщина могла легко заметить приближающийся транспорт боковым зрением, даже будучи в наушниках и отвлеченной телефоном. Но в любом случае, каждое существо поймет, что находится в опасной зоне, где движется транспорт и будет вести себя осторожно, так зачем ей вдруг захотелось пойти на пути? Если человек делает все осознанно, то с точки зрения сознания и свободной воли это невозможно объяснить, на видео видно, что КПС замечает поезд краем глаза, поворачивает голову женщины в другую сторону и начинает движение прямо на

7 – Shneidman. *Suicide as Psychache*. (1993)

8 – Joiner. *Why People Die by Suicide*. (2005)

9 – O'Connor. *The integrated motivational-volitional model of suicidal behaviour*. (2011)

10 – LeDoux. *The Emotional Brain*. (1996)

11 – Soon, Brass, Heinze, Haynes. *Unconscious determinants of free decisions in the human brain*. (2008)

12 – [ABC7chicago](#)

пути, чтобы попасть под трамвай, но ее спасают в последний момент, и она удивляется, как это могло случиться.

2. Второй случай. Человек идет в темноте посреди дороги, по которой едут машины, хотя ничто не мешает ему идти по обочине (человек не пьян, не наркоман, не умственно отсталый и подобное). Здесь КПП блокирует понимание ситуации, у этого человека нет никаких мыслей или чувств, что что-то не так (инстинкт самосохранения также отключен) конечно, в таких случаях их просто сбивают насмерть, а те, кто выживает, также проявляют признаки ступора и спрашивают себя: “как я мог это сделать?”.

1.1.1: Феномен “Я хочу, но не могу”

Рассмотрим такой феномен как “я хочу, но не могу” с позиции константного подсознания, здесь сразу прослеживается сложная динамика между уровнями системы: генерацией желания (инициация), оценкой его выгоды и стоимости (оценка и планирование), и исполнением действия (реализация), у КПС желание обычно рождается как глубинный импульс, как реакция на внешние стимулы или как накопившийся стресс, и сразу предсказывает о выгоды той или иной политики поведения, сознание может осознать это желание и даже аргументировать его, но чтобы импульс превратился в

действие, нужна совокупность условий: положительный баланс ожидаемых выгод над затратами, достаточный запас регуляторных ресурсов (энергия префронтальной коры, контроль внимания), приемлемая цена риска и доступность средств; когда хотя бы один из этих компонентов не выдерживает, тогда возникает ощущение “хочу, но не могу”, механизм такого срыва прост, КПС генерирует мотивацию, но КПП и исполнительные сети оценивают затраты, выгоды, и выставляют пороги, если при взвешивании прогностической системы (predictive processing – precision) вес действия оказывается низким из-за ожидания высокой цены, низкой вероятности успеха или нехватки внутренних ресурсов, то оно не реализуется, то есть “хочу” это сигнал с высоким ожидаемым вознаграждением, а “не могу” это вывод системы о том, что текущие условия делают исполнение невыгодным или опасным. Это объясняет, почему одна и та же мотивация ведет к действию в один день и зависанию в другой, просто изменились внутренние параметры (сон, стресс, доступность) или внешняя среда (время, люди, инструменты), и КПС пересчитал выгодность, с точки зрения нейробиологии это дисбаланс между мотивационной системой вентрального стриатума (желание, стимул, заметность) и исполнительными контрольными структурами префронтальной коры, сильное желание сопровождается дофаминергическим сигналом “хочу”, но его преодоление и перевод в действие требует ресурсоемкой работы в виде энергии префронтальной коры: планирования, подавления конкурирующих импульсов и удержания цели в рабочей памяти. Хронический стресс, дефицит сна, низкая вариабельность сердечного ритма и повышенный кортизол снижают эффективность префронтальной коры, поднимают субъективную цену усилий и уменьшают устойчивость намерения, кроме того, автоматические

привычки и контекстные триггеры могут перехватывать исполнительную цепочку, если окружение организовано под старые привычки, новая цель сталкивается с их силой инерции, и КПС, скорее всего, посчитает, что слишком дорого менять траекторию. Двигаемся дальше и понимаем, что еще психологические факторы усложняют ситуацию: страх неудачи, перфекционизм, ожидание осуждения, апатия и модель “выученной беспомощности” могут снижать оценку контроля над ситуацией и, следовательно, уменьшать вероятность действия; так человеческое сознание часто генерирует рационализации в виде: “сначала сделаю другое”, “завтра начну”, но это постфактум объяснения, которые просто маскирует реальную причину в разбалансировке ресурсов и неверных прогнозительных ценностей. Когда выгода откладывается во времени, а затраты мгновенны, то КПС склонно отдавать приоритет краткосрочным подкреплениям, даже если сознательно человек предпочел бы отложенную награду, это означает, что “хочу, но не могу” лечится регуляцией системы, для этого нужно: упростить шаги, убрать барьеры, разложить задачи на микрозадачи с быстрым вознаграждением, восстановить сон и питание, а также тренировать исполнительные функции; все это меняет входные параметры, повышает точность намерения и делает исполнение выгодным для КПС, в сочетании с социальной поддержкой и структурой вознаграждений, например, совместные тренировки, наставничество, публичные отчеты, вероятность перехода от желания к действию существенно возрастет, в результате феномен “я хочу, но не могу” это сигнал о рассинхронизации между желанием как предсказательной мотивацией и оценочно-исполнительной архитектурой, где проблема лежит в ресурсах, оценке стоимости и контексте,

работа с этими параметрами дает более надежные и стабильные результаты, чем попытки одного лишь “волевого усилия”.

1.1.2: Сомнамбулизм

Сомнамбулизм или другим словом лунатизм, это один из самых наглядных и интуитивно понятных феноменов, демонстрирующих, что действия КПС реализуются без участия рефлексивного сознания, большинство подобных эпизодов происходят в фазе медленного сна, в этой стадии: активность коры лобных долей снижается, ослаблена функциональная связь между ассоциативными областями, уменьшена способность к интеграции информации (которая реализует схему я – делаю – осознаю), при этом моторные карты, подкорковые структуры и некоторые сенсорные пути остаются способными к активации; в такой конфигурации тело встает, идет, открывает двери, выполняет привычные действия, но субъективного отчета о происходящем у существа нет, как правило данный эпизод сопровождается последующей фрагментацией памяти о произошедшем. При лунатизме КПП частично реализует моторные команды, не передавая при этом в поле сознания сигналы о причинно-следственных связях, из этого получается поведение без смысла для сознания, действия совершаются, но не становятся его частью. Характер поведения при лунатизме подчеркивает роль разных типов памяти и уровней автоматизма (STM/MTM/LTM/SM/GM

которые будут позже подробно разобраны в четвертом пункте первой главы), действия “сонного” существа чаще всего рутинны и процедурны, например: оно идет по знакомому пути, открывает знакомую дверь, пытается одеться, приготовить еду; это поведение опирается на процедурные навыки и схемы SM (skill memory), которые хранятся в подкорковых и сенсомоторных картах, КПС использует их для выполнения простых действий, которые не требуют смысловой нагрузки и сознательной интерпретации, они доступны даже при сильно “ограниченном” сознании, поэтому существо очень редко демонстрирует “творческую” сложность, требующую абстрактность или планирования на несколько уровней вперед, а если и демонстрирует, то вероятнее всего это связано с SM памятью, так как чаще это шаги ориентированные на поддержание базовой жизнедеятельности или на исполнение многократно отрепетированных ритуалов. Лунатизм чаще встречается у детей и подростков, реже у взрослых и практически отсутствует у пожилых, такая возрастная динамика объясняется “незрелостью” КПП и более высокой пластичностью автоматических схем, а амнезия после эпизода и фрагментация воспоминаний это прямое проявление ЭБЛ, после подобного существо часто не помнит происходившего или помнит лишь редкие фрагменты, но они не связываются в цельную картину, это говорит о том, что КПС функционирует так, чтобы не создавать устойчивую интегрированную память о своем действии для сознания. Также экспериментальные моменты демонстрируют, что в некоторых случаях существо способно реагировать на внешние факторы, например, уклониться от препятствия¹³, так лунатизм доказывает мощь и автономность подсознательных программ. Зачем это нужно и почему это происходит,

13 – Zergham, Chauhan. *Somnambulism*. (2023)

предлагаю несколько вариантов: в условиях нарушения сна, стресса или угрозы КПС может включить проверенные паттерны (поиск пищи, укрытие, навигация), что повышает шансы выживания в “неидеальном” состоянии организма; вариант репетиции моторики и закрепления, КПС использует период медленного сна перепроверки и отладки автоматизмов; когда дневные тревоги не полностью переработаны, КПС переводит часть двигательной энергии в автоматические действия, такой способ снять напряжение без привлечения сознания.

1.2: Сбой подсознания и момент перехвата сознанием

Одним из наиболее доступных и повседневных подтверждений фундаментального подсознательного контроля является знакомая всем ситуация, внезапный вопрос: “зачем я сюда пришел?”, при уже начатом движении: проход на кухню, открытие двери, поход в другую комнату; этот феномен проявляется для диагностической регуляции поведения, действие запускается и ведется КПС, а когнитивная часть сознания включается лишь тогда, когда автоматизм нарушается и требуется возобновления хода действий, на моторном уровне многие наши перемещения реализуются по принципу “если... – то...”, например, если: жажда, то идти на кухню, взять чашку и налить воду, эти шаблоны продукт SM памяти в КПС, оно закрепляет устоявшиеся процедуры, хранит и воспроизводит их автоматически при надобности (привычки, ритуалы, культурные сценарии), это нужно для

экономии ресурсов, автоматическое выполнение освобождает префронтальную кору от постоянной нагрузки, поэтому движения предшествует любой явной рефлексии. Разрыв цепочки действий возникает, когда подсознание теряет контекст или сталкивается с конкурирующими целями: изменился стимул, другая внутренняя цель, либо произошло непредвиденное действие, в этот момент проявляется осознание, не потому что появилось новое, глубокое понимание чего-то, а потому что система сигнализирует об ошибке, сознание в таких ситуациях выполняет роль аварийного модуля, оно пытается восстановить работоспособность инерции поведения, реконструируя или придумывая цель так, чтобы дальнейшее действие могло быть продолжено, то есть вопрос “зачем я здесь, зачем я это делаю?” это сигнал о том, что автоматическая процедура потеряла опору и требует вмешательства интерпретатора¹⁴, сознательная переработка дорогостоящая, поэтому КПС предпочитает автоматические решения, сознание экономит ресурсы и включается при критическом сбое, подобное явление можно вызвать искусственными факторами, которые смещают баланс в пользу сознательной реконструкции: усталость, недосып, стресс, депривация; они снижают порог срабатывания КПП и приводят к подобным ситуациям, при внезапном вопросе должно предшествовать усиление активности моторных, подкорковых сетей, затем, в момент вопроса, наблюдается всплеск фронто-париетальной активности, связанной с контролем и поиском контекста, если вмешательство сознания успешно, действие корректируется и возвращается в автоматическую плоскость, если нет, то возрастает вероятность ошибки воспроизведения и остановки.

¹⁴ – Metzinger. *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*. (2003)

1.3: Анализ документированного суицида, теория и феномен АМС

Во время написания данной работы, мне довелось документировать и проанализировать случай успешного активного суицида человека. Для начала пройдемся по теории, а далее рассмотрим сам феномен АМС. С точки зрения КПС, у существа всегда в работе механизмы КПП и ЭБЛ, которые в норме обеспечивают РИН организма: пища, секс, защита, социальность и другое; даже при страдании эти алгоритмы поддерживают продолжение жизни, суицид же возникает тогда, когда баланс между глубинными алгоритмами выживания и сознательными оценками рушится настолько, что подсознательная оценка ресурсной эффективности и риска перестает оправдывать дальнейшее существование, КПС терпит структурный сбой, потому что внешние условия и внутреннее истощение делают продолжение жизни явно тяжелым/невозможным явлением, что следует проявлению аварийного механизма самоуничтожения, срабатывающего при коллапсе репродуктивной и регуляторной инерциях, АМС далеко не всегда возникает через экзистенциальный кризис, философское переживания бесконечности или даже ЭПС, наоборот, это редкие случаи, у многих людей путь к самоуничтожению проходит мимо явного рефлексивного понимания, это означает следующее, АМС запускается подсознательными алгоритмами, потому что совокупность внутренних показателей сопровождаются: длительным стрессом, одиночеством, отчаянием, неспособностью повлиять на мир, истощением регуляторных ресурсов префронтальной коры и

усилением лимбической реактивности, падает серотонинергическая стабилизация, нарушается работа гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, потерей важного близкого существа, и другими факторами; благодаря этому КПС может выключить барьер страха, самосохранения и повысить импульсивность. Существует два типа суицида:

1. Активный суицид: это непосредственно направленное прерывание собственной жизни; (данное явление может существовать и в альтруистическом виде, например, пожертвовать собой ради сохранения собственного вида, рода или экосистемы).
2. Пассивный суицид: это отказ от еды или, наоборот, переедание, алкогольная и табачная “зависимость”, потеря интереса в увлечениях, отказ от лечения, от социальных связей, от ухаживания за собой, употребление наркотиков и подобное.

Теперь переходим к документированному суициду Эвелины (имя изменено), который следует разбирать как классический пример аварийной активации механизма самоуничтожения в рамках модели константного подсознания. Эвелина, 16 лет, ее описание: в последние месяцы настроение нестабильно из-за учащенных ссор в семье и школе, от чего приходится ментально восстанавливаться прокрастинированием, при упоминании родителей Эвелина плачет, выражает грусть, также отмечает, что ей нравится смеяться, гулять и периоды отсутствия контакта с родителями (что ведет к отсутствию

ссор), живет она с братом и его девушкой, мачеха живет в другом городе, отец в деревне с бабушкой. Ее семья (со слов Эвелины): приемная мать – “вроде бы добрая”, “не любит когда я вру”, “наверное, любит меня”; отец – “веселый”, “алкоголик, когда напивается бьет и кричит”; бабушка – “хорошая”, “любит меня и я ее тоже”. Самоописание: часто врет, считает себя тупой и ленивой, ненавидит свою внешность и себя (примечание, внешне выглядит лучше большинства сверстников, но многократные унижения исказили самооценку), добрая, веселая, не проявляет жестокости к окружающим. Эвелина не хочет жить, учиться и выполнять требования взрослых, на это имеются основания: постоянные крики и наказания со стороны семьи, претензии школы к ее успеваемости (примечание, объективно ее учеба соответствует возрастной норме, но от ребенка требуют большего), отмечает интерес к видеоматериалам с убийствами, кровью, казнями и насилием. Способ, избранный для самоубийства: удушение бытовым газом (две газовые плиты), стандартная кухня хрущевки. Хронология переживаний и действий (по самонаблюдению автора и чувствах Эвелины):

3:30 – Равнодушие, отсутствие страха и инстинкта самосохранения. Радость от потери жизни: “больше никуда не нужно идти”. Считает, что это осознанный выбор смерти (на заданный вопрос: “что такое смерть”, не может дать конкретного ответа).

3:48 – Выражает чувства радости и грусти одновременно, причины неясны. Сонное состояние.

4:02 – “Грустно, но весело, что все заканчивается”. Легкое головокружение, онемение, слабость тела.

4:15 – Туманное сознание, желание спать, судорога в левой ноге.

4:25 – Все еще ходит, думает, испытывает положительные эмоции от того, что умрет. Переживания о мелочах: “как меня найдут”, “хорошо ли буду выглядеть”, “где похоронят”, через минуту выражает апатию.

4:41 – Воспоминания о настоящей матери (прогулки, мороженое). По словам бабушки, мать Эвелины сбегала из дома, курила и вела нестандартный образ жизни. Выражает желание прожить как она (причина ее смерти неизвестна). Осознание отсутствия денег (порой не может себе позволить купить даже еду), чувство одиночества.

4:50 – Кот скребется в дверь. Эвелина улыбается и говорит: “переживает”.

5:50 – Сохраненное полное безразличие ко всему происходящему.

6:07 – Боль в голове, сонливость.

6:21 – Радость от предполагаемых слез близких после ее смерти. Боль в левой ноге, веселится, смеется. Полное безразличие к смерти.

6:27 – Смеется над собой, понимает, что “умирает” мозг, следовательно, и она умирает. Колющая боль в сердце.

6:32 – Боль в ногах.

6:48 – Общее ухудшение состояния.

7:00 – “Прекрасно понимаю, что делаю, и рада”.

7:17 – “Еще в 12 лет хотела умереть, резалась”. Звон в ушах, сильная слабость.
“Не могу ничего изменить, да и зачем, лучше умереть”.

7:47 – Страх, что не успеет умереть, кто-то придет и нарушает.

8:25 – Контакт потерян навсегда.

Характер ситуации и хронологии переживаний Эвелины согласуется с динамикой АМС, на начальном этапе: эмоциональные качели, эпизоды легкой депрессии (фрустрация) и последующее кратковременное отвлечение (через регуляции); затем прогрессирующее снижение страха и охлаждение мотивации к самосохранению, что указывает на смещение нейромедиаторов; наличие в словах позитивной окраски по отношению к собственной смерти и заинтересованности в будущих явлениях (хорошо ли она будет выглядеть, где похоронят) характерно для процесса КПП, существо не осознает реального контекста слов и предложений; ранние самоповреждения и интерес к жестокому контенту повышают приобретенную способность к самоповреждению (*acquired capability*), так как Эвелина подросток, то ее ограниченные права в социуме и когнитивная неразвитость сыграли важную роль, она была не способна проявить сложную когнитивную переоценку действий, восприятие ситуации и планирование альтернативы, найти выход из состояния изменив окружение и цели; на фоне длительного стресса, социальной маргинализации, ранних самоповреждений, изменении поведения в виде потери интересов, отсутствие друзей и поддержки, интерес к сценам насилия и прочее, КПС активировало аварийный механизм самоуничтожения, сознание постфактум сформировало оправдательные смыслы и элементы планирования, но не было инициатором решения. Практический вывод таков: чтобы КПС животного не имело возможности убить себя, оно должно быть счастливо в рамках его субъективной реальности, как минимум это иметь свободу

действий и реализации собственных потребностей. Профилактика в подобном случае должна таргетировать восстановление регуляторных ресурсов, поддержки, а также внедрение цели и смысла путем самообмана: уменьшение стресса, восстановление социальных конструкций (семейная и школьная поддержка), работа с самоповреждением и склонностью к насилию, укрепление исполнительных функций и терапевтическая работа по реструктуризации ценностей и смысла. Понимание суицида как системного явления КПС меняет его клиническую картину, задача терапии это восстановить интеграцию модулей (усилить префронтальную регуляцию, построить новые смысловые опоры, восстановить социальность), а не интерпретировать акт как волевой выбор.

1.4: Понимание и/или осознание бессмысленности и АМС

Одним из ключевых парадоксов существования является несоответствие между знанием и действием, даже при достижении состояния, в котором существо предельно ясно и логично понимает отсутствие объективного смысла жизни, все равно наблюдается продолжение активности, воспроизводства и взаимодействия с окружающим миром, это противоречие невозможно объяснить с позиции организма, который способен свободно принимать решения на основе убеждений и свободы воли, подобное понимание никогда не приводит к немедленному прекращению жизнедеятельности, имеет системный характер и объясняется

на уровне архитектуры КПС. Во-первых, различие между содержанием и исполнением, сознательное предложение: “все бессмысленно”, является конструкцией высокого уровня, она повышает ошибку прогнозирования (prediction error) в системе, но сама по себе не обладает прямыми исполнительными полномочиями над моторными и гомеостатическими цепочками, поведение базируется на порогах активации, подкреплениях и автоматических скриптах управляемых КПС, сознание включается главным образом при нарушении автоматизма, как диагностический и корректирующий модуль, следовательно, знание о бессмысленности чаще выступает как фон, который может изменять вес предсказаний и содержание; во-вторых, процесс перехода от знания к изменению поведения относителен, система сначала накапливает ошибки, и переход происходит лишь при достижении критической отметки ресурсов, до этого момента КПП работает в режиме восстановления: вытеснение, рационализация, смещение внимания; и тем самым снимает острые угрозы целостности. В редких случаях, при определенных обстоятельствах, может даже произойти именно осознание абсолютного ничто под названием ЭПС, состояние когда сознание фиксирует безысходность в виде неминуемой смерти, бессмысленности и невозможностью как-то на это повлиять, при этом ощущая собственное “я” в двух положениях одновременно, жизнь и смерть, как суперпозиция. Даже если после этого существо примет аксиому и философию паннихилизма, усилит содержательную сторону сознания, увеличивая вероятность пробоев КПП и проявления ЭПС, то само по себе знание об этом, и соответственно, сам паннихилизм не обеспечивает механизма исполнения АМС, существо может обладать паннихилистским убеждением и при этом продолжать жить, радоваться, грустить, работать,

потому что КПС все равно сохранит репродуктивную инерцию существования, паннихилизм может и меняет контекст, повышает вероятность пробоев КПП, активаций ЭБЛ для фрагментации эпизода ЭПС, но окончательный результат в виде АМС требует совокупности нейрофизиологических и социальных факторов. Животное, загнанное в ловушку, может в течение долгого времени продолжать пытаться вырваться, даже если логика ситуации подсказывает безнадежность, оно не анализирует, не делает выводов, оно продолжает действовать, пока есть энергия, или человек, даже достигший пика экзистенциальной пустоты, в абсолютной апатии, все еще встает, и совершает базовые действия¹⁵, он может говорить о бессмысленности, но не способен ее реализовать до конца, потому что бессмысленность осознана сознанием, но действия инициирует не оно. Продолжение жизни при экзистенциальном кризисе или ЭПС это не выбор, а механизм репродуктивной инерции, подобно тому, как сердце продолжает биться в бессознательном теле, так и субъективное существование продолжается в абсолютном ничто, потому что организм, прежде всего, не является логической машиной, он результат огромного количества эволюционных адаптаций, цель которой не истина, а выживание¹⁶, любой организм, включая человека, не проектировался для того, чтобы размышлять о бессмысленности, он был сформирован как репродуктивное устройство, поддерживающее свои функции, пока это возможно, и только потом как носитель разума¹⁷, биологическая инерция продолжает генерировать желания, реакции, действия, даже если все

15 – Damasio. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. (1999)

16 – Dawkins. *The Selfish Gene*. (1976)

17 – Dennett. *Consciousness Explained*. (1991)

кажется завершенным¹⁸, вообще сама идея лишения себя жизни это абстракция с точки зрения глобального времени, но все еще один из главных инструментов КПС для уничтожения себя при неудаче вытеснения разрушительных фрагментов памяти или невозможности продолжения РИН в определенных условиях.

1.5: Деконструкция "Я мыслю, следовательно, существую"

С точки зрения Декарта и его утверждения: "Cogito ergo sum" – "Я мыслю, следовательно, существую" (другими словами, если все подвергнуть сомнению и оставить "я", то сам факт сомнения или мышления является несомненным доказательством существования "я"¹⁹) оно предполагалось как очевидное свидетельство существования и как гарантия субъектности, но система КПС и аксиома паннихилизма позволяют утверждать, что мысль это не фундамент бытия, а один из способов интерпретации биологических процессов эволюционно развитого сознания, в контексте модели КПС "формула" Декарта перестает выступать онтологическим утверждением и становится случаем постфактум интерпретации, а со стороны паннихилизма вообще не имеет право на "существование", данное высказывание представляется не достоверным утверждением, а регулятором стресса ввиду глубинного страха смерти. Что такое вообще существование? Может быть память? Если так, то с точки зрения субъекта, существования никогда не

¹⁸ – Libet. *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. (2004)

¹⁹ – Descartes. *Meditations on First Philosophy*. (1641)

было, поскольку память исчезнет вместе с ним. Может быть тогда память другого наблюдателя? Здесь ответ тот же самый, даже если передавать память из поколения в поколения пропуская десятки миллиардов световых лет, где уже нет ни нашего солнца, ни планеты земля, ни человека, то это все равно не воскресит мысли и “я” существа, память о котором где-то возможно осталась сохранена. Сама формулировка “я мыслю, следовательно, существую” предполагает, что акт мышления как таковой влечет за собой наличие субъекта, этого акта производящего, но в действительности мышление возможно без личности, то, что мы называем мышлением, в большинстве случаев есть автоматический процесс обработки информации, осуществляемый нейронными структурами, запрограммированными биологически, то, что доказывает существование “я”, не нуждается в “я” для выполнения своей функции²⁰, у человека может возникнуть мысль вне контекста осознания этой мысли как собственной, например, при деперсонализации или в полусонных состояниях мысли могут протекать “сами по себе”, мысль не требует субъекта, она самодостаточна как результат работы материального носителя, в данном случае мозга, что нарушает изначальную модель Декарта, ведь если “мыслю” не требует “я”, то и “существую” это не обязательно производное от мышления. Утверждение Декарта работает исключительно в рамках грамматической логики, а не онтологической, она структурирована по законам языка, где есть субъект “я”, предикат “мыслю” и следствие “существую”, но в природе нет грамматики, и, следовательно, нет оснований делать выводы о бытии из структур лингвистических, поэтому данное утверждение это не доказательство, а результат языковой структуры, встроенного в сознание культуры, Декарт не

20 – Metzinger. *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self*. (2009)

доказал бытие, он повторил форму, в которой КПС привыкло убеждать себя в собственной реальности, выражение “мыслю, следовательно, существую” можно переформулировать в более правдивый и биологически адекватный вариант: “кажется я существую и мыслю, вследствие наличия языковой культуры”, такое утверждение лучше отражает идею репродуктивной инерции, при которой мозг продолжает порождать мысли даже в условиях сомнамбулизма, деперсонализации и прочего, мысли не являются доказательством существования, они инструмент выживания и продолжаются до тех пор, пока не наступит смерть.

1.6: Символическое бессмертие

Возьмем во внимание повседневный феномен, который для большинства стал обыденностью в виде запечатления информации, фотографирование и видеозапись повседневных моментов следует рассматривать не только как технологию запечатления памяти, но и как поведенческий, и символический механизм регуляции страха смерти и поддержания “вечной” продолжительности жизни, в рамках модели константного подсознания этот ритуал выполняет три взаимосвязанные функции:

1. Внешнее архивирование информации.

2. При публикациях в социальных сетях, происходит усиление социальной репрезентации и статуса.
3. Снижение тревоги, связанной с конечностью существования путем создания культурно доступной “символической бессмертности”²¹.

Сознание конструирует рациональное обоснование “сохранить память”, “поделиться моментом”, тогда как подсознательная мотивация включает элемент уменьшения угрозы потери собственного следа во времени базовой репродуктивно-инерционной программы, трансформированной культурой, данный пункт опирается на три близкие теоретические концепции:

1. Очень схожая психология “символического бессмертия” Лифтона, люди стремятся продлить свое влияние через потомков, произведения, ритуалы.
2. “Terror Management Theory”²², напоминание о смертности повышает мотивацию к поддержанию культурных мировоззрений и поиску символических форм бессмертия.
3. Теория extended mind²³ показывает, что внешние носители информации становятся частью когнитивного устройства, фотоархив

21 – Lifton. *The Broken Connection: On Death and the Continuity of Life*. (1979)

22 – Greenberg, Solomon, Pyszczynski. *The Worm at the Core: On the Role of Death in Life* - Goodreads. (2015)

23 – Clark, Chalmers. *The Extended Mind*. (1998)

это внешняя память, изменяющая границы “я”.

Эти три слоя совместно объясняют, почему фотопрактики массово распространены и почему они коррелируют с экзистенциальной регуляцией, но не все фото или видео мотивированы одним и тем же, необходимо различать мотивационные подтипы:

1. Память, семейный архив (ритуальное продление).
2. Самопрезентация, социальные сигналы (статус, партнерская привлекательность).
3. Эмоциональная регуляция (как способ обработки горя и тревоги).
4. Творческая и эстетическая мотивация.

Подсознательная потребность в бессмертии должна проявляться преимущественно в подтипе 1 и частично 3, тогда как 2 и 4 больше коррелируют с социально-коммуникативными стратегиями КПС. Частота документирования (число снимков и видео на единицу времени, доля семейных и портретных снимков, время, проведенное над организацией архива) положительно коррелируют с показателями тревоги смерти и потребности в символическом бессмертии^{24, 25}, также значимость смертности

24 – Collett-Lester Fear of Death Scale (CL-FODS)

25 – The Sense of Symbolic Immortality Scale (SSIS)

повышает немедленное желание зафиксировать текущий момент, эффект модифицируется социальной близостью объекта (чем выше значимость отношений, тем сильнее эффект). Высокая корреляция между показателями тревоги смерти и активностью областей, отвечающих за самопрезентацию и социальную оценку при просмотре собственных фотографий, а также повышенная реактивность при угрозе потери памяти (например, потери фотоархива). Ожидается, что у лиц с высокой потребностью в символическом бессмертии просмотр собственных архивов вызовет усиленную активацию медиальной префронтальной коры (самореферентная обработка информации), вентрального стриатума (репаративная стимуляция) и правой островковой области (эмоциональная interoцепция). Рассмотрим обратную сторону, отсутствие практики фотографирования нельзя автоматически объяснить как осознание реальности или отсутствие страха смерти, так как у животных мотивации различаются из-за разных культур и окружения, у некоторых поддержка памяти осуществляется устно или через иные ритуалы, фотография и видеозапись это лишь один из многочисленных поведенческих феноменов, через которые константное подсознание реализует стратегию символического продолжения “я” после смерти, сейчас детально разберем и другие формы внешнего продления:

1. Творчество и произведения. Выполняют функцию в виде создания долговременного культурного следа: книги, музыка, картины, научные труды объясняются как способ передать части себя через символические структуры, сознание формулирует это как самовыражение и вклад, собственно, чем я сейчас и занимаюсь. Подобная долгосрочная инвестиция ресурсов не редко связана с

высоким абстрактным IQ и длительным планированием, конкретизируется количеством произведений, цитируемостью, охватом аудитории, точно так же коррелирует в символическом бессмертии. У творцов при просмотрах и оценке своих работ наблюдается усиленная активность в медиальной префронтальной коре и вентральном стриатуме (самовознаграждение).

2. Дети, наставничество, преемственность. Выполняют функцию в виде биологического и культурного воспроизводства, наиболее простой путь “продления” жизни через генетическое и меметическое наследие, сознание оправдывает это ценностями семья и будущее, вычисляется через: число потомков, вовлеченность в воспитание, инвестиции в них и передачу навыков.
3. Институты, фонды, реликвии. Выполняют функцию в виде институционального бессмертия: здания, фонды, памятники, названия; используются для длительного присутствия в коллективной памяти, зависит от размера пожертвований, долговременности проекта, “эхо” имени в публичной сфере (onomastic persistence).
4. Архивирование и ритуалы памяти (альбомы, дневники, семейные обряды). Выполняют функцию в виде регулярного воспроизведения памяти, КПС рассматривает ритуал как предсказуемый паттерн, уменьшающий неопределенность существования в мире, сознание формулирует это в рамках культурных смыслов, оценивается в: частоте ритуалов, объемом и структурой архивов, качеством историй о

предках.

5. Социальные сети и самопрезентация (селфи, сторис). Выполняют функцию в виде быстрого публичного следа, КПС использует публичное признание как инструмент повышения статуса и расширения социального “временного следа”, важно различать подтипы: семейные архивы и селфи; это разные мотивации и разные связи с тревогой смерти, определяется частотой публикаций, тематикой, вовлеченностью.
6. Коллекционирование и материальное наследие. Выполняют функцию в виде переноса ценностей и социального капитала через поколения, КПС инвестирует в объекты как в долговременные факторы, зависит от размера коллекции, намерения завещания, ценностью предметов.
7. Религия ее ритуалы и миссионерство. Выполняют функцию в виде веры в жизнь после смерти, КПС использует систему верований для снижения тревоги смерти, вычисляется религиозной вовлеченностью, частотой ритуалов, инвестициями в религиозные институты.
8. Идеологии, политические движения и групповые мероприятия. Выполняют функцию в виде коллективной идентичности, обеспечивают встраивание в длительные проекты, их успех и память “продлевают” жизнь существа, КПС видит в этом путь к продолжению влияния, наблюдается лидерством, активностью, вкладом в движение.

Во всех перечисленных примерах действует одна и та же логика, КПС генерирует мотивационный импульс (снижение тревоги исчезновения, сохранение или увеличение социального капитала), сознание образует культурные и рациональные оправдания, различия между способами получения “бессмертия” определяются главным временным образом (быстрое и легкое это селфи, музыка, поэзия; медленное и длительное это институты, дети, идеологии), стоимостью (энергетической, экономической) и социальным эффектом (индивидуальное или коллективное бессмертие). Очень многие феномены из повседневной жизни являются для нас скрытым символическим бессмертием, и все они инструменты КПС по управлению угрозой исчезновения.

1.7: Сознание у растений и простейших организмов

У растений существует то, что можно четко назвать чувственной и информационно-интегративной системой, но называть это человеческим сознанием в привычном смысле невозможно, у растений есть сенсорный аппарат, электрические и химические нервоподобные сигналы, память и адаптивное поведение, все это делает их полноценными носителями “разума” в экосистеме. Растения выполняют такие же задачи, которые у животных обычно связывают с подсознанием и сознанием: они измеряют среду, интегрируют данные, принимают решения и запоминают прошлое

для будущих адаптаций; растения воспринимают мир через широкий набор рецепторов: они чувствуют свет (спектр, направление, интенсивность), механические воздействия (ветер, прикосновения), химический фон (питательные вещества в почве, летучие органические соединения), влажность, электрические изменения и даже шумы²⁶; эти явления кодируются и распространяются по растению в виде электрических и химических сигналов²⁷, у некоторых видов регистрируют быстрые потенциалы действия и электрические волны, которые похожи по механике на нервную активность у животных, например, ловушки венериной мухоловки и быстрые сигналы у растений, реагирующих на ранение²⁸, сигналы переводятся в гормональные каскады (оксид азота, жасмоновая и салициловая кислоты), меняют физиологию тканей и поведение (закрытие устьиц, рост в сторону света, выброс защитных летучих веществ)²⁹. Память и обучение у растений подтверждаются множеством работ: эпигенетические изменения после стрессов, феномен “priming” (когда прошлый контакт с патогеном ускоряет будущий ответ), длительные изменения в выражении генов и физиологии после пережитого стресса, все это функционирует как память³⁰. Интеграция сигналов у растений организована распределенно, у них нет обычного для нас центра психики в виде мозга, но есть сети и каналы (флоэма, ксилема, апопласт), которые выполняют функции передачи информации и интеграции, а также колебательные ритмы, электрические паттерны и гормональные градиенты дают растениям способы понимать и принимать важные решения, например, между ростом в глубь почвы ради

26 – Baluska, Souza. *Plant Signaling, Behavior and Communication*. (2024)

27 – Fromm, Lautner. *Electrical signals and their physiological significance in plants*. (2007)

28 – Volkov, Adesina, Jovanov. *Closing of Venus Flytrap by Electrical Stimulation of Motor Cells*. (2007)

29 – Vlot, Dempsey, Klessig. *Salicylic Acid, a Multifaceted Hormone to Combat Disease*. (2009)

30 – Conrath, Beckers, Flors and others. *Priming: getting ready for battle*. (2006)

воды и ростом вверх ради света. Если сознание определять как наличие факторов, способных создавать внутренние представления и иметь значения (теория интегрированной информации (ТИИ))³¹, то растения удовлетворяют некоторым параметрам, если требовать наличие рефлексивного сознания, то у них таких признаков нет. С этической стороны признание у растений сложной чувственной архитектуры необязательно ведет к тем же выводам, что и для животных с нервной системой, но заставляет пересмотреть наш подход к агросистемам, экспериментам и сохранению биоразнообразия, у растений есть собственный КПС, набор детерминированных программ, которые выполняют роль подсознания, если считать сознание просто совокупностью органов чувств и способов их интеграции, то да, растения имеют сознание в расширенном, функциональном смысле, если же под сознанием понимать только рефлексивность, относить наше развитое сознание к их простейшему, то сознания у них в таком случае нет, но подобное сравнение не будет иметь веса, поскольку организм, который находится на начальных ступенях эволюции, всегда будет проигрывать в сравнении организму, что находится намного выше.

31 – Tononi, Oizumi, Albantakis. *From the phenomenology to the mechanisms of consciousness: Integrated Information Theory 3.0.* (2014)

1.8: Противоречивые феномены константного подсознания (чайлдфри, трансгендерный переход, хикикомори, мазохизм, зоофилия и педофилия)

В данном пункте мы рассмотрим как константное подсознание объясняет противоречивые ему феномены, начнем с чайлдфри. Для КПС феномен чайлдфри считается как одна из возможных конфигураций репродуктивной инерции, модифицированной культурой, личной историей и текущей средой, когда животное заявляет о намеренном отказе от продолжения рода, это означает, что в его системе произошел сдвиг репродуктивных параметров потому, что сознание и социальные контексты сумели перераспределить ресурсы в другие, более важные для него механизмы, в перспективе чайлдфри репродуктивные алгоритмы работают по-другим правилам, они переориентированы на заменители репродуктивной награды:

1. Первый механизм это перераспределение вознаграждения, современная среда предоставляет множество альтернативных источников вознаграждения: карьерный успех, творческие достижения, интенсивные хобби, путешествия, социальное признание в узких сообществах, мировое внимание и признание, для некоторых существ эти источники обеспечивают достаточный вес, чтобы отойти от классической репродуктивной траектории, еще КПС смотрит на соотношение затрат и выгод, если прогнозируемые затраты на

воспитание и потерю свободы или ресурсов перевешивают ожидаемую выгоду с позиций его стратегии, автоматические приоритеты репродукции теряют глубину и устойчивость, так животное переходит в режим чайлдфри.

2. Второй механизм это перенаправление репродуктивной энергии, ее ресурсы часто находят новые пути: наставничество, волонтерство, творческая работа, забота о питомцах, вклады в общественные проекты (то есть переходит от сохранения рода в сохранение вида или экосистемы), КПС воспринимает эти занятия как частичную компенсацию, они дают социальное признание, стабильные ритуалы заботы и контакты, которые поддерживают чувство причастности и смысла без классического понятия продолжения себя, в этой форме чайлдфри оказывается функционально совместимым с биологической логикой, поскольку система получает альтернативные методы, которые снижают риск активации АМС.
3. Третий механизм это влияние раннего опыта и привязанности, если детский опыт связан с травмой, недоверием к родительской роли или наблюдением, что родительство приносит в первую очередь страдания, КПС может закодировать высокую “стоимость ребенка” в ранней регуляции, это делает ожидаемую выгоду от родительства низкой, и сознательное решение лишь выражает уже существующее автоматическое предпочтение, то же самое работает в обратную сторону, позитивные модели родительства усиливают репродуктивную

инерцию.

4. Четвертый механизм это культурная и институциональная модификация сигналов КПС, социальные нормы, экономические условия, доступность контрацепции и возможности реализации вне репродукции меняют внешние сигналы, по которым КПС принимает решения. В обществах, где у детей высокая экономическая стоимость или где социальная поддержка семьи слаба, КПС пересчитывает ресурсный баланс в сторону отсрочки или отказа. Также в условиях, где медийные источники транслируют чайлдфри движение, такая повторяемая культурная риторика снижает сомнение и упрощает закрепление новой конфигурации автопилота.

У людей, стабильно выбирающих отсутствие детей, могут быть изменения в системах, отвечающих за родительскую мотивацию, вариации в отклике вентрального стриатума на детские стимулы, модификации окситоциновых реакций и различия в гормональной регуляции, но эти изменения часто являются результатом длительных построений, а не первопричиной, то есть КПС адаптируется, длительное отсутствие репродуктивных триггеров и постоянная подкрепляющая среда новых вознаграждений снижают экспрессивность родительских ценностей, у устойчивых чайлдфри паттернов наблюдается сочетание:

1. Высокий вес альтернативных вознаграждений в повседневной жизни.

2. Сниженная чувствительность к детским стимулам на поведенческом и нейрофизиологическом уровнях.
3. Истории привязанности и/или восприятия высокой стоимости родительства.
4. Культурно-институциональная поддержка выбора.

Соответственно, вмешательства, которые хотят изменить такую конфигурацию, например, в исследованиях демографии, должны работать не через проповедь смысла родительства, а через изменение среды решений КПС: снижение экономических барьеров, создание предсказуемых поддерживающих структур, уверенность в будущем, работа с ранним опытом привязанности. Также очень важно разграничивать добровольное чайлдфри и вынужденное, когда выбор проанализирован и подкреплён, и когда репродуктивные функции невозможны, в первом случае система стабильно адаптируется и переходит в устойчивый режим, во втором растёт риск хронической фрустрации и возможного АМС при исчезновении других компенсаторных источников радости.

1.8.1: Трансгендерный переход

С точки зрения КПС он считается как процесс перерасчета и реконфигурации регулятивной архитектуры организма, попытка автопилота снизить хроническую ошибку предсказания (prediction error), которая возникает при длительном несоответствии между внутренней моделью “я” и состоянием тела, и окружения, другими словами, гендерная идентичность это часть глубинной схемы, встроенной в систему предсказаний о себе: какие сигналы тело выдает, какие отклики приходят из социальной среды, какие мотивации и ритуалы подтверждают место в группе; когда эта внутренняя модель стабильно расходится с воспринимающими и социальными входами, например, когда телесные сигналы, гормональные паттерны или социальная роль непрерывно конфликтуют с ощущением “я другой”, то КПС накапливает ошибку предсказания, КПП в норме фильтрует болезненные смысловые сочетания, не давая сознанию существовать в непреодолимом кризисе, но когда КПП не справляется, тогда возникает длительная “душевная” боль, страдания и возможные попытки компенсировать это состояние через самоповреждения. Трансгендерный переход в таком плане это стратегия снижения ошибки, изменение тела (гормоны, хирургия), изменение внешних моментов и социальных ролей, а также достижение согласования между внутренней моделью и внешними данными, что приводит к уменьшению внутреннего конфликта и восстановлению регуляторного баланса. В ситуации постоянного расхождения активируются лимбико-мотивационные сети, страдают регуляторные ресурсы префронтальной коры, возрастает

стресс и дисрегуляция гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, долгий конфликт повышает риск экзистенциального кризиса или ЭПС и АМС. Корректировка тела через гормональную терапию, изменение выражения гендера и социальную идентификацию уменьшают ошибки предсказаний, снижает эмоциональную нагрузку и стабилизирует работу систем вознаграждения и саморегуляции. Современные культурные и институциональные механизмы это ключевой модуль для предотвращения АМС у трансгендерных людей, там, где социальная среда предлагает доступ к медицинской помощи, социальное одобрение, юридическую защиту, то КПС получает возможность перерасчета с относительно низкими затратами, а там, где окружение ругает, социально исключает и даже убивает, тогда КПП попытается удерживать ситуацию, вытеснять желание, поддерживать компенсаторные стратегии в виде саморазрушения и ухода в другие области, что повышает риск депрессии, апатии и суицида. Существуют разные виды перехода: гормональный, хирургический и когнитивно-поведенческий, то есть социальный; в большинстве случаев комбинация мер дает наилучший эффект для снижения дискомфорта и восстановления регуляции, после успешной реконфигурации наблюдается уменьшение симптомов тревоги и депрессии, улучшение variability сердечного ритма и общего функционирования, отсюда следует важный клинический вывод, если с помощью КПС рассматривать трансгендерный переход, то это значит, что он перестает быть патологией и “модным” самоопределением, это значит видеть в нем адаптивную и дорогостоящую, стратегию реконфигурации регулятивной архитектуры.

1.8.2: Хикикомори

Хикикомори это существо, которое добровольно и на длительный срок полностью изолируется от общества, отказываясь от учебы, работы и социальных контактов, и проводит время в уединении дома, для КПС это устойчивая конфигурация регулятивной системы, в которой автопилот переходит в длительный режим экономии ресурсов и минимизации риска за счет ухода из внешнего мира, подавляет силу репродуктивно-социальных программ и переводит носителя в состояние, где критерии для поддержания жизни (внутренняя сенсорная стимуляция, регулярное минимально необходимое подкрепление в виде еды и сна, цифровые вознаграждения и родительская забота) остаются доступны, тогда как внешняя среда с ее неопределенностью, требовательными социальными задачами и риском отторжения объясняется как система, где затраты на действия превышают ожидаемые выгоды, в этой конфигурации КПП перестает пропускать в сознание мотивы к выходу в социум, нестабильность префронтальной регуляции, длительный стресс и накопление предсказательных ошибок создают такую разницу между внутренними моделями и внешней реальностью, что попытка вернуться в стандартный режим воспринимается системой как неприемлемый риск, это объясняет, почему хикикомори долго не реагируют на словесные уговоры, их КПС просто не считает эти стратегии жизнеспособными. В эпидемиологических и клинических моментах хикикомори определяют как состояние выраженного социального ухода минимум на шесть месяцев с значимым ухудшением функционирования, эта

феноменология детально описана и признана не только в Японии, где термин возник, но и в международной литературе как глобальная проблема, связанная с культурными, экономическими и технологическими факторами³². Нейробиологическая картина подтверждает это: длительное пребывание в изоляции сопровождается снижением вариабельности сердечного ритма и уменьшением эффективности префронтальных исполнительных сетей, которые отвечают за планирование и преодоление усилий, одновременно возрастает значимость быстрых дофаминергических подкреплений (игры, интернет, порно), которые поддерживают стабильность “внутреннего мира” и снижают давление КПС на срочные изменения, также семейный контекст играет ключевую роль: родительская поддержка, особенно материальная и бытовая, создают безопасные условия, где КПС может позволить себе отказаться от поиска работы и партнера без немедленного краха в выживании, а где семейное одобрение отсутствует или оно сильно негативно, такой уход чаще предпринимает более патологические состояния или провоцирует раннее разрушение организма³³. Данное явление особенно хорошо прослеживается: в нищих странах, тоталитарных и авторитарных режимах, в обществах с высоким давлением успешности и сильной дискриминацией при неудачах; для многих подобное поведение оказывается отличным выходом рациональной стратегии минимизации риска социальных элементов и хронического стресса, цифровая экономика и развитие онлайн сообществ сделали такую среду доступной и укрепленной, именно поэтому в последние годы исследователи фиксируют

32 – Kato, Kanba, Teo. *Hikikomori: Multidimensional understanding, assessment, and future international perspectives.* (2019)

33 – Kato, Sartorius, Shinfuku. *Shifting the paradigm of social withdrawal: a new era of coexisting pathological and non-pathological hikikomori.* (2024)

распространение хикикомори подобных паттернов и вне Японии, а пандемические изоляции иногда действовали как триггер или усилитель уже существующих тенденций. С практической точки зрения КПС дает инструментальную перспективу на воздействие данного феномена, хикикомори убедить словами не получится, здесь задача изменить систему подкреплений и структуру доступных механизмов так, чтобы автопилот снова признал внешние действия выгодными: постепенное снижение “быстрых” онлайн подкреплений через реструктуризацию среды, поддерживаемые и минимально затратные шаги вовлечения (хобби, волонтерство, поддержка), и работу с семьей как системой, которая формирует условия минимальной безопасности (семейная терапия, постепенная социальная реинтеграция). Длительное поддержание такого состояния увеличивает риск АМС, если семья и поддержка исчезнут, то КПС может оказаться неспособным быстро перестроиться, и тогда возрастает вероятность его срабатывания, это делает стратегию профилактики критически важной, нужно не только подталкивать к действию, но и менять физические и социальные параметры, по которым КПС вычисляет выгоду продолжения участия в социуме. Примеры как определить стадию пациента, чем измерить в исследовании или клинике для оценки состояния и прогресса: продолжительность изоляции, уровень функционального нарушения, “психические расстройства” (социальная тревога, депрессия, аутистические черты), параметры сна, критерии стресса; эти индикаторы помогут понять, насколько глубоко изоляция укоренилась в животном и какие параметры требуется менять³⁴.

34 – Kato, Kanba, Teo. *Defining pathological social withdrawal: proposed diagnostic criteria for hikikomori*. (2020)

1.8.3: Мазохизм

Со стороны КПС, мазохизм, это где боль, подчинение и унижение становятся разными средствами достижения нужных для автопилота определенных целей, это может быть: снижения тревоги через своеобразное расслабление и удовлетворение, восстановления связи с социумом или управления ресурсным балансом организма; на ранее разобранных примерах, мы выяснили принцип работы КПС, и этот случай не исключение, оно работает через оценку выгод и затрат, какие паттерны поведения уменьшают ошибки предсказаний и обеспечивают выживание либо социальную успешность, если акт боли или подчинения регулярно приводит к допустимому восстановлению равновесия системы, через выброс нейрохимических медиаторов и/или социальное одобрение, то такая стратегия закрепляется и может стать повторяемой формой поведения, болевой стимул активирует сложные сети, включая ноцицептивные пути и лимбические структуры, в ряде контекстов активация боли сопровождается выбросом эндорфинов и других эндогенных опиатов, которые снижают чувствительность к боли и одновременно дают удовлетворение, чувство облегчения, эйфории и расслабления, при предсказуемом, контролируемом болевом опыте возникает сочетание ожидания и получения награды, что укрепляет ассоциацию между действием и положительным исходом, окситоцин и другие гормоны привязанности могут усиливаться в ситуациях доверия и добровольного подчинения, превращая болезненный акт в символ социальной близости, КПС считывает эти химические и

поведенческие обратные связи и учится, если за болью следует снижение тревоги, усиление связи с партнером или ощущение смысла, стратегия получает положительный вывод и становится частью жизни. Мазохистские паттерны делятся на функциональные и патологические, функциональные это те, где боль и подчинение происходят в условиях контроля, согласия и последующей регуляции (включая сексуальные БДСМ практики), чаще выступают как способ аффективной регуляции, безопасной переработки травм, проверки границ и усиления интимности, в этих случаях КПС использует замещающие сигналы: добровольное ограничение свободы дает ощущение порядка, предсказуемость ритуала понижает тревогу, а вознаграждающие нейрохимические реакции одобряют поведение. Теперь рассмотрим патологическую сторону, это когда мазохизм служит исключительно самонаказанию, связан с глубокой виной, травмой детства и приводит к личностному ущербу, возникает в виде пассивного АМС, КПП не пропускает альтернативные более адаптивные стратегии, и поведение становится повторяющимся саморазрушением, если с этим состоянием не бороться, то в конечном итоге существо совершит активный суицид.

Мазохизм еще можно рассмотреть как способ сигнализации о доверии и преданности, добровольное подчинение демонстрирует партнеру свою лояльность и полное доверие, в культурных контекстах такие демонстрации иногда служат укреплению парных или групповых уз, КПС распознает пользу такого сигнала, потому что он снижает риск отторжения и повышает шанс на долговременную поддержку со стороны группы, а это прямо коррелирует с выживаемостью в эволюционном смысле, в других случаях мазохистские практики являются способом перевести травматический опыт в контролируемую форму, где страх перед болью становится управляемым

ритуалом, что облегчает переработку и уменьшает тревожность. Само по себе предпочтение к боли не является патологией, если оно добровольно, не причиняет вреда и не вызывает значительного страдания, когда же мазохизм сопровождается чувством стыда, утратой контроля и ухудшением функционирования, это поведение требует психотерапевтической коррекции. Во время контролируемого мазохистского опыта должны наблюдаться: повышение концентраций эндогенных опиатов и окситоцина, активация вознаграждающих структур при ожидании и получении стимулов, снижение кортизола и усиление субъективного чувства близости; а где мазохизм выступает как самонаказание, ожидается обратный результат: повышенный стресс, низкая вариативность сердечного ритма, признаки депрессии и повышенная реактивность амигдалы; если поведение адаптивно и согласовано, то это тактика регулирования системы, у нее безопасные практики и открытая коммуникация, а если поведение деструктивно, то нужна терапия, работа с травмой, восстановление навыков саморегуляции и создание альтернативных путей получения вознаграждения.

1.8.4: Зоофилия (а также педофилия)

При понимании работы КПС и его механизмов, зоофилия это отклонение внутри универсальной репродуктивной программы, при которой система перенастраивает пути достижения врожденной цели полового и

эмоционального удовлетворения в условиях дефицита или искажения стандартных стимулов, сексуальная функция для автопилота это инструмент регуляции: снятия физиологического стресса, стабилизации нейрохимического баланса и, в нормальных условиях, реализации репродуктивной миссии вида, когда доступ к привычным социальным сценариям полового поведения заблокирован или деформирован вследствие: изоляции, травмы, социальной маргинализации, когнитивных особенностей или эмоциональной депривации; то КПС может переключить объект на любую доступную форму стимуляции, способную вызвать разрядку. С точки зрения нейробиологии, половой акт это сложная система взаимосвязей между гипоталамо-гипофизарной осью, лимбическими центрами удовольствия и корковыми зонами, отвечающими за распознавание привлекательности и эмоционального значения, при обычном социальном развитии и взаимодействии эти центры синхронизируются на стимулы, связанные с представителями собственного вида, но если в процессе формирования полового запечатления (особенно в детстве и подростковом возрасте) человек не получает устойчивых социальных и эмоциональных паттернов, если его опыт включает сильную тревогу, травму, одиночество или приучение к асоциальным формам стимуляции, то корковые схемы оценки могут выстроиться неправильно, КПС при этом действует функционально: оно ищет любую форму вознаграждения, способную снизить тревогу и дать ощущение безопасности или власти, контакт с животным в таких случаях становится для системы комбинацией доступности, отсутствия угрозы и возможности полного контроля, что для автопилота может интерпретироваться как оптимальная стратегия снятия напряжения. Важно понимать, существо может даже осознавать

ненормальность поведения, но КПП либо не пропускает тревогу, связанную с моральным суждением, либо фильтрует ее через рационализацию “я никому не причиняю вреда”, “животное согласно”, это эквивалентно любым другим формам снятия напряжения: злоупотреблению веществами, навязчивым действиям, самоповреждению; повторяемость и закрепление таких паттернов усиливаются быстрым вознаграждением, и при отсутствии социальных и эмоциональных альтернатив КПС будет повторять эту форму, даже если она деструктивна в культурном смысле. Когда система не может реализовать базовый инстинкт репродукции в социально приемлемых рамках, она выбирает ближайшую по нейрохимическому эффекту замену, даже если она лишена репродуктивного результата, такой механизм схож с тем, что наблюдается у животных при депривации или перенапряжении, это случаи гомосексуального опыта у различных видов, например, у обезьян, дельфинов или собак, интерпретируются как формы социального снятия напряжения и поддержания контакта, а не как отклонение, получается сама структура репродуктивной инерции допускает недочеты при дефиците внешних стимулов, а человек, как носитель сознания, только интерпретирует этот процесс через культурные моменты, объясняя акт любовью, любопытством или отчаянием; исследования парафилий подтверждают, что подобные формы поведения тесно связаны с травматическим опытом, социальной изоляцией, депрессией и повышенной тревожностью^{35, 36}, травмированная система не различает биологическую, культурную и моральную реальности, а потому реализует репродуктивную задачу кратчайшим путем.

35 – Kafka. *Hypersexual disorder: a proposed diagnosis for DSM-V*. (2010)

36 – Seto. *Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention*. (2008)

2: Животное и человек

И человек, и любое другое животное начинают с одного и того же непосредственного выживания без объяснений, разница лишь в том, что человек адаптировал язык и культуру, которые наложили на этот процесс иллюзию необходимости в смысле, но в основе все та же биологическая концепция КПС, у многих видов животных наблюдаются устойчивые, локально различающиеся поведенческие традиции, социальные практики и эмоциональные структуры, которые выполняют те же регулятивные функции, что и человеческая культура: передают навыки, работают сообща и уменьшают неопределенность в социальной среде; систематический обзор полевых наблюдений по шимпанзе показал набор поведенческих вариантов между популяциями: использование инструментов, техники добычи пищи и ритуализированные механизмы, которые лучше объясняются культурной передачей, чем локальными критериями или генетикой³⁷, аналогично, у зубатых китов и дельфинов зафиксированы сложные вокальные навыки и устойчивые поведенческие традиции, которые распространяются внутри кланов и передаются между поколениями вне генетической наследственности³⁸. Эти факты ставят под сомнение такое противопоставление как: “животное это инстинкты, а человек это культура”, поведенческая адаптивность животных, их способность к имитации, привычка к ритуализации и передача навыков означают, что у многих видов существует совокупность устойчивых, передаваемых паттернов поведения,

37 – Whiten, Goodall, McGrew and others. *Cultures in chimpanzees*. (1999)

38 – Rendell, Whitehead. *Culture in whales and dolphins*. (2001)

которые стабилизируют социальные взаимодействия и оптимизируют репродуктивную и выживательную эффективность в локальном контексте, также исследования по социальной когнитивной теории у приматов показывают, что базовые формы понимания намерений и совместного внимания к деталям служат фундаментом для дальнейшего развития культурных механизмов у человека³⁹, еще у приматов есть элементы эмпатии и примирения, они функционально схожи с моральными чувствами у людей, конечно, они не полностью отражают человеческую мораль, но выполняет соответствующий социальный регулятивный механизм⁴⁰. КПС у животных опирается на набор поведенческих паттернов приводящих их к успехам, на локальном уровне эти паттерны закрепляются как культурная память группы, а КПП фильтрует и стабилизирует те комбинации, которые оказываются устойчиво выгодными, традиции заменяют индивидуальное обучение, обеспечивают предсказуемость в кооперативной работе и создают поле адаптивных реакций на локальные условия.

2.1: Попытки расширения сознания у животных

В истории имеется достаточно попыток обучения животных человеческому языку и культуре, из них мы разберем три знаковых случая: горилла Коко, шимпанзе Ним Чимпски и шимпанзе бонобо Канзи; выясним почему первые

39 – Tomasello, Carpenter, Call, Behne, Moll. *Understanding and sharing intentions: the origins of cultural cognition*. (2005)

40 – de Waal. *Primates and Philosophers: How Morality Evolved*. (2006)

два часто считают неудачными или ограниченными, а случай Канзи относительно успешным. Важное предварительное замечание: обучение животных человеческому языку всегда сталкивается с методологическими ограничениями (анатомическими, нейрофизиологическими и эпистемическими) и с дилеммой интерпретации данных; успешность разных проектов надо судить по четким критериям: спонтанному продуктивному использованию знаков, наличию грамматической структуры, способности к рекурсивной генерации и независимой проверяемости результатов.

Коко. Проект начался в 1972 году, когда аспирантка Франсин Паттерсон взяла под опеку детеныша гориллы и стала обучать ее модифицированной форме американского языка жестов, она утверждала, что Коко овладела сотнями знаков и понимала устную речь в объеме слов, измеряемом тысячами, а также проявляла эмоции, юмор и творческое использование знаков, Паттерсон и соавторы опубликовали книги, популярные материалы, проект стал медийным феноменом и изменил представление широкой публики о возможностях приматов, но научное сообщество было настроено иначе, критики указывали, что лексикон Коко основан случайной реакцией на контекст и подсказки тренеров, а не продуктивной грамматической речью, многие эпизоды, которые в популярной прессе преподносились как “Коко сказала...”, при детальном анализе оказывались зависимыми от интерпретации людей, стоявших рядом (эффект умного Ханса)⁴¹, кроме того, в поздних годах вокруг проекта вспыхивали скандалы: бывшие сотрудники подавали иски, утверждая о неподобающем управлении и даже о случаях давления на персонал, включая громкие и документально отраженные в СМИ обвинения, связанные с демонстрацией оголенности перед гориллой, а

41 – Samhitta, Gross. *The “Clever Hans Phenomenon” revisited*. (2013)

некоторые специалисты указывали на постановку монтажных материалов в популярных роликах.

Ним Чимпски. Это один из самых известных экспериментов, проект Герберта Терраса, где шимпанзе воспитывали в человеческой среде и обучали жестам, изначально казалось, что Ним осваивал множество знаков и даже строил предложения, но Террас в ходе дальнейшей научной работы и, особенно, при тщательном пересмотре видеозаписей пришел к выводу, что Ним в большинстве случаев имитировал поведение тренеров и выдавал последовательности знаков случайным образом, пока не попадет в нужный, чтобы получить угощение, Террас описал, что многие успехи Нима можно объяснить подсказками и ненамеренными сигналами людей (снова эффект умного Ханса), кроме методологических выводов, проект поднял и этические вопросы о методах и условиях содержания, после завершения проекта Ним с трудом адаптировался к жизни с другими шимпанзе, поскольку его воспитывали как человека, позже его продали в лабораторию экспериментальной медицины и хирургии приматов, где ему делали экспериментальные инъекции, и большую часть времени он проводил под сильными седативными препаратами, но потом Ним был приобретен фондом защиты животных и прожил остаток своей жизни на ранчо в Техасе.

Канзи. Работа Сью Сэвидж-Рамбо считается наиболее убедительным успехом в том смысле, что приматы могут усваивать символическую коммуникацию и понимать устную речь в ограниченном, но значимом объеме, Канзи не рос в условиях интенсивного тренировочного принуждения, сначала он просто наблюдал, как взрослых бонобо обучают работе с лексиграммами, и сам впоследствии начал употреблять символы и

демонстрировать понимание устной речи в тестовых заданиях. В ряде контролируемых экспериментов Канзи показывал понимание устной речи в виде инструкций и комбинирование знаков для выражения новых значений, в сравнительных тестах по распознаванию и выполнению устных команд он порой показывал сопоставимые с маленьким ребенком показатели, но стоит подметить, что использование лексиграмм не демонстрирует полную грамматическую продуктивность человеческого языка, и высказывания не равнозначны человеческому синтаксису, тем не менее Канзи показал через контролируемые тесты, сравнительные условия, что некоторые формы языковых форм, особенно в части понимания, возможны у животных^{42, 43}.

Ним и, в меньшей степени, Коко описывают случаи, где значительную часть усвоения составляла инструментальная имитация ради поощрения, поэтому владение большим словарным запасом не было равнозначно владению языком как системой с синтаксисом, форма обучения Канзи дала более способный результат не столько потому, что бонобо умнее, сколько потому, что способ обучения позволял избежать многих экспериментальных недочетов, связанных с подсказками. Попытки просто внедрить человеческий язык в примата, не учитывая их биологические ограничения в виде артикуляции и нейронной архитектуры, а также их когнитивные сильные стороны в виде сенсорной памяти, неизбежно приводили к отрицательным результатам, работа с Канзи показывает, что при правильном подходе возможны убедительные проявления понимания и символической коммуникации.

42 – Schoenemann. *Evidence of Grammatical Knowledge in Apes: An Analysis of Kanzi's Performance on Reversible Sentences.* (2022)

43 – Hieber. *Did Kanzi the bonobo understand language?* (2025)

2.2: Язык животных

Животные хотя не владеют человеческим языком в смысле синтаксиса и продуктивной семантики, но они прекрасно знают другие языки: тела, мимики, обоняния, звука, осязания; у многих видов существует сложная система знаков и правил их интерпретации, которая выполняет ту же функцию, что и у людей язык, то есть передает информацию: о намерениях к сотрудничеству или угрозе, эмоциональном состоянии, статусе, о ресурсах и возможностях взаимодействия; с прагматической точки зрения животное понимает другой язык тогда, когда оно способно связать внешний сигнал с соответствующим поведенческим символом: взгляд – подчинение или агрессия, взъерошенная шерсть – опасность, ухмылка или движения тела – приглашение к игре, запах выделений – репродуктивное влечение; константное подсознание животного держит в памяти набор определенных шаблонов в виде: сигнал – значение – стратегия; когда появляется сигнал, КПС автоматически активирует соответствующие моторные, аффективные и гормональные реакции, у разных видов животных существуют свои специализированные сенсорные каналы: у собак это обонятельные способности, у приматов это сложные комбинации выражений лица и жестов, у птиц это вокальные диалекты и визуальные демонстрации, у насекомых и растений это химические сигналы и вибрации; особое место занимают межвидовые коммуникации, где длительная коэволюция и социализация усиливают способность считывать чужой язык, классический пример в виде собаки, тысячелетия совместной жизни с людьми отобрали и

усилили у собак предрасположенность к чтению человеческих жестов, вниманию и даже интонации, собаки распознают направление взгляда, понимают указательные жесты и мгновенно адаптируют поведение (искать еду, прижаться, пригнуться), аналогично, домашние лошади и некоторые попугаи демонстрируют чувствительность к человеческому выражению эмоций и намерений, потому что такая чувствительность была отобрана и натренирована. Эмоциональное понимание у животных часто проявляется как эмпатическая реакция: птицы и млекопитающие реагируют на крик соплеменников повышением тревоги, а некоторые виды демонстрируют поведение утраты и траура по умершему члену группы, это указывает, что животные оценивают значимость собственной регуляции, КПС реагирует не только на информацию, но и на ее ценность для поддержания ресурса и успеха воспроизводства; на данный момент животные ограничены в: способности к абстракциям, дедукции во временных рамках, рекурсивной грамматике; в подавляющем большинстве случаев животное уступает человеческим возможностям, они редко формируют условные обозначения, которые можно комбинировать для производства бесконечного множества новых значений. Чтобы примат действительно усвоил человеческую культуру и язык в степени, приближенной к детскому освоению, необходима не тренировка во взрослом возрасте, а полноценная программа, погружение с рождения в коммуникативную, поведенческую и ритуальную среду, структурированную так же, как это происходит у человеческого ребенка, язык не сводится к набору сигналов, он представляет собой систему взаимосвязанных практик: длительные ритуалы совместного внимания, многократные репетиции символических пар сигнал – реакция, имитация и обратная связь в тысячах интерактивных моментах в первые годы жизни;

поэтому методологически корректный подход предполагает создание среды, в которой примат испытывает широкий спектр контекстов использования символов, от бытовых просьб до морально-оценивающих ситуаций, и где обучение происходит через наблюдение и совместную деятельность, мультимодальное обучение, близкое к тому, что показала работа с Канзи (обучение через наблюдение за взрослыми, использование лексиграмм в реальных заданиях), гораздо более перспективна, чем интенсивные искусственные сессии с поощрениями, как это было в других проектах, важнейший критерий успеха это спонтанное продуктивное использование знаков в новых контекстах и в отсутствие подсказок тренера, а владение большим лексиконом без доказательств генерации новых контекстов не является достаточным аргументом в пользу наличия языка в человеческом смысле. Артикуляторный аппарат человека и его нейронная архитектура развивались под уникальную комбинацию факторов: высокую плотность кортикальных ассоциативных связей, особую организацию префронтальной коры, длительную зависимость потомства и сложный социализирующий контекст, который поддерживает критические периоды для развития языка и рефлексивности; эти различия означают, что даже при идеальном воспитательном режиме многие виды не смогут воспроизвести человеческую артикуляцию и полную синтаксическую продуктивность, возможен значительный прогресс в понимании и в использовании символов (особенно в визуально-символических системах, как лексиграммы Канзи), но точное соответствие человеческой когнитивной архитектуре невозможно, конечный результат должен оцениваться по множеству признаков: понимание устной речи, способность к комбинированию символов, спонтанная генерация новых значений, присутствие и степень

грамматической структуры, уровень совместного внимания и полнота социальной интеграции. Мои методологические рекомендации для программ исследования и обучения таковы: во-первых, начинать с максимально раннего погружения в процесс, программы должны обеспечивать непрерывную, многообразную коммуникативную среду с мультигенерационными моделями; во-вторых, предотвращать эффект умного Ханса: строгий контроль, независимая оценка видеозаписей, контроль за подсказками тренеров и применение стандартизированных тестов понимания и продуктивности; в-третьих, использовать натуральные методы обучения в виде наблюдения за взрослыми, контекстный ввод значений (именно такая среда дала наиболее убедительные результаты в случае Канзи); в-четвертых, комплексно измерять результат: помимо поведенческих показателей, включать и нейрофизиологические (магнитно-резонансная томография и электроэнцефалография), гормональные и автономные индикаторы стресса и регуляции, а также оценивать развитие исполнительных функций и совместного внимания; в-пятых, проект должен учесть внутривидовую вариативность, исследовать одновременно несколько животных, чтобы избежать неверных расчетов. Все исследования должны соответствовать повышенным стандартам защиты животных, минимизации стресса, учета их социальных и репродуктивных потребностей, более корректным направлением будет не попытка «сделать обезьяну человеком», а изучение пределов коммуникации в естественных условиях и разработка методов, которые улучшают благополучие животных через расширение их возможностей коммуникации в собственной экологии. При идеальных условиях особь может достичь впечатляющих навыков в понимании и использовании внешних символов, и в отдельных задачах проявлять

компетенции, сопоставимые с младшими человеческими возрастными стадиями по узким критериям, но глобального превращения мозга в человеческий не произойдет, форма и глубина сознания остаются эволюционно видовыми, исследования должны смещать акцент с оснащения примата человеческой личностью на изучение того, какие элементы коммуникации и культуры реально могут быть совместимы с их биологией и как это знание расширяет наше понимание когнитивной эволюции.

2.3: Язык звуков это следствие развитого сознания

Язык человека это система звуков и знаков, которые, объединяясь, образуют слова, а затем и предложения, что позволяет выражать сложные смыслы, эта структура выполняет две ключевые функции: первая это коммуникация, передача информации между особями; вторая когнитивная, формирование внутренней картины мира через символы; человек создал язык, который способен описывать абстрактное, гипотетическое или метафизическое, с помощью языка мы можем говорить не только о сейчас, но и о прошлом, и будущем, возможном или невозможном, именно эта способность формирует развитое сознание. У животных также существуют языки (их примеры мы рассмотрели в предыдущем пункте), но они, как правило, примитивны и ограничены набором сигналов, четко связанных с

конкретными действиями или состояниями, рассмотрим еще некоторые из них:

1. Приматы пользуются криками и позами для обозначения опасности, еды или агрессии.
2. У пчел есть знак под названием "виляющий танец", он существует для передачи информации о направлении и расстоянии до источника нектара, а также "круговой танец", для источников расположенных близко, виляющий танец содержит информацию о направлении (угол к солнцу), расстоянии (продолжительность виляния) и качестве (интенсивность движений) добычи, и другие сигналы, такие как жужжание крыльями и феромоны.
3. Дельфины издают сложные звуковые сигналы, различая особей по индивидуальному свисту, что сравнимо имени, делают они это для в навигации и идентификации сородичей.

Эти системы почти никогда не переходят к свободному комбинированию и превращаются в новые конструкции, способные создавать смысл за пределами определенной ситуации, такой язык остается лишь набором сигналов и не является универсальным инструментом мышления, уровень сознания в виде когнитивных способностей определяет уровень развития языка, человеческий язык, обладающий возможностью бесконечного порождения новых слов и значений, делает возможным и философию, и

науку, и мифологию, другие животные же ограничены выживательной конкретикой, их сознание не выходит за рамки непосредственного контекста.

3: Регуляторы стресса

Константное подсознание функционирует в условиях постоянного фонового стресса и оперирует широкими возможностями регуляторных стратегий, которые различаются по скорости, затратам и устойчивости, некоторые из этих стратегий работают как молниеносные регуляторы: алкоголь, наркотики, курение, импульсивные стимулы; они мгновенно снижают тревогу и стресс за счет мощной нейрохимии (быстрый выброс дофамина, эндорфинов), так они временно подавляют негативные аффекты, но при постоянном повторении разрушают систему, другой тип стратегии это медленные и накопительные: творчество, строительство, ремесло, разработка проектов и вообще деятельность, которая дает постепенное, но стабильное подкрепление, эти медленные процессы растут как устойчивые способы для корректировки психики КПС: они повышают самоэффективность, укрепляют социальные связи, создают ритуалы и накапливают смысл, что в итоге глубже и надежнее удерживает систему в состоянии функционирования, также существуют усредненные способы в виде альтруистических практик: помощь другим, волонтерство, наставничество, они одновременно дают немедленный позитивный отклик и долгосрочную репутационную выгоду, служа мощным регулятором для КПС. В условиях дефицита (недостаток сна, стресс, недостаточная социальность) автопилот склонен отдавать приоритет быстрым, но рискованным решениям, эффектом служит временное облегчение, но накапливается аллостатическая нагрузка. Если среда позволяет инвестировать время и усилия в долгие

проекты, КПС постепенно перераспределит вес в пользу медленных стратегий, потому что они дают более предсказуемую и устойчивую компенсацию, в этом смысле заведение животного или рождение ребенка выступают как фундаментальные явления, питомец и ребенок создают постоянные регуляторы: ежедневные ритуалы заботы, социальные требования и эмоциональные вознаграждения которые увеличивают порог активации АМС, формируют обязательства и делают риск ЭПС и активного самоуничтожения менее вероятным; эти долговременные барьеры влияют не только на субъективное чувство смысла, но и на биологическую регуляцию: забота о другом стабилизирует режим сна, способствует регулярному приему пищи, мотивирует физическую активность и поддерживает социальную сеть, все это повышает ресурсность префронтальной коры и снижает реактивность лимбической системы. Если снова разбирать работу сознания, то эта модель здесь не изменилась: “я завел кота, чтобы не сойти с ума”, “я работаю над проектом, потому что это мое призвание”, “я помогаю другим и поэтому чувствую смысл”; это те же самые постфактум объяснения сознания на уже произошедшие действия, которые в действительности курировало КПС, истинная мотивационная причина была в стремлении снизить стресс и восстановить ресурсный баланс, а не в рациональном выборе, именно поэтому нравоучения о “силе воли” неэффективны; гораздо продуктивнее менять саму архитектуру стимулов и ресурсов. Практические следствия из этой картины таковы, профилактика и терапия должны работать в следующей модели: снижать доступность быстрых деструктивных опций и их привлекательность, увеличивать доступность медленных конструктивных источников вознаграждения и укреплять долгосрочные социальные обязательства, а

также поднимать общий регулятивный запас организма (здоровый сон, физические упражнения, нормализация питания), так здоровые ощущения перевесят ощущение боли и существо продолжит жить дальше. На уровне экономики и политики должны быть сформированы меры, которые предотвращают стресс, а не накапливают: доступное хорошее образование и медицина, поддержка творчества, доступ к животным в городской среде, семейная политика; другими словами, вся наша жизнь это один большой стресс, и любые действия, которые поднимают нам настроение в этой жизни, являются регуляторами стресса, и они проявляются в самых разных моментах и действиях: человек, поющий о бессмысленности жизни (или пишущий диссертацию, это я), или о смерти любимого человека, регулирует стресс с помощью поэзии и музыки, а также оставляет “бессмертный” след в виде песни для других; то же самое относится к множеству других моментов в жизни любого живого существа. Чтобы регулировать стресс, КПС может внезапно захотеть купить что-то новое или побрить голову, или захотеть сделать ремонт, всячески избегая “реальности” абсолютного ничто.

3.1: Деньги и труд

Практически любая деятельность человека, как и большинства животных, является формой отвлечения от факта конечности, в случае человека, обладающего сложной нервной системой и способностью к рефлексии, это

отвлечение приобретает более изощренные формы: работа, накопление капитала, поиск удовольствия, потребление контента; эти действия не направлены на рефлекссию, они создают ощущение занятости, в котором исчезает пространство для мысли, в особенности для мыслей о бытии, о смерти, денежная система и рутина работают как фильтры: они структурируют внимание, подают предсказуемые награды и формируют ритуалы, которые уменьшают возникновение ЭПС; выделим три уровня защиты:

1. Простое переключение внимания на задачу, в которой нет онтологической глубины: уборка, работа, спорт, рутина, это позволяет мозгу забыть о контексте своего существования, примитивный механизм, схожий с тем, как животное в условиях стресса начинает автоматически выполнять повторяющиеся действия⁴⁴.
2. Существо стремится к позициям, профессиям, ролям, в которых он нужен, полезен и признан, это симуляция наличия цели в которой оно растворяется, подменяя себя ролью⁴⁵.
3. Деньги становятся материалом, с помощью которого человек выстраивает иллюзию контроля над временем и пространством, богатый человек чувствует себя вечнее, поскольку может покупать молодость (через косметику, медицину, статус), безопасность (через охрану, территорию) и доступ к удовольствиям, все это самообман, не

44 – Pavlov. *Conditioned Reflexes: An Investigation of the Physiological Activity of the Cerebral Cortex*. (1927)

45 – Lacan. *The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. (1973)

более чем временное усыпление страха перед пустотой⁴⁶.

Все три уровня работают одновременно и усиливают друг друга, чем глубже вовлечение на каждом уровне, тем мощнее эффект отвлечения, но также важно различать адаптивные и деструктивные реализации этой стратегии, в стандарте: рутина, работа и экономическая активность действительно поддерживают жизненную стабильность, дают предсказуемые сигналы вознаграждения и снижают риск сбоя КПП; но в иных случаях та же логика приводит к: гонке за богатством, хронической потребительской зависимости и истощение регуляторных ресурсов; стремление зарабатывать деньги, иметь как можно больше, особенно как вторичная цель жизни, это один из самых ярких признаков работы КПП, такое существо неспособно к выходу за пределы локального времени, оно живет в постоянной текучке, в которой смерть существует только для других, в новостях, но не для его реальности. Обычное животное не нуждается в финансовой иллюзии, но тоже избегает осознания своей конечности через: охоту, спаривание, доминирование; осознание бессмысленности бытия у животного может произойти, правда, мы об этом даже и не узнаем, в любом случае подобный момент крайне редок, поскольку их система КПП при КПС куда эффективней, чем у людей с развитой культурой. Любая репродуктивная деятельность это в том числе и защита от возможности думать, от момента, когда существо остается один на один с пустотой, чем более мощная структура защиты, тем глубже иллюзия смысла, но, казалось бы, загруженность в виде денежной системы и рутины помогают существу продолжать жить, двигаться в рамках репродуктивной инерции и не задумываться о смерти, но в то же время они и являются

46 – Kierkegaard. *The Sickness Unto Death*. (1849)

одними из причинных основ мыслей о смерти, поскольку их отсутствие и тяжесть или невозможность повлиять на эти условия влечет за собой экзистенциальный кризис, ЭПС или даже активацию АМС.

3.2: Спорт

В рамках модели константного подсознания поведение, направленное на улучшение тела, следует рассматривать прежде всего как функциональную стратегию автопилота по снижению внутренних ошибок предсказания и поддержанию социально-биологической конкурентоспособности, а не сознательным актом самозаботы, мотивация к спорту и телесному совершенствованию складывается из наложения нескольких уровней автоматических оценок: предсказанная выгода к ресурсам и партнерам, немедленные нейрохимические бонусы (дофамин, эндорфины, окситоцин) и социальная обратная связь, которая быстро формирует и закрепляет поведение; КПС выбирает те паттерны, которые надежно и быстро снижают тревогу и уменьшают вероятность пробоя КПП, спорт служит именно такой стратегией: он и физиологически стабилизирует (снижение тревоги, улучшение сна), и символически снабжает животное статусом, и поведенчески структурирует время, минимизируя рефлекссию о конечности. Первичная мотивация (вентральный стриатум) генерирует “хочу”, тренировка дает подкрепление и тем самым усиливает пути ранее слабо

выраженных привычек, префронтальная кора планирует и удерживает дисциплину, но при хроническом стрессе или дефиците регуляторных резервов теряет контроль, и подобное поведение становится ритуалом, так занятие спортом перестает быть адаптацией и превращается в защитный механизм, повторяющиеся тренировки теперь обслуживают процесс вытеснения, предотвращая контакт от переживания бессмысленности, для КПП спорт является хорошей поддержкой, сознание реже рефлексировало об экзистенциальности, потому что энергия внимания перераспределена в предсказуемую сеть действий. В обществах, где телесная эстетика конвертируется в статус и экономическую ценность (мода, реклама, социальные сети), КПС получает еще более мощные внешние подкрепления: лайки, подписчики, карьерные преимущества; внешнее признание становится предсказуемым вознаграждением, которое быстро усиливает привычку поддерживать образ через тренировки, индустриальные и культурные особенности не только стимулируют, но и институционализируют поведенческую форму, превращая индивидуальную регуляцию в коллективно поддерживаемое одобрение. Также не забываем про разные формы самосовершенствования: адаптивная форма характеризуется функциональной выгодой для здоровья, наличием многоплановых источников смысла (семья, работа, творчество) и способностью временно приостановить практику без катастрофических последствий для идентичности; патологическая форма проявляется компульсивностью (тренировки выполняются даже при вреде), выраженной тревогой при невозможности тренироваться; с позиции КПС переход от адаптации к патологии происходит, когда автопилот фиксирует эффективность стратегии в краткосрочном регуляторном смысле, но общественные или

биологические затраты делают продолжение паттерна ресурсно неэффективным, однако КПС, как система, уже научилась выбирать этот путь и сохраняет его, пока не вмешаются внешние изменения или терапия. Для практики сейчас выделим операциональные индикаторы, по которым можно отличать защитную ритуализацию от адаптивной: степень ритуализации (четкость и частота занятий в расписании), привязанность к образу тела как к идентичности, исторический переход (когда тренировки увеличиваются после экзистенциального кризиса или ЭПС), зависимость уровня эндорфинов и дофамина от тренировки как основного источника регуляции, высокий уровень тревоги при пропуске тренировок, навязчивые мысли о теле, снижение интереса к другим источникам удовольствия, сильная связь самоуважения с внешним признанием, использование тела как основного сигнала в обществе. В терапии и профилактике эффективнее не снижать спортивную активность, а расширять другие регулятивные стратегии КПС: развивать коллективные проекты, творческие практики, долгосрочные заботы.

3.3: Прогулка

Короткая прогулка или “выход проветриться” с первого взгляда выглядит как просто бытовая привычка или эстетическая потребность, но на деле это один из видов прокрастинации, элементарный регуляторный прием

константного подсознания, направленный на быструю деконцентрацию сознательной рефлексии и восстановление рабочей устойчивости системы: сенсорный механизм наполняется множественными низкоуровневыми задачами (движение веток, люди, запахи, звуки, изменение температуры и тому подобное), которые автоматически занимают внимание и снижают проблемное содержание сознания, что часто приводит к видимому снижению тревоги: дыхание меняется, идет перераспределение нейромедиаторов (эндорфины, серотонинергические эффекты, легкий выброс дофамина от моторной активности); это дает системе время и ресурсы для перезагрузки, поэтому прогулка часто воспринимается как немедленное облегчение, тревога утихает, мысли становятся менее навязчивыми и желание что-то делать возвращается, это один из классических приемов КПП для снижения стресса, именно это объясняет, почему эффект часто кратковременный и не устраняет глубинных конфликтов. В рамках репродуктивной инерции прогулка также имеет приспособительное объяснение: пока организм функционирует (передвижение, поиск среды с лучшими условиями, проверка сигналов окружающей среды), шансы на выживание и репродукцию сохраняются выше, подсознание стремится к действиям, которые явно поддерживают жизнедеятельность и не требуют возникновения новых, трудноразрешимых смысловых схем, поэтому мысль “хочу проветриться” или “не знаю, зачем иду, но иду” мотивационно–направлена на сохранение состояния носителя, и прогулка вписывается в эту стратегию как минимально затратный, но эффективный способ снижения актуальной проблемы. Рассмотрим также обратную сторону работы КПП как защитную прокрастинацию: укрепим еще раз, регулятивная прогулка это короткий, контролируемый выход, после

которого существо возвращается к задаче с обновленной способностью к концентрации, сниженным уровнем тревоги и восстановленными ресурсами, характеризуется как адаптивная прокрастинация; защитная прокрастинация это повторяющийся, удлиняющийся самообман, где серия прогулок становится инструментом избегания системной переработки проблемы и рефлексии; отличительные признаки: в первом варианте существо не тревожит мысль о возвращении к задаче; а в защитном, прогулка используется как способ откладывания момента встречи с неизбежным и часто сопровождается чувством вины и увеличением базовой тревоги после возвращения; определяется: длительностью прогулки, частотой, контекстом.

3.4: Прокрастинация

Прокрастинация это механизм перераспределения внимания и энергии, служащий двум базовым задачам КПС: снижение мгновенной тревоги и поддержание репродуктивно-ресурсного баланса; то есть это регуляторный паттерн автопилота, который выбирается системой как экономично-адаптивная реакция на текущую ресурсную ситуацию и/или на угрозу пробоя КПП, когда сознание хочет сделать дело, но не делает, это потому, что КПС посчитало в текущих условиях прямой курс к цели менее выгоден, чем переключение на краткосрочные и предсказуемые источники регуляции; при слабой КПП тревожащие, экзистенциальные или сложные

смыслы прорываются в сознание и вызывают разную реакцию: либо ЭПС и ЭБЛ, либо избегающая защитная прокрастинация; если вокруг предмета задачи висит сильный экзистенциальный фактор (страх провала, бессмысленность), то КПП может переключить сознание на мелкие действия, чтобы избежать сбоя (это защитная, но контрпродуктивная стратегия), в тяжелых случаях повторяющаяся прокрастинация сигнализирует о накопленном риске декомпенсации и возможной активации АМС при дальнейшем истощении ресурсов. Уровни прокрастинации (иерархия стратегий КПС):

1. Микроуровень – это сенсорные переключки, сюда относится: короткая прогулка, растяжка, перекус, полистать новости и другое; КПС инициирует их, когда префронтальная кора (ПФК) истощена и требуется мгновенное снижение интенсивности мыслей, эти акты быстро переводят внимание в режим внешней сенсорики, это адаптивная стратегия если ее разумно использовать и затем возвращаться к задаче.
2. Мезоуровень – это тактическая прокрастинация, это намеренное откладывание задачи с заменой ее на другие, но ограниченные действия (мелкие поручения, уборка, игры, соцсети), КПС выбирает их как низкозатратные, с высокой предсказуемой отдачей: немедленное снижение тревоги, чувство сделанного и поддержание функциональности.

3. Макроуровень – это хроническая прокрастинация, когда КПС закрепляет избегание как систему единственного выживания из-за длительного дефицита регуляторных ресурсов, культурных стимулов или философского фона, поведение превращается в устойчивую стратегию уклонения, что следует: накоплению долгов, падению ПФК ресурсов и возможная активация активного АМС при дальнейшем истощении.

4: Архитектура памяти КПС

Сознание любого живого существа находится в постоянном взаимодействии с внешним миром, от которого оно получает сигналы в виде сенсорной информации: зрительной, слуховой, осязательной, обонятельной, тактильной и/или другой; в виде коротко-живущих фрагментов памяти эти данные сначала попадают в подсознание обладающее функцией первичной обработки и архивирования информации, где распределяются и делятся на сектора через специализированные узлы для разных типов информации, память в мозге организована как многослойная, частично специализированная и одновременно распределенная сеть, каждый эпизод распадается на сенсорные, аффективные, моторные и семантические фрагменты, которые закрепляются в разных узлах: коре головного мозга, гиппокампе, базальным ганглиям и лимбической системе; затем связываются в моменте, чтобы построить полноценную схему/картину воспоминания, уровни различимы по времени хранения, по доступности для сознания и по подверженности модификации, КПС работает с пятью уровнями памяти:

1. STM (short-term memory) – это активный сенсорный и рабочий буфер, в котором КПС получает картинку мира в режиме реального времени, он удерживает: ощущение, изображение, запах, звук и набор актуальных моментов на секунды или минуты; его функция обеспечить префронтальной коре и гиппокампу исходный материал для оценки

важности, биологически STM опирается на префронтально-париетальные петли и высокоскоростные кортикальные петли, имеет высокую пропускную способность, но низкую емкость: она компрессирует детали и отфильтровывает контрасты; инициирует быстрые регуляторные реакции и не переходит на следующий уровень без целенаправленного закрепления гиппокампом. Стресс, истощение ресурсов и механическое воздействие приводят к провалу закрепления и к разрушению фрагментов на уровне STM.

2. MTM (medium-term memory) – это зона первичного закрепления фрагментов и проверки их значимости: здесь гиппокамп связывает фрагменты STM в первые устойчивые воспоминания, вычисляет важные части и подготавливает материал для дальнейшего закрепления; также MTM это место, где фрагменты можно модифицировать, усилить или стереть при последующих активациях, для КПС это имеет системный смысл: механизмы КПС смотрят на MTM карты при выборе стратегии, стоит ли тратить ресурсы на интеграцию на следующий уровень или держать в теневом архиве.
3. LTM (long-term memory) – это персональная, личностная память, распределенное корреляционное хранилище биографии: семантика, повествовательные схемы, связки “я – место – событие”, смысловые архивы и другое, по которым КПС планирует долговременные стратегии; LTM формируется путем системных укреплений MTM и коры головного мозга, и со временем становится все менее зависимым от

гиппокампа, но все еще остается реконструируемым, потому что воспоминание это пазл, акт собирания фрагментов памяти и восстановления их в картину, что делает LTM уязвимым к фрагментации при работе КПП или ЭБЛ, если он решает изолировать тяжелый смысл, LTM карта может быть частично или полностью недоступна сознанию, сохраняя при этом соматические отпечатки в других слоях. LTM это ядро личности, количество и качество его связей определяют, какие долгосрочные практики автопилот будет считать оправданными.

4. SM (skill memory) – это процедурная, моторная и ритуальная база: походка, речь, навыки, рутинные ритуалы, автоматизмы, способы поиска партнера и удержания союза, привычки и подобное, складывающиеся в силу повторения и хранящиеся в базальных ганглиях, мозжечке и моторных картах; SM отличается от LTM тем, что его фрагменты устойчивы к амнезии эпизодического уровня, даже при потере памяти LTM существо сохраняет прошлые умения и навыки, также SM это практический инструмент управления для репродуктивной инерции. КПС полагается на SM как на надежную страховку, когда LTM карты повреждены, автопилот переключается на процедурное исполнение, чтобы поддержать выживание до восстановления смысла или до переключения стратегии.
5. GM (genetic memory) – это фундаментальная предустановленная база инстинктов, гормональных матриц и эпигенетических конфигураций, задающая вес и пороги реагирования, она формирует базовые

программы: пищевые предпочтения, реакции страха, сексуальную и материнскую мотивацию, циклические гормональные алгоритмы и подобное; GM это фоновая архитектура, она ограничивает допустимый диапазон стратегий и определяет стоимость множества решений, GM продолжает действовать даже при утрате кортикального контроля, именно поэтому при глубокой амнезии или коме организм продолжает гормональные циклы, проявляет условными реакциями и поддерживает физиологические регуляции.

Кодирование и переход между уровнями модулируются биохимически: ацетилхолин и норадреналин повышают “сигнал-шум” (SNR) при кодировании в STM/MTM, дофамин маркирует важность и мотивационную значимость, влияя на закрепление MTM, кортизол в избытке нарушает ПФК и тормозит перевод в MTM, серотонин и окситоцин влияют на перезакрепление и на безопасность контекстов; также сон очень критичен, медленная (SWS) и быстрая (REM) фазы выполняют разную роль в перестройке связей MTM – LTM, нарушение сна резко снижает эффективность закрепления. Особая роль в памяти у запахов, они связаны с эмоциональной сетью напрямую и поэтому устойчивее к ослаблению и амнезии, даже когда часть воспоминания LTM “разрушена” или “заблокирована”, запах может оживлять соматические метки: тело реагирует, а смысл остается пустым или искаженным; это объясняет феномен “не помню, но чувствую”, обоняние часто служит ключом для активации следов, и поэтому его можно использовать как инструмент регуляции и перезакрепления. При первом восприятии система фиксирует не все признаки, а только контрастные: силуэт, позу, доминирующие цвета,

движение, эмоции; так работает адаптация, нейронные ресурсы ограничены, и КПС вынужден экономить, компрессировать и снижать “битрейт” реальности, оставляя минимальную информацию, достаточную для быстрых оценок и запуска автопилотных реакций, информация превращается в набор символов, который затем проходит через КПП и распределяется по цепочке уровней памяти: он закрепляется, редуцируется и символизируется, на каждом этапе происходит “сжатие”; рассмотрим пример: посмотрим на очень детализированную фотографию пляжа где отдыхает человек, далее отведем взгляд или закроем глаза, после этого достаточно нескольких секунд или минут и воспоминание сохранит лишь, допустим, “существо лежало”, с ключевыми признаками одежды и позы, с течением времени воспоминание все больше упрощает детали, такую модель подтверждают другие исследования о реконструктивной природе памяти, организм не хранит события как полные записи, а каждый раз воссоздает их заново из фрагментов, что неминуемо приводит к искажениям⁴⁷, важный момент заключается в том, что любое воспоминание подвергается постоянной деградации, чем больше времени прошло с момента его записи и чем менее оно значимо для существа, тем сильнее его “битрейт” снижается, в результате воспоминание становится расплывчатым, неполным, животное может помнить, что “существо лежало в одежде”, но не вспомнить ни цвет одежды, ни позу, ни выражение лица, но мозг при этом продолжает воспринимать воспоминание как достоверное, мы не осознаем его фрагментарности, хотя она фундаментальна для всей структуры памяти. Часто когда из памяти исчезают детали, мозг компенсирует пробелы, достраивая картину из других источников опыта, этот процесс реконструкции делает возможным

47 – Loftus. *Eyewitness Testimony*. (1979)

появление ложных воспоминаний, какой-то организм может вспомнить “у тела четыре руки”, другой “неполное туловище”, третий вовсе скажет, что “одежды не было”, ложное воспоминание не является сознательной выдумкой, напротив, оно ощущается как абсолютно реальное, этот феномен был подтвержден множеством экспериментов, где испытуемым внедрялись вымышленные эпизоды детства, которые спустя некоторое время воспринимались ими как подлинные. Эти процессы касаются не только индивидуального субъекта, но и целых культур, если воспоминания пятилетней давности уже сильно искажены, то воспоминания о событиях столетней давности неизбежно превращаются в смесь фрагментов, интерпретаций и домысливаний, в итоге история формируется как продукт коллективной реконструкции, где миф, легенда и факт перемешиваются в неразделимое целое, история не является объективной, а представляет собой массив ложных воспоминаний культур, собранных и закреплённых в институтах памяти (литература, искусство, хроники), у истории существует множество правды, но и в то же время ни одной. Любое воспоминание существует как сеть связей между множеством нейронов, охватывающих разные зоны головного мозга, когда мы вспоминаем определенное событие, активируется целый паттерн активности, охватывающий весь периметр мозга, это означает, что воспоминание не является объектом, который хранится где-то целиком, а процессом воссоздания на основе множественных сигналов, поэтому искажения, о которых я говорил выше, неизбежны, любая реконструкция запускает взаимодействие разных фрагментов, хранящихся в различных зонах, при отмирании нейрона, где находился один из фрагментов памяти, вся ее схема не распадается, а создает слегка измененную версию прошлого, именно эта распределенность

делает память противоречивой, при повреждении определенных зон мозга воспоминания не исчезают целиком, но могут стать недоступными частично или проявляться в искаженном виде⁴⁸, если исходные фрагменты информации разрушены или искажены, то подсознание вынуждено прибегать к созданию симулятивных деталей, поэтому при взаимодействии с воспоминанием запускается автоматический процесс дорисовки, источниками для этой дорисовки могут стать повседневные шаблоны, например, если человек не запомнил точный цвет одежды, подсознание назначает привычный цвет характерный для данного типа одежды, если все-таки вспомнить никак не удастся, то отсутствующие детали переносятся из других схожих воспоминаний, что порой создает ложную уверенность в их реальности⁴⁹, еще если событие сопровождалось страхом или радостью, подсознание на основании этих эмоций тоже может выстроить детали⁵⁰. Иллюзорная целостность воспоминания всегда воспринимается животным как подлинная, более того, чувство уверенности зачастую сильнее при ложных воспоминаниях, чем при подлинных, поскольку они лишены противоречий, которые могут возникать при реальной памяти⁵¹, а при редких столкновениях с противоречивой информацией, существо оказывается в состоянии когнитивного и экзистенциального замешательства, он обнаруживает, что его собственное прошлое не является достоверным и что опора на память не гарантирует истины, но чаще всего он просто начнет все отрицать, когда человеку демонстрируется неопровержимое доказательство того, что его воспоминание или убеждение ложно, запускается процесс с

48 – Bartlett. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. (1932)

49 – Loftus, Palmer. *Reconstruction of Automobile Destruction: An Example of the Interaction Between Language and Memory*. (1974)

50 – Loftus. *Creating False Memories*. (1997)

51 – Schacter. *The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers*. (2001)

пятью стадиями:

1. Животное отказывается принимать несоответствие, переживает когнитивный диссонанс, поскольку произошло столкновение старой модели мира с новой информацией, старая модель встроена в личную идентичность, ее разрушение воспринимается как угроза “я”⁵².
Отрицание это немедленная защитная реакция КПП, чтобы не допустить массовой перестройки веса смысловых карт, проявляется как резкий стрессовый ответ и повышение кортизола, что дополнительно затрудняет переработку новой информации.
2. Даже если новые факты признаются частично, они не уничтожают сразу старую схему, животное начинает раздваиваться между двумя версиями реальности, оно может допустить: “да, возможно, я ошибался”, но при этом продолжит держаться за старый сценарий, это связано с тем, что ложное воспоминание встроено в сеть других воспоминаний и убеждений, разрушение одного узла угрожает всей структуре, а может быть и всей жизни. Раздвоение между старой картиной и новой соответствует состоянию, когда МТМ активируется фрагментарно, но КПП удерживает доступ к критическим узлам LTM; носитель может допускать возможность ошибки на уровне слов, но поведенчески остается в старой сети.
3. Когда несоответствие становится очевидным, возникает ощущение экзистенциальной угрозы: “если моя память ненадежна, то в чем я еще

52 – Festinger. *Theory of Cognitive Dissonance*. (1957)

мог ошибаться?”, животное может испытать тревогу: “если это неправда, то чему я вообще могу доверять?”, может испытывать чувство предательства по отношению к самому себе или к тем, кто поддерживал его заблуждение, или стыд за годы уверенности в ложной картине.

4. Очень часто, даже после краткого признания ошибки, существо возвращается к старой иллюзии, КПС предпочитает комфортную ложь неудобной правде, особенно если ложь разделялась большинством, стадный эффект усиливает ее правдоподобие⁵³. Возврат к старой иллюзии под влиянием стадного эффекта объясняется тем, что коллективный контекст повышает априорную вероятность старой карты, КПС повторно защищает носителя, а объединение социальности укрепляет ложный след.
5. Только у небольшого числа (обычно у тех, кто обладает высоким когнитивным уровнем и толерантностью к неопределенности) возможно полное признание ошибки и перестройка картины мира, однако даже в этих случаях остается травма⁵⁴.

Также стоит подчеркнуть, что память на деле функционирует как описание (дескриптивная система), где есть набор характеристик и связей, которые затем могут быть воссозданы в форме образа, если бы память действительно сохраняла визуальные картины опыта, то для эволюции было бы невозможно

53 – Asch. *Opinions and Social Pressure*. (1955)

54 – Kunda. *The Case for Motivated Reasoning*. (1990)

поддержать существование организмов лишенных зрения, они не смогли бы строить устойчивых воспоминаний о среде, движениях, любовных партнерах, что противоречит репродуктивной системе, в глубоководных регионах или в пещерах эволюционно развились виды, которые никогда не имели зрения, например, мексиканская тетра (*Astyanax mexicanus*), эти организмы сохраняют поведенческую адаптацию и формируют устойчивую память о пространстве и среде, опираясь не на зрительный, а на тактильный и акустический опыт, а когда человек вспоминает событие, он фактически воспроизводит описание ситуации: человек в синей рубашке, маленькое помещение, приятный запах еды, и если возникает визуальный образ, то он представляет собой следствие реконструкции по описательным фрагментам: STM фиксирует признаки, МТМ связывает их в схемы, LTM хранит смысловые узлы; ольфакция, тактильные паттерны, акустика это тоже описания, просто на другом “языке”, КПС оперирует этими описаниями, сравнивает по ценности (репродуктивной/социальной) и решает укреплять или блокировать.

4.1: Смех и “психические расстройства”

В рамках КПС смех выполняет сразу несколько функциональных ролей: он снижает тревогу, перестраивает оценочную работу КПП, корректирует паттерны памяти и мотивации и тем самым может как защищать систему от запуска аварийных программ, так и при определенных нарушениях указывать на сбой; смех запускает быструю последовательность физиологических реакций: изменяется активность вегетативной нервной системы (волна вдоха-выдоха, кратковременная активация симпатической ветви, затем компенсаторная активация парасимпатической), выделяются эндорфины и опиоидные пептиды, снижаются уровни кортизола, повышается окситоцин при социальном смехе; на уровне STM смех уменьшает амплитуду тревожного потока, это снижает системную тревогу и дает немного расслабиться, в культуре смех часто кодируется как маркер безопасности и социального принятия, когда вокруг смех, КПП быстрее маркирует окружение как безопасное, а не угрожающее, это особенно важно в ситуациях, где неопределенность высокая; шутка за столом или веселье переводит потенциально тревожный контекст в управляемый, запуская процесс интеграции переживания в MTM/LTM без реконсолидации травмы, смех меняет значение переживания в модели предсказаний и уменьшает ошибку, КПП понимает, что тревога была избыточна, и снижает ресурсоемкие реакции, также смех может быть адаптивным регулятором или вовсе становиться механизмом маскировки, рассмотрим разные примеры:

1. Нервный или защитный смех, это проявление попытки КПС маркировать тревогу: человек смеется в неудобной для него ситуации, КПП помечает сигнал, выдает реакцию и сглаживает произошедшее, но тревога все равно остается; если подобный регулятор становится постоянным в использовании, то есть вероятность препятствования полноценной обработке MTM/LTM, может привести к накоплению стресса, а далее к депрессии и возможному АМС.
2. Псевдобульбарный аффект, это при котором человек неконтролируемо смеется или плачет, часто связан с поражением кортикобульбарных трактов и представляет собой утрату тормозного контроля над моторикой эмоционального выражения, SM получает команду на моторный паттерн без адекватной фильтрации или синхронизации КПП и интерпретации, КПП может корректно маркировать событие как безопасное или незначимое, LTM/MTM еще отдельны, но исполнительный сегмент реализует поведение, также это ошибка предсказания на уровне управляющей моторики: кортикальные предсказания не приводят к подавлению субкортикальной моторной реализации. Это не то же самое, что плач в депрессии или эмоциональная реактивность при пограничных расстройствах, при ПБА проблема в исполнительной (SM) ветви и в коммуникации с КПП; при психогенных состояниях первичное нарушение может быть в оценке значимости (КПП/MTM/LTM) и мотивации (РИН).
3. Мания и гипомания, это избыточная маркировка положительных свойств, снижение порога тревоги и повышения вознаграждения, что

ведет к рискованному поведению, КПС в этом случае смещен в режим чрезмерной активации вознаграждения схем.

4. Самоирония или сарказм, массово используемый инструмент для дистанцирования от боли, в малых дозах это полезно, но если юмор становится основным способом взаимодействия с травмой, то система не получает возможности переработать опыт, что повышает риск негативных последствий, возможна депрессия и АМС.

Вмешательства, использующие смех (смеховая йога, групповая терапия с юмором, техники позитивной переоценки), работают потому, что они дают КПС безопасный альтернативный сценарий: новые ритуалы, повторяемость, социальное взаимодействие, интеграция в SM и MTM; такие практики могут снизить риск депрессии и помочь для проработки травмы, но важно сочетать смеховые техники с полноценной работой по переработке MTM/LTM, иначе эффект останется поверхностным. Еще стоит отметить, что эффективность смеха как регулятора сильно зависит от культурного кода: редко бывает, что в обществах смех уместен и одобрен при кризисах, в основном он табуирован и считается ненормальным, и КПП учитывает эти коды. С точки зрения КПС, понятие "психическое расстройство" теряет свое традиционное значение, но все же продолжает существовать в определенных пределах, теперь оно означает не больного или сумасшедшего человека, а существо, чье КПС выбрало определенный путь для регуляции стресса и продолжения репродуктивной инерции, или для пассивного или активного АМС. Мы наблюдаем реструктуризацию модулей управления системой, направленную на поддержание функционирования

организма в условиях нарушенной семантической и регуляторной среды, поведение, которое в клинической терминологии называется синдромом, симптомом или расстройством, является функциональной реакцией КПС, адаптивной или чрезвычайно прагматичной, когда система испытывает: нехватку ресурсов, перегрузку, конфликт ценностей или потерю внешней поддержки; тогда КПС перестраивает приоритеты: сокращает пути ресурсов, перераспределяет мотивации и активирует компенсаторные модели поведения; эти модели работают как инструменты для поддержания статуса-коэффициентов жизнеспособности, они повышают уровень поступающей информации, сдвигают эмоциональные векторы, чтобы удержать систему в рабочем диапазоне. Давайте проанализируем некоторые "психические расстройства":

1. Для людей с СДВГ сенсорная чувствительность и стремление к стимуляции являются способом регулирования сенсорных дефицитов, исследования показывают повышенную тактильную чувствительность и перегрузку у взрослых с СДВГ⁵⁵, в этом случае КПС инициирует моторные стратегии: постукивание, кручение ручки, ерзание; это необходимо для активации внутренних сенсорных информационных потоков, поддержания устойчивой активности и внимания, это не хаотичное поведение, а алгоритм контроля.
2. Животные, страдающие зависимостью или компульсивными расстройствами, определяются КПС как такие, у которых при

55 – Frost-Karlsson, Capusan, Olausson, Boehme. *Altered somatosensory processing in adult attention deficit hyperactivity disorder.* (2024)

ослаблении обычных источников стабильности контроль над ними переходит к внешним стимулам, КПС ищет стабильный и предсказуемый сигнал, который можно встроить в механизм жизнеспособности: алкоголь, никотин, азартные игры, переедание, порнография или любое другое сильное подкрепление становится для КПС заменителем внутренней стабильности; КПС восстанавливает репродуктивную инерцию вокруг этого стимула: тело, мысли и поведение приспособляются для получения следующей дозы предсказуемого эффекта; поведение усиливается не потому, что существо сдается и не может сопротивляться, а потому, что КПС оценивает стимул как инструмент для поддержания психофизиологической стабильности, когда все другие значимые и социальные структуры разрушены, “зависимость” становится единственным работающим регулятором, если ресурс зависимости перестает удерживать систему и не наблюдается никаких заменителей, тогда начинается переход к пассивному или активному АМС, когда КПС считает продолжение более нецелесообразным.

3. Теперь проанализируем самоповреждения и суицидальное поведение. Короткие, повторяющиеся акты самоповреждения служат для регулирования стресса, КПС использует: боль, удары, царапины или любые подобные раздражители, чтобы быстро переключить внутренние состояния и восстановить контроль; это функциональная разгрузка системы, а не разрушение ради разрушения, поэтому такие действия повторяются, они временно восстанавливают управляемость, но если это явление становится обыденным и больше не обеспечивает

регулирование, КПС определяет, что восстановить внутреннюю стабильность больше невозможно, и может переключиться на АМС.

Теперь давайте разберемся, как отличить обычную регуляцию (включая пассивное АМС) от классического активного АМС. Разница здесь заключается в характере действий, регуляция или пассивное АМС: циклические, повторяющиеся, контекстно-зависимые действия с сохраненным доступом к основным репродуктивным свойствам и возможностью перенаправления через изменение контекста; активное АМС: однонаправленное прекращение жизни с отключенным или фрагментированным доступом сознания к этапам инициации, а также к инстинктам самосохранения; эти различия могут быть эмпирически проверены с помощью качественного анализа поведения (повторение, триггеры), кинематического анализа эпизодов, синхронизированных физиологических измерений и психологической оценки поступающих стимулов.

4.2: Объяснение типов амнезии

Амнезия в рамках модели КПС и ее многоуровневой архитектуры памяти представляет собой совокупность феноменов, где доступность фрагмента нарушается на этапах кодирования, укрепления или извлечения, в этой системе память это последовательный поток: сначала сенсорный буфер (STM) сжимает вход до контрастных индексов, затем гиппокамп связывает эти индексы в рабочие модули (MTM), после чего часть модулей переводится в персональную сеть смыслов (LTM), тогда как процедурные и инстинктивные паттерны укладываются в SM и GM, амнезия возникает всякий раз, когда цепочка ломается на одном из переходов или когда КПП целенаправленно блокирует доступ к материалу, считая его опасным для целостности “я”, пройдемся по типам амнезии:

1. Кодировочная амнезия. Она проявляется тогда, когда STM не успевает передать материал в MTM, биологически это случается при резком падении ресурса префронтальной регуляции: острый шок, страх, избыток кортизола, нарушение сна или алкоголь; все, что резко снижает способность ПФК связывать признаки в эпизод, КПС в таких условиях действует экономно, вместо того, чтобы тратить дорогостоящие ресурсы на оформление травматической сцены, система оставляет ее в виде сенсорного отклика, это выглядит как “не помню, что происходило”.

2. Антероградная амнезия. Она связана с повреждением механизмов, обеспечивающих перевод МТМ в ЛТМ, здесь ключевую роль играют гиппокамп и латеральные пути: травма головы, гипоксия, токсические повреждения и некоторые нейродегенеративные процессы разрушают нейронные механизмы и тем самым блокируют формирование новых долговременных фрагментов; при антероградной форме существо может помнить прошлое, но не фиксировать новые события, СМ при этом обычно сохраняется, потому что моторные и процедурные цепочки реализованы в других системах (базальные ганглии, мозжечок), КПС в этом случае сталкивается с физической неспособностью сети закрепить материал.
3. Ретроградная амнезия. Она возникает при нарушении мостов между ранее консолидированными кортикальными сетями и доступом к ним, повреждение коры или отделение нейронных структур делает часть биографии недоступной, при этом остаются фрагменты и соматические метки, а поведение может продолжаться по выполненным ранее СМ сценариям, КПП в этом случае может дополнительно маскировать пробелы, чтобы не дать сознанию войти в хаос идентичности.
4. Диссоциативная амнезия. Здесь КПС активирует стратегию “спрятать фрагмент” (как при ЭБЛ), который имеет чрезмерно высокую предсказательную ошибку, КПП снижает точность сигналов, разрывает ассоциативные связки и переводит содержание в соматический/процедурный слой, существо забывает эпизод, хотя на

уровне тела и эмоций фрагменты остаются и иногда прорываются через соматические симптомы. Это адаптивная, но рискованная стратегия, она сохраняет работоспособность, но оставляет неинтегрированные фрагменты, способные при повторной активации вызвать “сбой”.

5. Транзиторная глобальная амнезия. Это временное отключение закрепления, КПС в таких ситуациях минимизирует процессы со значительной затратой, пока система не восстановится, SM и GM остаются как страховка, продолжают поддерживать фундаментальные функции и репродуктивные инерции, даже когда личностная история фрагментирована.
6. Селективная амнезия. Это частичный блок доступа к конкретным событиям или категориям информации, чаще всего проявляется при травматических воспоминаниях, КПС допускает работу с нейтральными данными, но удерживает эмоционально разрушающие; некая разновидность защитного “локального сброса” в рамках КПП и ЭБЛ.
7. Инфантильная амнезия. Это естественная невозможность вспомнить ранние годы жизни (до 3 лет), КПС в этот период еще не выстроил стабильную LTM сеть, а сознание не обладало структурой “я”, через которую можно было бы консолидировать опыт.

Модель КПС объясняет, почему амнезия редко бывает “полной” и почему процедурные, телесные и генетические пласты поведения сохраняются, они служат фундаментальной страховкой системы, понимание амнезии как результата взаимодействия уровней памяти и механизмов защиты позволяет выстраивать новые реабилитационные тактики.

4.3: Пластичность КПС: пример удаления полушария головного мозга в раннем возрасте

В раннем детстве архитектура памяти и управляющих сетей мозга еще не образует устойчивые структуры и процедурные слоты, это выражается: избытком формирования синапсов, высокой пластичностью синаптических связей, меньшим количеством миелинизации и активной перестройкой путей; это создает широкое поле возможностей для перераспределения функций, поэтому дети очень быстро учатся. КПП в детском мозге не держит жестких запретов на перестройку доступа к тем или иным архивам смысла, поэтому реконфигурация происходит быстрее и безопаснее, многие эпизодические и семантические фрагменты у ребенка еще лежат в МТМ/формирующемся LTM в виде лабильных энсграмм, распределенных по кортикальным и лимбическим сетям, после удаления полушария оставшаяся

кора и субкортикальные структуры могут взять на себя обработку тех фрагментов, которые прежде зависели от удаленной области. Гиппокамп и энторинальная кора активно прокладывают новые пути, мозг ребенка использует подобные входы перезакрепления, чтобы перенести смысловую нагрузку в новые нейронные схемы, SM кодируется под другие моторные карты, а GM обеспечивает, что основные мотивации и рефлексy сохраняются, давая точку опоры для перестройки. Переизбыток синапсов в раннем возрасте способствуют тому, что если одни синаптические пути удаляются или отмирают, то другие легко усиливаются, берут на себя функции и со временем заново закрепляются, у взрослого же эти слоты во многом уже заняты: прошел период максимального синаптогенеза, прошла мощная прунинг оптимизация, широкая миелинизация установила жесткие коммуникационные каналы; ресурсы для создания новых кортикальных карт у взрослого гораздо ограниченнее: в зрелом возрасте попытка переписать LTM/SM в тех же объемах стоит слишком дорого, КПС предпочитает компенсировать поведение через менее затратные обходные пути (внедрение внешних опор, компенсаторные привычки), но полное восстановление утраченных навыков часто невозможно. Это легко прослеживается на практике: ребенок после гемисферэктомии сначала теряет функции (речь, моторика, зрение), но через месяцы и годы, при целенаправленной реабилитации (интенсивная сенсомоторная стимуляция, речевая терапия), оставшаяся кора переобучается, навыки постепенно восстанавливаются (возможно в измененной форме), ресурсы направляются на восстановление репродуктивных и социальных функций (SM и частично LTM); у взрослого то же вмешательство приводит к более ограниченному восстановлению, потому что доступных нейронных резервов в виде

свободных слотов меньше, также нельзя забывать индивидуальные факторы: возраст оперирования (критический), сторона удаляемой ткани и локализация функций (языковые центры у левшей/правшей) влияют, происхождение поражения (эпилепсия с длительной патологией до операции); качество и интенсивность реабилитации и социальная среда это решающие факторы, также часть восстановленного поведения у детей строится не только на нейронной замене, но и на создании новых стратегий, культурных компенсациях, то есть КПС использует и внешние опоры в реконфигурации.

4.4: Способ обмана подсознания: как достигнуть осознания

ЭПС это редкий феномен, он возможен лишь при нарушении привычной архитектурной обработки информации, когда КПП в критическом моменте не выдерживает фильтрации содержимого, потенциально “разрушающего” субъективную конструкцию жизни, в норме рабочая конфигурация системы настроена на: фильтрование, редукцию и сохранение смысла в безопасные схемы; это препятствует проникновению в сознание прямых представлений о собственной конечности, сбой возникает только при совпадении ряда независимых условий, которые в совокупности понижают ресурсность регуляторных сетей и одновременно уменьшают внешние прерыватели

внимания, мною были проведены наблюдения и тесты, которые выявили определенный паттерн для возможного осознания абсолютного ничто, активации ЭПС:

1. Полное отсутствие необходимости в действиях, день и следующий свободны, психика расслаблена, нет никаких ожиданий и, обязательств.
2. Изоляция от внешних раздражителей, никаких внешних шумов, взаимодействий, движений, чужих голосов или света, способных отвлечь или вернуть в обыденность.
3. Состояние депрессивной или нейтральной психики, ослабленный эмоциональный фон, отсутствие радости, при этом желательно отсутствие сильной тревожности.
4. Вечернее или ночное время, предпочтительно перед сном, когда фильтр КПП естественно ослаблен, а у сознания снижен контроль⁵⁶.
5. Физическое и когнитивное утомление, близкое к сонливости, но сознание должно оставаться внимательным и пассивным.
6. Случайный запуск ключевой мысли, идея смерти, мысли о будущем в контексте собственной смертности или цикличности, не вызванная

56 – Csikszentmihalyi. *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. (1990)

специально.

7. Полное отсутствие ожидания этого момента, необходимо забыть о существовании этих критериев, чтобы не активировать защиту КПП, все должно произойти само по себе, случайно.

При совпадении этих условий информационный поток, обычно фильтруемый КПП, может пройти в сознание в чистом виде, данный неотфильтрованный объем информации вызывает мгновенное “расширение” сознания, в котором осознается пустота и бессмысленность бытия, этот феномен нельзя считать искусственным, потому что должен произойти случайно, он является полностью реалистичным обходом подсознательного барьера, недоступным по волевому выбору. Одиночество играет фундаментальную роль в возможности подлинного мышления и, в более радикальном измерении, в достижении ЭПС, мозг устроен таким образом, что он постоянно реагирует на окружение, даже простое присутствие другого животного радикально меняет когнитивные процессы, переключая их с внутренней аналитической работы на внешние раздражители, но когда существо остается в изоляции, мышление разворачивается в чистом виде, поток мыслей не прерывается необходимостью учитывать взгляды, реакции или оценки других, в этот момент возникает возможность выхода к экзистенциальным вопросам смертности, абсурдности и иллюзорности, однако, зачастую, как только появляется отвлечение, другое существо, знакомое или чужое, запускаются механизмы стадного мышления⁵⁷, это подсознательная имитация, подстройка под другое существо. Животное встраивается в стадо, и его

⁵⁷ – Dunbar. *The Social Brain Hypothesis*. (1998)

мышление меняет направленность, оно становится социальным, адаптивным, направленным на поддержание коммуникации и согласованности, даже интеллектуально развитое существо в присутствии других начинает мыслить иначе, более поверхностно, более прагматично, избегая определенных тем, так как они социально невыгодны, могут вызвать тревогу или агрессию у большинства, наблюдения за разными животными подтверждают, что присутствие или отсутствие других особей радикально меняет характер поведения и даже когнитивных реакций, примеры:

1. Овцы и подобные стадные животные, их реакция в одиночку и в стаде кардинально различается, в стаде включается так называемый эффект коллективного реагирования, если один побежал, остальные механически повторяют действие, даже если угрозы нет, но изолированная овца проявляет больше замешательства и даже может принять иные, нестандартные решения, что в естественной среде иногда повышает ее выживаемость.
2. Приматы (обезьяны, шимпанзе, бонобо) в группе демонстрируют подражательное поведение и стараются соответствовать социальной иерархии, но в условиях одиночества у некоторых видов фиксировалось появление необычных способов использования предметов не свойственных группе⁵⁸, можно заметить как когнитивная гибкость возрастает именно при отсутствии внешнего давления стада, их поведение очень схоже с поведением человека.

58 – Whiten, Goodall, McGrew, Nishida, Reynolds, Sugiyama, Tutin, Wrangham, Boesch. *Cultures in chimpanzees*. (1999)

3. Вороны оставленные одни с задачей, например, доставанием пищи из сложного механизма, показывают больше оригинальных стратегий, чем те, что решают задачу в присутствии других птиц, где включается эффект подсматривания и конкуренции⁵⁹.
4. В стаде поведение слонов преимущественно социально ориентировано заботой, защитой, подражанием, но одиночные особи (чаще взрослые самцы) демонстрируют необычные маршруты миграции и индивидуальные стратегии добычи пищи, которые не встречаются в групповых паттернах⁶⁰.

Эти наблюдения подтверждают, что одиночество дает возможность для индивидуального мышления и решений, в то время как стая или группа неизбежно формируют рамки, где свобода мышления жертвуется ради согласованности и выживания коллектива по принципу репродуктивной инерции. Расширенное объяснение пунктов обхода КПП:

1. Когда существо находится в ситуации, где нет давления срочных дел, социальных ролей, обязательств перед другими животными или самим собой, его психика временно освобождается от постоянного фона задач, мозг работает в режиме непрерывной занятости, планирование завтрашнего дня, ожидание работы, мысли о встречах, рутине, все это будет считаться шумом, который не позволит возникнуть мыслительным процессам выходящим за пределы

59 – Emery, Clayton. *The mentality of crows: Convergent evolution of intelligence in corvids and apes*. (2004)

60 – Poole, Moss. *Elephant sociality and complexity: The scientific evidence*. (2008).

повседневности, если же этот шум выключен и день свободен, завтрашний день также не предполагает действий, то психика погружается в состояние расслабленности, становится скучно, именно так мы начинаем рефлексировать, в этот момент у сознания появляется шанс столкнуться с мыслью, которая обычно приглушается, например, с идеей собственной конечности. Без выполнения этого условия вероятность обхода КПП минимальна, даже если сознание обрабатывает запрещенную мысль о смерти или абсурдности, она быстро нейтрализуется КПП в виде системы ближайших обязательств: завтра на работу, надо купить еду, позвонить кому-нибудь, задача текущего дня всегда оказывается сильнее любой метафизической рефлексии.

2. Любой раздражающий внешний звук, движение, свет, человеческий голос автоматически возвращает психику в режим повседневности, это происходит потому, что сенсорные сигналы служат якорями реальности, удерживающими сознание в иллюзии социального и физического мира (вспоминаем прогулки по улице), если субъект находится в среде, где нет отвлекающих факторов, психика перестает фиксироваться на обычных объектах: звуке улицы, яркости лампы, разговорах людей, каждая мелочь из внешнего мира напоминает о том, что нужно здесь и сейчас реагировать, а это и есть основная функция подсознания, не позволять сознанию выйти за рамки текущей иллюзии, изоляция от раздражителей отключает эту функцию, при отсутствии сигналов мозг временно лишается привычной обратной связи от реальности, именно это создает условия для ощущения бытия

и открывает возможность для подрыва иллюзии.

3. Эмоции, которые отвлекают сознание: радость, вдохновение, интерес, эйфория, сильная тревога, паника, страх, все они возвращают внимание к иллюзии бытия, радостное переживание делает мир желанным и насыщенным, а тревожное опасным и требующим защиты, но и то и другое одинаково приковывает психику к иллюзии локальной реальности, при нейтральном или депрессивном фоне энергия вовлеченности снижается, человек перестает активно хотеть или активно бояться, внимание не подпрыгивает от раздражителя к раздражителю, а остается на одном уровне, особенно важно, что депрессия создает эффект эмоциональной экономии, психика перестает выделять ресурсы на бессознательную игру смыслов, и у существа появляется возможность наблюдать ее со стороны, в условиях радости это невозможно, радость усиливает иллюзию жизни, в условиях паники тоже невозможно, паника усиливает иллюзию угрозы, но человек в состоянии легкой депрессии не реагирует активно на стимулы, музыка звучит, но не вызывает восторга, фильм идет, но сюжет не цепляет, в обычных условиях это воспринимается как потеря вкуса к жизни, но именно это состояние и есть идеальное условие для обмана КПП.
4. В течение дня КПП работает в режиме максимальной фильтрации, блокирует лишние мысли, поддерживает социальные роли, удерживает внимание на задачах, это состояние не дает осознать что-либо, так как весь ресурс уходит на поддержание иллюзии, но

перед сном контроль дает слабину, снижается активность префронтальной коры, организм входит почти в пограничное состояние между бодрствованием и сном.

5. Когда организм готовится ко сну, когнитивные ресурсы ослабевают, КПП начинает хуже фильтровать поступающую информацию, и вероятность прохождения нефilterованных мыслей возрастает, перед засыпанием, мозг переключается с доминирования сознательного контроля на полусонные автоматизмы, в этот момент поток информации становится менее структурированным и более хаотичным, что дает шанс проскользнуть запретной мысли, важно понимать, что если усталость слишком велика и она переходит в фазу сна, то осознания не произойдет, сознание просто отключится, поэтому внимание должно быть снижено, но сохранена способность фиксировать и анализировать возникающие мысли, многие люди отмечают, что именно в момент засыпания к ним приходят необычные тревожные мысли, например, мысль о собственной смертности, которая в дневное время была бы отфильтрована.
6. Смерть это главный запрещенный символ для существа, поэтому именно мысль о смерти становится идеальным ключом, если она случайно прорывается, то КПП не успевает отфильтровать поток, мысль о смерти в сознание “взрывает” его структуру, все пространство внимания заполняется одной тотальной идеей, сознание временно перестает быть собой и фиксируется на абсолютном, это состояние и есть момент осознания, ЭПС, если пытаться специально думать о

смерти, то КПП лишь усилит блокировку, просто не пропустит все фрагменты, только случайное проникновение, например: увидел старое фото, услышал разговор, вспомнил про болезнь знакомого; дает шанс обойти фильтр, в течение миллисекунд возникает состояние полного осознание реальности, но психика долго не выдерживает такого напряжения, КПС животного либо возвращается в привычный ритм благодаря КПП И ЭБЛ, переходит в стадию отрицания, гнева и депрессии (см. следующий пункт стадии принятия), либо приводит систему к АМС.

7. КПП мгновенно распознает попытки сознания “взломать систему”, если существо заранее ждет, что при совпадении условий произойдет осознание (сознание повышает приоритет такого запроса), то КПП автоматически ужесточает фильтрацию, пропускная способность падает, а доступ к разрушительным смыслам перекрывается еще сильнее. Чем сильнее существо хочет осознать реальность, тем дальше оно окажется от этого. Подсознание, запрограммированное на сохранение иллюзии смысла, автоматически отбрасывает такие попытки, поэтому единственный путь это забыть все предыдущие условия (свобода от дел, тишина, депрессивное настроение, усталость, ночь, случайная мысль о смерти), только непреднамеренное совпадение всех факторов даст результат, чтобы достичь истины, нужно забыть, что ты ее ищешь.

4.5: Последствия осознания реальности и пять стадий принятия произошедшего

Достижение состояния сознания, описанного в предыдущем пункте, не является финальной точкой, осознание в контексте рассматриваемой архитектуры КПС, это лишь первая фаза деструктивного воздействия нефильтрованной истины на психику живого существа, ведь когда информация прошедшая через КПП, вторгается в сознание в неконтролируемом и нефрагментированном виде, она вызывает экзистенциальный кризис или ЭПС, этот процесс аналогичен психологической травме, где впоследствии активируется ЭБЛ, такой феномен нарушает повседневную реальность и требует ее полной реконфигурации, подобно реакции на смерть близкого, утрату идентичности или катастрофическое событие, КПС при пробое фильтра и осознании бессмысленности запускает адаптационный механизм, который чаще всего проходит через пять фаз модельно совпадающих с классическими “пять стадий принятия”⁶¹, далее следует описательная последовательность типов реакции, каждая из которых отражает статистическую перекалибровку веса системы и разную динамику связей между префронтальной корой, лимбической системой и подкорковыми системами:

1. Отрицание. На первой стадии сознание вступает в прямой конфликт с новой информацией и автоматически пытается отгородиться от

⁶¹ – Kübler-Ross. *On Death and Dying*. (1969)

осознания, действуя по логике вытеснения: “этого не может быть”, “я не могу так думать”, “это неправда”⁶², стратегии избегания включают возврат к бытовым привычкам, механическому мышлению и поверхностным развлечениям, КПС инициирует восстановление внутренней стабильности, повторно активируя фильтрацию информации КПП, существо столкнулось с информацией, что не укладывается в прежние когнитивные схемы, и автоматически отрицает ее, это функция адаптивной целесообразности, сознание отвергает мысль о бессмысленности, чтобы сохранить свое единообразие. Исследования выполненные при fMRI (функциональная магнитно-резонансная томография) показывают, что при когнитивном диссонансе активируются зоны, отвечающие за саморегуляцию (префронтальная кора), а также торможение импульсов (дорсолатеральная префронтальная кора), это физическое отчужденность, закрытие от новой информации. Пример животных: когда собака теряет хозяина, первое время она может вести себя так, будто ничего не произошло, продолжает лежать у двери, ждать шагов; это форма инстинктивного отрицания, система не готова переработать новое событие, пока оно не закрепится через многократное подтверждение.

2. Гнев. Если отрицание/вытеснение не срабатывает, то система трансформирует реакцию в гнев, агрессия это способ перераспределить смысловую нагрузку и сохранить целостность “я”, гнев может быть направлен на окружающих, на родителей (зачем меня

62 – Becker, *The Denial of Death*. (1973)

родили), на общество, которое продолжает функционировать как ни в чем не бывало, и даже на саму смерть⁶³, как персонифицированную силу. Это нерациональный, но естественный ответ на утрату когнитивной опоры, сознание отказывается быть носителем трагической истины и ищет объект, на который можно проецировать боль, это может быть родитель, общество, биология, религия, и это отчаянный акт смыслообразования. Гнев связан с активацией миндалины и нарушением связи с префронтальной корой, что снижает контроль над эмоциями, это возврат к более примитивным поведенческим паттернам, это функционально попытке вернуть структурированность мира через проекцию вины или вражды. Пример животных: приматы, лишившись альфа лидера, часто становятся агрессивными, ведут хаотичные атаки на членов группы или даже на предметы, этот гнев как реакция на структурную дезорганизацию мира, а не только утрату.

3. Торг. На этой стадии возникает иллюзия возможности изменения структуры реальности, например, существо начинает создавать сценарии, где смысл можно восстановить (наука, убеждение других, ритуалы), чтобы хотя бы как-то стабилизировать внутренний хаос⁶⁴, вера в человечество, в массовые исследования по продлению жизни, это форма сделки: “если я что-то предприму, возможно, реальность отступит”; возникает ложная надежда на метафизический компромисс. Стадия торга есть рационализация иррационального, существо пытается выстроить условный порядок: “если я пойду этим путем,

63 – Sartre. *Nausea*. (1938)

64 – Frankl. *Man's Search for Meaning*. (1946)

возможно, мне удастся восстановить смысл”; это уже распад веры, но еще не распад стремления, особенно часто на этой стадии появляются формы философского или религиозного утешения, также активируются системы вознаграждения и дофаминовых путей, существо создает когнитивные проекции альтернативных реальностей, где все может стать лучше. Это стадия попытки реконструировать предсказания так, чтобы снизить распознанную ошибку, и часто сопряжена с активностью мотивационно-дофаминовых путей в виде коротких сюжетов надежды и планирования.

4. Депрессия. После разрушения всех рациональных и иррациональных компенсаторных механизмов следует стадия депрессии, на этом этапе у существа образуется сниженная мотивация, поскольку любое действие теряет значение: апатия, тоска, потеря интереса к ранее значимым вещам; что отражает сбой системы в экономии ресурсов, это следствие полной бессмысленности картины мира, на этом этапе возможен пассивный или активный АМС, в зависимости от защитных факторов, но чаще всего преобладает пассивная форма, происходит полное крушение конструкций смысла, все, что ранее было мотивацией (семья, достижения, идеи) теряет ценность, обретается пассивность и утрата активности. Животное начинает осознавать, что не существует справедливого мира, цели или оправдания, депрессия сопровождается с дисбалансом моноаминергических систем, снижением дофаминовой мотивацией, изменением серотонинергии, снижением префронтальной активности и ростом активности в

области островковой коры, связанной с ощущением страдания.

Пример животных: у крыс, помещенных в безвыходные ситуации (классический тест с водой), развивается состояние выученной беспомощности, в котором они перестают предпринимать попытки спасения, даже если путь есть, это точный биологический аналог депрессивной фазы.

5. Принятие. Этап стабилизации существа, где КПП и ЭБЛ выполнили свои функции на отлично, это может быть восстановление прежнего смысла или выработка устойчивого режима существования без попытки изменить фундаментальный факт, существо “принимает” бессмысленность, это стадия, на которой может быть выстроен не смысловой, но устойчивый режим существования, основанный на чистом наблюдении, “бытийной тишине” и отказе от мифологии, существо продолжает жить, не потому что видит в этом цель, а потому что КПС заблокировало “смертельные” фрагменты. Также происходит стабилизация префронтальной активности и снижение стрессовых гормонов, сознание вырабатывает новые паттерны интерпретации через новый смысл, через наблюдение, ритуалы, простое бытие.
- Пример животных: кошка, у которой погибли котята, в какой-то момент перестает страдать, она возвращается к рутинной жизни: еде, сну, играм; это не означает, что она полностью забыла, это означает адаптацию, блокировку фрагментов памяти.

Пять стадий принятия это показательная форма перестройки КПС системы в условиях онтологического краха, их прохождение не обязательно приводит к

утешению, но оно необходимо для стабилизации после акта экзистенциального кризиса или ЭПС, важно, у разных существ порядок и наличие стадий могут варьироваться, возможны петли и возвраты. Биологические формы этих стадий позволяют утверждать, что структура КПС адаптирована на способность терпеть разрушение иллюзий, чтобы затем продолжать функционировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВЫ I

После анализа механизмов КПС, его фильтров, блокировок и аварийных программ становится очевидным, что любой аспект нашей жизни есть их управление, человек не является субъектом в традиционном смысле, а представляет собой биологическую машину, выполняющую предустановленные алгоритмы, выработанные эволюцией для сохранения и репродукции, даже развитое сознание, обладающее речью и логикой, все равно является средством для интерпретации действия, которое уже было совершено подсознательным автоматизмом. Механизмы КПС демонстрируют, что контроль за телом и жизнью всегда остается у глубинной системы, регулирующей физиологию и смысловую архитектуру существования. Исследование феноменов, кажущихся противоречивыми для репродуктивной логики показало, что даже они вписываются в рамки одной и той же системы, все формы поведения, даже деструктивные, остаются функцией подсознательной программы, КПС способен изменять формы реализации своей задачи. Сравнение человека и животного окончательно стирает границу между ними, сознание перестает быть уникальным свойством человека, так как оно обнаруживается в начальной форме даже у растений и простейших организмов как элемент обратной связи и адаптивной регуляции. Анализ разных регуляторов стресса показал, что все они инструменты саморегуляции КПС, создающие иллюзию смысла и маскирующие тревогу смерти, формы деятельности не являются выбором, а реакцией системы, которая через постоянную занятость, циклы рутины и

вознаграждения стабилизирует себя и предотвращает разрушение.

Архитектура КПС с ее пятью уровнями памяти: STM, MTM, LTM, SM, GM; выбирает, что помнить, что забыть, и что реконструировать, исходя из целесообразности выживания, даже смех и некоторые виды амнезий это защитная стратегия. Заключительный смысл первой главы является в демонстрации замкнутости и самодостаточности КПС: попытки осознать бытие, обмануть КПП и достигнуть ЭПС приводят лишь к столкновению с механизмами защиты и не меняют правил игры; даже ЭПС не разрушает иллюзию, а лишь превращается в ее новый слой. Семиступенчатая система достижения осознания и последующие пять стадий принятия показывают предел человеческого доступа к самому себе.

ГЛАВА II

Культурная иллюзия и ее конструкции

Обзор главы

В этой главе исследуется каким образом иллюзия смысла создается и поддерживается через культурные, социальные и символические конструкции, как закрепляются в коллективном и индивидуальном восприятии реальности через ритуалы и знаки, раскрывает идею о том, что культура не рождается как свободная сфера творчества и истины, а формируется как инструмент защиты психики и РИН, способом замаскировать онтологическую пустоту и сохранить функциональность биологической системы. Язык, ритуалы, нормы и институты создают структурированную символическую реальность, которая подменяет прямой контакт с бесконечностью и ничто; эта символическая надстройка стабилизирует КПС и снижает риск распада мотивации и активации аварийных сценариев, в этой главе будут проанализированы: возникновение культурного смысла, религия, государство, семья, школа, искусство, мораль, история, технологии, интернет, регресс культуры ученых, вариативность интеллекта и его следствие, интеллект и агрессия, столкновения культур, почему интеллектуалы отказываются от власти, как

интеллект и репродуктивная культура сочетаются вместе, различие понятий интеллигент, образованный, гений и их возникновение, а также системное поощрение образованных и вытеснение интеллигентов.

Автор

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

1: Возникновение культурного смысла

Культура становится культурой, когда превращает базовые биологические реакции в развернутые смысловые конструкции, которые подсознание использует как средство самосохранения: когда животное ест, размножается или защищает территорию; эти акты имеют прямую функциональную мотивацию: восполнение энергии, передача генетического материала, избегание угрозы; у человека те же самые акты получают символический уровень: еда превращается в ритуал, секс в любовь, убийство в акт справедливости, а смерть в объект культа; эта символическая трансформация не случайна, она служит практической цели в виде снижения экзистенциальной тревоги и стабилизации внутренней экономики, КПС требует предсказуемости и минимизации шока, и культура дает ему способ конвертировать непереносимое в управляемое, механизм простой и многоступенчатый одновременно, сначала коллективная практика закрепляет повторяемую форму поведения, например, молитва перед едой или жевание с закрытым ртом, стандартизирует акт питания, маркируя его как безопасный и социально одобряемый, затем через воспитание и повторение этот паттерн становится предпочитаемым способом реагирования, КПП начинает распознавать подобные сигналы как безопасные и допускает их в поле сознания без тревоги, далее аналогичный паттерн конвертируется в долговременные схемы памяти (LTM и SM), передается детям и институционализируется, и из частной практики рождается норма. Норма, в свою очередь, создает социальное давление, отклонение карается: осуждением, потерей статуса или наказанием; что усиливает

селективный отбор поведенческих траекторий именно в ту сторону, которую КПС считает выгодной для выживания и воспроизводства в данном социокультурном контексте. Возьмем в пример институт семьи, биологически его задача проста: обеспечить спаривание и выживание потомства до репродуктивного возраста; культурно же эта простая задача оформляется в сложную морально-эмоциональную конструкцию: свадебный ритуал превращает репродуктивное объединение в публичную клятву верности и смысла, родительская роль наполняется понятиями любовь, долг и жертва, а развод порицается, и тем самым поддерживается высокая вероятность, что семья сохранит целостность ради защиты детей и передачи ресурсов; для КПС это идеальная стратегия, она одновременно повышает прогнозируемость среды (дети получают стабильность), снижает риск одиночества у родителей (социальная сеть) и повышает вероятность репродукции, человеку кажется, что он выбирает из любви, но выбор встроен в сеть смыслов и штрафов, которые культ создал для стабилизации поведения. Культура также способна создавать смыслы, прямо противоречащие биологической целесообразности, что особенно показательно, ритуалы самоограничения в виде голоданий и постов, испытаний и религиозных ритуалов самоотречения, они могут снижать индивидуальную оценку, но поддерживать групповую солидарность и идентичность. Исторические примеры, такие как: ношение корсета, шляпы, бороды или обрезание в рядах культур; иллюстрируют, как нормы, изначально не связанные с выживанием, становятся механизмами их принадлежности в социальной иерархии, и подобных примеров в современной реальности полно: от гомосексуализма в тюрьмах до серьезной агрессии среди «необразованных»; КПС принимает такие практики, если они

стабилизируют социальную среду, даже ценой личных затрат, потому что ценность стабильной среды (и следовательно шансов на выживание потомства) может перевешивать индивидуальные издержки. Язык это ключевой инструмент, наименование отделяет событие от непосредственного переживания и переводит его в доступную категорию, слово “смерть” позволяет коллективно конструировать ритуалы, мифы и практики, которые уменьшают хаос, связанный с утратой, а термины: честь, долг и успех становятся индикаторами социального богатства; через их использование КПП маркирует опыт как приемлемый или угрожающий, в этом смысле язык это рабочий инструмент, с помощью которого КПС создает управляемую симуляцию мира, пригодную для продолжения функционирования системы. Иллюзия смысла также укрепляется институтами: школы, церкви, армии и рынка; они формируют и передают наборы сценариев, ритуалов и кодов, и действуют как “предприятия смысла”, стандартизируя ответы на основные вопросы: что важно, что запрещено, что достойно пристального внимания, а что нет; через образование и практику КПС начинает автоматически выбирать те варианты поведения, которые коррелируют с успешной адаптацией в данной культуре, в результате человек, даже действуя из самых благих побуждений, часто закрепляет структуру, созданную его предшественниками, не подозревая о ее биологическом происхождении, так, например, зачастую дети террористов и становятся террористами. Понимание этой динамики важно для того, чтобы распознать механизмы, по которым смысл создается, закрепляется и иногда становится оковами, а не свободой, только осознав их, возможно разработать стратегии, которые позволят существу (в меру когнитивных возможностей, КПП и архитектуры памяти) освободить пространство для рефлексии, не

разрушая при этом устойчивости, необходимой для выживания.

Сознательные установки животного формируются внутри четко организованной среды символических структур, которую задает культура, это комплекс знаковых систем, институтов и практик, через которые КПС получает готовые схемы интерпретации мира и критерии допустимости переживания: язык, нормы, истории, медиа и институты функционируют как аппарат символического программирования; существо рождается и сразу помещается в поле знаков, которые не столько обучают его делать, сколько формируют то, как он будет видеть и ценить происходящее, такая внутренняя трансформация происходит как органическая интеграция через: повторение, подражание, нарративы и ритуалы; существо усваивает не просто названия предметов, а способы мышления о них, способы оценки, эмоции и модель возможных действий, это процесс усвоения языка и смысла, который классическая социология называет “социальным конструированием реальности”⁶⁵. Роль языка в этом процессе принципиальна, переход от чувственного переживания к категориальному мышлению совершается через овладение системой знаков, наименование предмета или явления отделяет его от непосредственного хаоса и делает доступным для манипуляций и памяти, речь является ключевым механизмом когнитивного развития, мысль уплотняется в понятие лишь после того, как культура дает слово и правило употребления, и становится инструментом саморегуляции и планирования, КПП начинает оперировать с символически маркированными значениями, которые легче фильтровать и держать вне зоны тревоги, а там, где у культуры отсутствует слово или привычная схема, соответствующая идея либо долго формируется, либо оказывается

65 – Berger, Luckmann. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. (1966)

труднодоступна когнитивно, существует еще достаточно психологических или философских явлений, которые испытываешь, но им до сих пор не дали определения, и без языка эти переживания остаются неструктурированными и не передаваемыми от большинства к большинству. Усвоение норм происходит через систему встроенных предрасположенностей и практик: гендерные установки, представления о достоинстве, стыде, долге и успехе вшиваются в телесные привычки, манеру речи, ожидания и вкусы; мальчику, которому с детства говорят “не плачь”, данная техника подавления эмоции становится частью его моторного и эмоционального поведения, через “не плачь” также произрастает другой феномен в виде “боязни показаться слабым”, что ведет к разным последствиям в поведении уже взрослого существа: от трудности публичного извинения перед кем-то, до невозможности даже поддаться в ребенку в детской игре; а девочке, которой внушают скромность, привычка к самоограничению закрепляется как автоматическая регуляция поведения и также раскрывается через другие феномены: от трудности высказаться на публике, до невозможности первой начать знакомство; такие установки позднее переживаются как личные: “это я такой/это я такая”; хотя их происхождение коллективно-историческое и символически запрограммированное, даже у других животных формируются простые формы “я” через подражания и ритуалы: слоны хоронят сородичей, что может быть начальной формой символического отношения к смерти, киты и дельфины передают звуковые сигналы по поколениям, как культурные песни⁶⁶, вороны обучают молодых особей своим способам добычи пищи и даже используют игру как социальный ритуал⁶⁷; человек верит в реальность таких же структур, считает, что это отражение настоящего

66 – Whitehead, Rendell. *The Cultural Lives of Whales and Dolphins*. (2014)

67 – Emery, Clayton. *The mentality of crows: Convergent evolution of intelligence in corvids and apes*. (2004)

себя, а не поведенческого паттерна, но это есть ловушка, принять ложную конструкцию за истинную. Современные медиа радикально усиливают скорость и плотность похожего программирования: телевидение, реклама и платформы социальных сетей функционируют как предприятия символов, они задают образцы желаемого, нормального и благородного через многократное повторение и демонстрацию; длительное воздействие одних и тех же образов формирует у существ устойчивые представления о “реальности”, о том, что опасно, что престижно, что красиво, и что хорошо, а что плохо, в цифровой среде эффект даже усиливается, алгоритмы подбирают контент, подтверждающий уже существующие предпочтения, создавая замкнутые информационные системы. В итоге, культура, как мы выяснили, это институционализированное продолжение коллективного бессознательного, формируется прежде всего как механизм стабилизации хаоса, внутреннего (экзистенциального) и внешнего (природного, социального, исторического), она возникает как реакция на невыносимость бессмысленности, где ничто не гарантировано, все случайно, смерть неизбежна и мир не подчинен никакому смыслу, такое фундаментальное открытие ведет к когнитивному коллапсу, чтобы его избежать, существо вынуждено выстраивать через культуру иллюзорные модели: порядка, этики, религии, иерархии, традиции как способ скрыть хаос; создаются устойчивые рамки, которые переводят экзистенциальную тревогу в символическое повиновение через нормы и привычки, оно нормирует повседневность, объясняет собственное происхождение мира и его смысл, структурирует социальные роли, задает нормативную мораль и наказывает за отклонения, все эти функции служат единой цели, превратить хаос в управляемую символическую систему, даже если эта система не имеет онтологической

подлинности⁶⁸. У некоторых животных наблюдаются зачатки культурных паттернов, направленных на поддержание стабильности внутри группы: муравьи и пчелы действуют по определенным алгоритмам, создавая порядок через SM и GM закрепленную иерархию (а еще муравьи узнают себя в зеркале, что указывает на их способность к самосознанию⁶⁹), обезьяны применяют социальные ритуалы примирения и доминирования, удерживая групповую стабильность⁷⁰; с одной стороны, культура предотвращает когнитивные и эмоциональные сбои, поддерживает воспроизводство, кооперацию и социальную устойчивость, с другой стороны, она ограничивает доступ к рефлексии и снижает гибкость мышления, превращая существо в носитель предустановленных смыслов, когда система все же сталкивается с разрушением культурных карт, например кризис веры или информационный перегруз, КПС может ответить запуском ЭБЛ или, в крайнем случае, АМС; кризис требует от системы реконструкции новых стабилизаторов и это происходит тяжело и болезненно.

1.1: Религия

Религия, как может показаться на первый взгляд, это не просто система верований или совокупностью нравственных предписаний, КПС человека

68 – Sapolsky. *Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst*. (2017)

69 – Lei. *Sociality and self-awareness in animals*. (2023)

70 – de Waal. *Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. (1982)

придумало бога и религии через мощный психосоциальный механизм защиты от тревоги неизвестности или смерти (что помогло адаптировать работу КПП в новых когнитивных условиях), порожденный от знания собственной конечности, когда перед существом встает факт смерти, то самое абсолютное ничто, где нет, не было и ничего не будет, здесь религия сразу предлагает готовую структуру смыслов: смерть перестает быть финалом и превращается в переход, возрождение или вступление в иное состояние; она снижает интенсивность непосредственного страха, переводит хаос в управляемую линейность или цикличность, и тем самым поддерживает психическое равновесие существа и устойчивость популяции, для существа эта самая простая и укоренившаяся модель поведения, которая не предполагает за собой развитых когнитивных механизмов, а требует только веры, поэтому идеально подходит для средней модели КПС, не самой отстающей и не самой преобладающей, и из этого формирует норму.

Мифологические схемы многих традиций строятся вокруг простого смыслового цикла: рождение, смерть, возрождение; и тем самым предлагают универсальную карту, по которой любые утраты и травмы могут быть прочитаны как элементы предсказуемого повествования. Ритуалы похоронных обрядов, религиозные сервисы, коллективные молитвы и символические акты сопричастности создают рамки, в которой индивидуальная тревога распределяется между участниками, утрачивая ту невыносимость, которую имела бы в одиночке: через храм, собрание или общину отдельное существо перестает оставаться один на один с абсурдом; его страх конвертируется в общий, управляемый опыт и КПС это понимает как выигрыш для собственных целей по сохранению целостности организма и группы. Религия также целенаправленно укрепляет и нормирует

репродуктивные практики в самых разных традициях: родство, брак и деторождение оформляются как требование; продолжение рода получает духовное, возвышенное оправдание, а отказ от деторождения будет интерпретироваться как грех и караться за это, подобные случаи работают как мощные селективные фильтры, они поощряют репродуктивное поведение и закрепляют его в символическом поле, делая отклонение дорогостоящим эмоционально и социально. Эффективность и устойчивость религии заключается в: тенденции человека к подражанию, следовании за большинством, экономии энергетически затратных мыслительных процессов; они делают религиозные структуры чрезвычайно инерционными; сомнение требует определенных когнитивных способностей и затрат энергии, а следование нормам это путь наименьшего сопротивления, поэтому у большинства верующих это сопровождается: утратой критического мышления, институционализацией дискриминационных норм и вредит "индивидуальной автономии".

Деконструкция религии для неподготовленного существа часто ведет не к освобождению, а к кризису, поскольку освобождение требует способностей выдерживать экзистенциальную тревогу и формирования альтернативных смысловых механизмов, способных выполнять функцию стабилизации.

Анализ религии в рамках модели КПС помогает понять, почему религиозные формы столь устойчивы и почему их отсутствие не автоматически ведет к освобождению, рассмотрим работу над альтернативами религиозного утешения: образовательными, терапевтическими и культурными практиками; должно учитываться, что любое успешное вмешательство обязано не только искоренить старый смысл, но и предложить новые, стабилизирующие схемы, совместимые с потребностями КПС: предсказуемость, принадлежность и

снижение экзистенциального страха; только в этом случае возможно последовательное движение от религиозной иллюзии к другой иллюзии, не уничтожая при этом ту психологическую основу, без которой система может дать сбой, к тому же в рамках глобального времени перенаправление существа из одной бесполезной сферы в другую не будет иметь никакого смысла, поэтому я считаю необязательным вмешиваться в процессы подавления страха и перенаправления их в другое русло, забирая религию, поскольку (в рамках локального времени) стандартная животная модель и, следовательно, мир перестанут “существовать”, если у них отнять самый простой стимул самообмана для репродукции и продолжения жизни, и смысла в бесконечном ничто. Глобальное и локальное время дают ответ к пониманию причинной связи между религиозной иллюзией смысла и устойчивостью психической системы: в глобальном временном измерении, в перспективе бесконечности, абсолютного ничто, любое перенаправление энергии существа из “одной бесполезной сферы в другую” теряет онтологическую опору, на уровне безграничного временного горизонта ни наука, ни искусство, ни религия не придают деятельности объективного смысла, с этой точки зрения попытки заполнить пустоту глобального времени рациональными или утопическими проектами не решают главной проблемы, но именно здесь вступает в силу локальное время, в котором живет и действует отдельное существо, измеряемое биологическими циклами, поколениями и конкретными сроками жизни; для КПС локальное время имеет первостепенное значение, именно в нем решаются задачи сохранения гомеостаза, воспроизводства и минимизации угроз, и именно локальная перспектива наделяет поведение существа прагматической направленностью, если существо в локальном времени осознает факт

собственной конечности вместе с понимаем абсолютного ничто, то его мотивационная архитектура сталкивается с парадоксом, с одной стороны, осознание смерти усиливает тенденцию к продлению жизни: минимизация риска, осторожность в повседневном поведении, инвестиции в здоровье, забота о потомстве и усиленная активность в накоплении ресурсов; все это отвечает РИН, заложенной в КПС и подкрепленной уровнями памяти SM и GM, с другой стороны, парадокс осознанности заключается в том, что продление локальной жизни при осознании ее бессмысленности в бесконечности усиливает психическое напряжение, существо продолжает действовать по автопилоту КПС, но сознание фиксирует отсутствие итогового смысла, это несоответствие между автоматизированными программами выживания и рефлексивной оценкой “зачем” порождает повышенный риск АМС, следовательно, даже если репродуктивная инерция продолжает направлять поведение, качество психической жизни может заметно ухудшаться при нарушении защитных символических структур. Религия выступает одним из наиболее эффективных и дешевых в ресурсном выражении механизмов стабилизации локального времени, она не создает объективного глобального смысла, но формирует и институционализирует символические структуры, которые КПП маркирует как безопасные: легенды о посмертии, ритуалы сопричастности, коллективные практики и другое; они переводят угрозу конечности в управляемую форму, в результате риск экзистенциального кризиса и ЭПС уменьшаются, вероятность АМС падает, поэтому убрать религию в роли самообмана означает одновременно лишить КПС одного из ключевых инструментов предсказуемости, на индивидуальном уровне такие изменения увеличивают вероятность, что у значительной части популяции возникнут сильные кризисы

экзистенциальности, которые КПС будет пытаться разрешить через более радикальные и разрушительные программы или через возвращение к старым ритуалам в искаженных формах, но это не значит, что религия является лучшим феноменом или что ее существование не порождает злоупотреблений и репрессий.

1.2: Государство, семья, школа

Государство, семья и школа составляют концентрированную институциональную систему, задающую одну из основ для культурной иллюзии и выполняющую функцию защиты смысла в обществе, эти институты представляют собой внешние архивы и исполнительные механизмы, через которые КПС систематизирует, стандартизирует и передает устойчивые смысловые паттерны, их главная практическая цель это: снижение неопределенности, экономия энергии и минимизация риска запуска АМС; стабильность доминирует над истиной, поскольку КПС предпочитает предсказуемость жизни и воспроизводство, даже если это достигается через искажение реальности. Через законодательные практики, символику и церемонии государство институционализирует ощущение причастности, снижая уровень экзистенциальной тревоги у существ, чем лучше институт выполняет функцию стабилизации КПС, тем прочнее его

влияние: национальные мифы, история, герои, праздники и ритуалы создают смысловые карты, которые КПП распознает как безопасные сигналы и пропускает в сознание; повторение подобных карт закрепляет их в МТМ и LTM, а ритуализированное воспроизведение в SM как автоматические реакции; гимн, парад, памятники, их регулярность и публичность снижают уровень индивидуальной тревоги, переводя страх перед ничто в коллективное переживание с фиксированным значением: гордость, долг, память. Семья является первичной ступенью символического программирования, она передает: нормы, интегрирует язык, телесные привычки и эмоциональные схемы в память SM и LTM существа; родительская фраза, табу или ритуал питания быстро конвертируются в паттерны, которые КПС использует для автоматизации реакции на социальные ситуации, то есть семья вшивает культурные схемы в исполнительные алгоритмы личности: роль, пол, манеры, ожидания и тому подобное становятся частью функционирующего автопилота. Школа выступает одной из важных точек дрессировки существа, где под видом передачи знаний внедряется код культуры: школьная программа, государственная интерпретация истории, гражданское воспитание и стандартизированные экзамены создают каналы, через которые КПС учится доверять внешним авторитетам; школа не только передает знания (следует взять в кавычки, если речь идет о тоталитарных и авторитарных режимах), она выстраивает систему важности: что считать значимым, какие цели достойны стремления, какие истории достойны памяти и подобное; также экзамены, рейтинги, оценки, дипломы, статус будут интегрироваться как успешность адаптации, а отклонения от этой системы будут подвергаться коррекции, дискриминации и осуждению, тем самым школа не обучает

свободному мышлению, а только прививает и организывает под локальную культуру, чтобы быть совместимым с остальными в подобной социальной среде. Экономические и бюрократические механизмы также создают практические стимулы: налоги, пенсии, социальные пособия, правила труда и семейная политика формируют прямые материальные связи между индивидуальным поведением и ожиданием будущего; когда государство обещает пенсию, медицинскую помощь и социальную защиту, КПС получает опору для планирования в локальном времени, страх смерти и ничтожности становится менее острым, поскольку будущее представлено как управляемое поле, где существо может рассчитывать на поддержку; контроль над коммуникацией и информацией это еще один канал: государственные медиа, цензура, информационная политика формируют STM рамки восприятия, что попадает в поле внимания, как оно формируется, какие сценарии становятся доминирующими; через систему новостей, официальных комментариев и образовательных кампаний сложные экзистенциальные темы упрощаются, становятся управляемыми сюжетами (экономика, безопасность, здравоохранение), которые КПП обрабатывает как практические задачи, а не как вызов фундаментальности бытия. Правовая и репрессивная сторона государства играет роль сдерживающего механизма: законы, криминализация, административные штрафы и даже уголовное преследование ограничивают пространство для публичного выражения радикальных экзистенциальных позиций, приучая КПС к самоконтролю и внешней верификации; страх потери свободы, статуса, имущества или даже жизни действует как интенсивный стимул, который КПП учитывает как аспект риска, и потому может блокировать опасное содержание; в условиях авторитаризма этот эффект усиливается: контроль символов, переписывание

истории и преследование инакомыслящих создают мощную барьерную систему, препятствующую массовому пробуждению; государство также работает через организацию коллективных практик сопричастности: армия, гражданские службы, массовые проекты инфраструктуры, грантовые программы культуры; участие в коллективных проектах дает человеку ощущение смысла и принадлежности без глубокой рефлексии, КПС распознает: “выгода – ресурсы”, статус, связи и принимает участие как рациональную стратегию воспроизводства; когда институты государства функционируют адекватно, они действуют как часть репродуктивной системы против феноменов экзистенциального кризиса, ЭПС и АМС, но когда государство рушится, проявляет коррупцию, неспособность обеспечить базовую предсказуемость, или когда оно целенаправленно производит травму (война, экономическая катастрофа, террор), эффект обратный: массовая утрата стабильности провоцирует кризисы смысла, способствует экзистенциальному “прозрению” и радикальных перемещений смыслов, то есть механизм, предназначенный подавлять осознание, одновременно создает условия, при которых массовое “прозрение” становится возможным.

1.3: Искусство, мораль, история

Аналогично тому, как государство, семья и школа создают институциональную защиту смысла, проявляются и искусство, мораль и история, каждый из которых по-своему маркирует, трансформирует и признает опыт конечности, неопределенности и страха, пойдем по порядку, искусство это система символического регулирования эмоций, на первый взгляд оно может выглядеть как зона свободы, но на деле художественные практики выступают как один из регуляторов тревоги: через образ, метафору и ритуализованное исполнение искусство переводит опасные переживания в управляемые эстетические формы; театр, музыка, живопись и кино дают возможность пережить утрату или страх пустоты в контексте, который КПП маркирует как безопасный, но искусство может и провоцировать прозрение, экспериментальная поэзия или радикальный перформанс способны подрывать защитные механизмы, но чаще всего оно функционирует как стабилизатор. Что касается морали, ее нормативные предписания и табу работают как наборы ярлыков, которые КПП использует, чтобы быстро классифицировать опыт: безопасно/опасно и приемлемо/неприемлемо; мораль кодирует варианты поведения в SM и LTM, делая их автоматическими реакциями: чувство вины, стыда и гордости это эмоциональные индикаторы, которые КПС применяет для поддержания последовательности поведения и минимизации неопределенности; опять же мораль это сильный регулятор иллюзии, но в то же время и метод ее разрушения, в малых дозах она лечит, но стоит только слегка переусердствовать и теперь она кажется смертельной.

История это крупномасштабный нарратив, который превращает хаос времени в упорядоченное повествование, дает для КПС модель коллективного локального времени: происхождение, великие миссии, предыдущие жертвы, будущая цель; это снижает неопределенность и оправдывает институциональные траектории, прошлое маркирует, какие события заслуживают памяти (LTM), какие ритуалы повторения поддерживать (SM), и какие моральные уроки закреплять в КПП, историческая репродукция признает нынешний порядок и дает существу точку опоры в потоке изменений, но разоблачения мифов или массовые процессы переосмысления прошлого, которые приведут к другому выводу, могут резко ослабить эти опоры: КПС теряет предсказуемость, КПП маркирует повышенную неопределенность как угрозу, возрастает риск разрушения смыслов. Операционный паттерн этих трех структур выглядят таким образом: сигнал (произведение, моральная норма, исторический нарратив) маркируется КПП; если маркировка безопасна, тогда паттерн кодируется в MTM/LTM, повторяется через институции и ритуалы, далее попадает в SM как телесный навык или привычка.

1.4: Технологии и интернет

С приходом технологий и интернета культурная иллюзия изменила свою форму, скорость и масштабы так, что КПС сталкивается с принципиально новыми вызовами и возможностями, интернет радикально усилил мощность сигналов, которыми культура маркирует безопасное и значимое, алгоритмы платформ соревнуются за внимание, и их задача очень проста с точки зрения КПС, это повысить вовлеченность, то есть заставить КПП отмечать соответствующий контент: лайки, репосты, просмотры и комментарии выступают как быстрые подкрепления, они дают моментальную обратную связь, которую КПП считает как подтверждение безопасности, в результате поведенческие паттерны, повторяющиеся в сети, быстрее интегрируются в STM/MTM и затем в LTM и SM; то, что раньше закреплялось поколениями через институты, теперь закрепляется за недели и месяцы через подобный контент, для КПС это отличная экономия ресурсов, готовые шаблоны уже в моментальной и количественной доступности, но их цена высока: уменьшение времени для критической проверки, слабое закрепление сложного опыта и большая вероятность, что поверхностные эмоциональные суждения займут место глубоких смыслов; Подобный информационный шум и постоянное отвлеченное внимание увеличивают нагрузку на STM и КПП: поток коротких роликов, новостных заголовков и мемов заставляет КПП работать в режиме быстрого реагирования, метки опасно/безопасно выставляются молниеносно, часто по эмоциональному

заряду, а не по содержательной глубине; это снижает порог сомнения и детальной рефлексии, КПП существа получает повторяющиеся подтверждения определенной повестки, что ведет к быстрой конвертации в МТМ/ЛТМ, а когда группа существ получает подтверждение своих смыслов онлайн (соответственно даже ложных), то КПС (его социальная часть системы) перестает нуждаться в сомнении, и тогда радикальные идеи обретают стойкость быстрее, чем прежде. С положительной точки зрения интернет дает: альтернативные формы социализации для маргинализированных групп, создает быстрые платформы для взаимопомощи и новых ритуалов, которые могут снизить локальную тревогу; с негативной: он уменьшает способности для глубокой рефлексии, усиливает поверхностные механизмы закрепления смыслов, ускоряет распространение деструктивных паттернов и повышает вероятность запуска АМС у людей со слабыми КПП. В локальном мире слишком много раздражителей, проблем и просто информации, чтобы большинство людей надолго задерживалось на мысли о смерти как о границе “бесконечности”, КПС устроено так, чтобы защищать систему от перегрузки и от запуска разрушительных программ, осознание смерти в масштабе “бесконечности” это именно тот контент, который КПП помечает как потенциально опасный, потому что он угрожает мотивационной целостности репродуктивной инерции, эволюционно мы все локальные существа, наши нервные системы оптимизированы для проблем: дня, недели, сезона, на генерацию потомства и передачу знаний ближайшим поколениям; информация об абсолютном ничто слишком драгоценна по ресурсам: она увеличивает неопределенность, требует переработки в МТМ и ЛТМ, требует переосмысления SM и, что самое тяжелое, может потребовать перестройки

глубинных ориентиров ГМ; большинству людей такая перестройка просто невозможна: социальные обязанности, работа, забота о детях, кредит, ипотека, машина и прочее; все это требует внимания, сил и предсказуемых паттернов поведения, поэтому КПС рационально распределяет ресурсы, а тревога о смерти, введенная в поле внимания надолго, снижает шансы на ежедневную выживаемость и репродукцию, поэтому она отодвигается в тень через культурные замены: ритуалы, религию, повседневную занятость и медиапотребление. Понимание абсолютного ничто требует не только когнитивных способностей (самое важное) для представления, но и эмоциональной подготовленности, чтобы выдержать тревогу, возникшую от такого представления, для многих людей подобная подготовка формируется годами через практики, ритуалы, обучение и личный опыт, и все равно не факт, что становится возможным.

1.4.1: Современные стандарты

С упрощением стандартов мира и коммерциализацией внимания, в культуре роль интеллектуала или ученого как источника авторитетного знания ослабевает, вместо них зачастую теперь туда попадают фигуры, способные быстро генерировать заметный, легко усваиваемый и эмоционально заряженный контент, так как теперь ценятся скорость, репризуемость и эмоциональная отдача, то, что мгновенно отражается в STM

и быстро интегрируется в МТМ, в результате формируется феномен псевдоэлиты: существа, чьи действия технически банальны (танцы, шок контент, стримы, видеоблоги о жизни и прочее), получают непропорционально высокий статус и ресурсы в виде денег, просмотров и репутации; последствия этого двоякие, с одной стороны, теперь дается шанс новым голосам и снижается монополия институций, а с другой стороны это ослабляет понятия между статусом и ценностью, для КПС это означает, что допустимые смыслы смещаются в сторону поверхностных и репрезентативных форм, критическая фильтрация КПП притупляется и общество начинает чаще принимать за правду то, что выглядит примечательно, а не то, что проверено.

2: Вариативность интеллекта, его следствия и отклонения

Развитое сознание животного коррелирует с уровнем нейронной организации: плотностью нейронов и количеством синаптических связей, степенью миелинизации и архитектурой локальных и межрегиональных сетей, которые создаются в период формирования плода и затем стабилизируются в детстве; эти параметры задают способность системы к обработке информации: рабочую память, скорость обработки, гибкость представлений и сложность абстрактного мышления; уровни такой нейронной организации определяют с какой скоростью и глубиной система способна создавать предсказательные модели, удерживать сложные контексты в MTM/LTM и конвертировать символические паттерны в SM. Обычный, то есть нормальный человек обладает IQ в диапазоне около 100 со стандартным отклонением в плюс-минус 15 очков⁷¹, что соответствует базовой функции для репродуктивно-способного животного: развитие социальных стратегий, освоение инструментальных навыков, ориентация в пространстве и группе; КПС у таких существ может поддерживать устойчивые автоматизмы поведения без необходимости глубокой рефлексии о смысле. Чем выше значение IQ, тем быстрее, глубже и многоступенчато существо способно обрабатывать информацию, строить абстрактные и логические конструкции, высокий интеллект представляет собой эволюционно сложный феномен: он может давать преимущества в инновациях, стратегическом планировании, но одновременно повышает вероятность появления когнитивного

⁷¹ – Silverman, Mizejeski, Ryan, Zigman, Krinsky-McHale, Urv. *Stanford-Binet & WAIS IQ Differences and Their Implications for Adults with Intellectual Disability (aka Mental Retardation)*. (2010)

конфликта между автоматическими программами КПС и рефлексивной функцией сознания; чем богаче и многослойнее предсказательные модели, тем выше шанс обнаружить противоречия между ними и репродуктивной логикой. Эволюционная программа не предусматривает специального увеличения интеллекта у организмов, ее механизм это естественный отбор в конкретных средовых условиях, вариации возникают в случайных генетических и эпигенетических событиях, и их закрепление определяется селективной выгодой в определенной экологической и социальной реальности, появление существ с повышенной плотностью нейронных связей следует понимать так: если такая аномалия повышает выживаемость и воспроизводство в данной или измененной среде, то она имеет шансы закрепиться и распространиться, а если нет, то явление остается редким и подобные существа быстро исчезают. С точки зрения КПС важна не абсолютная величина интеллекта, а конфигурация когнитивных способностей относительно эффективности КПП и культурных стабилизаторов, высокие когнитивные способности повышают потенциал построения сложных предсказательных моделей и генерации новых смыслов, но одновременно увеличивает вероятность обнаружения онтологических противоречий между автоматическими программами выживания и выводами сознания, если КПП остается слабым, такие существа чаще испытывают экзистенциальную тревогу, ЭПС и подвержены феноменам ЭБЛ и АМС, снижающих их адаптивность в локальном времени, но если КПС имеет высокий интеллект при эффективно работающем КПП, то оно создает зону высокой продуктивности: существо способно проектировать, творить и глубже мыслить, при этом не разрушая мотивационной целостности, ибо КПП фильтрует опасный контент и интегрирует открытия в

стабилизирующие нарративы, в любом другом случае высокий IQ не функционален в программе выживания, а избыточен, так как интеллект, выходящий за пределы базовой нормы, не повышает адаптивность, а наоборот, снижает ее, потому что обостряет когнитивный дискомфорт, усиливает онтологическую тревогу и разрушает автоматизмы защиты⁷². Факт наличия интеллектуалов, как и факт наличия существ с умственной отсталостью, можно рассматривать как стандартную аномалию биологической программы, организм развивается по детерминированным, но гибким правилам, стремится к нормативной стабильности, а любые отклонения от нее это результат ошибки при формировании, следствие вмешательства внешних или генетических мутаций, которые биологическая система не успела отфильтровать. Средний показатель IQ у человека, как я писал выше, находится в диапазоне 85-115, именно эта категория формирует большинство и представление о нормальности, масса всегда следует за массой, какой бы правотой или достоверностью ни обладала информация отдельного существа, без поддержки большинства его позиция будет потеряна и отвергнута, в повседневной жизни у нормальных людей статус действует сильнее, чем аргументы, это функциональный результат того, как коллективные системы отмечают, что безопасно и полезно, и кому доверять в условиях ограниченного внимания и риска, так КПС снова экономит ресурсы, КПП должен быстро решать: чей сигнал заслуживает внимательного рассмотрения, а чей отбросить как шум; в условиях перегруженного STM и постоянного потока информации КПП использует быстрые ярлыки, один из самых надежных ярлыков в социальной среде это статус: видимый доступ к ресурсам, авторитет, титул, признание; статус

72 – Deary, Penke, Johnson. *The neuroscience of human intelligence differences*. (2010)

сигнализирует КПС: “это существо прошло социальную фильтрацию, у него есть поддержка и на него можно опираться”, статус = ресурс = репродуктивная ценность; РИН воспринимает высокий статус как показатель доступа к ресурсам и партнерам, следовательно, сообщения от высокостатусных существ чаще проходят КПП и быстрее закрепляются в МТМ/ЛТМ, поэтому интеллектual без статуса в массе случаев проигрывает, потому что сигнал не имеет внешней надежности, КПП маркирует его как потенциально рискованный источник. Так интеллектual вне академии, а среди нормальных людей не получает социального признания и чаще всего оказывается маргинализированным, тогда возникает вопрос: “если интеллектуальная аномалия встречается достаточно редко, то почему средний уровень IQ большинства имеет тенденцию к росту?” Ответ прост, из-за изменения самой культурной и экологической среды, каждое следующее поколение наследует не только генетику, но и массив знаний, навыков и внешних шаблонов обработки мира, которые упрощают построение предсказательных моделей у потомков, получает более богатую, стандартизированную и насыщенную среду: детство с развивающими игрушками, обязательное массовое образование, интернет с доступом к информации, лучшая медицина и питание; так КПС у большего числа людей быстрее и глубже разворачивает сложные схемы МТМ/ЛТМ и эффективнее конвертирует их в М, в результате возрастает скорость обработки, гибкость абстракций и прочее, пятьсот лет назад среднестатистическому человеку достаточно было усвоить относительно небольшой объем информации (религиозные догмы, базовые навыки ремесел, локальные традиции), а современный мир предъявляет несоизмеримо более высокие требования, чтобы интегрироваться в

социальную систему и выполнять даже простые роли, существо должно оперировать стандартными знаниями современности, именно поэтому наблюдается рост среднего уровня IQ, на фоне роста сложности общества и технологий⁷³, интеллект не растет сам по себе, а развивается от необходимости впитывать и перерабатывать все больший объем культурной информации. С возрастом структура мозга претерпевает закономерные изменения: относительно уменьшается число нейронов и синапсов, эффективность миелиновых проводников, падает скорость обработки и гибкость мышления; это объективно отображается в замедлении реакций и укорочении мыслительных цепочек, легко наблюдается в поведении пожилых животных: реакции замедляются, исчезает способность к глубоким абстрактным концепциям (у людей), снижается эмоциональная эмпатия; эти изменения не связаны с мудростью, как часто романтизируют в культуре, а с биологическим угасанием системы, это следствие постепенного снижения ресурсов нейросистемы, первично адаптированных под интенсивные активные годы репродукции: STM и скорость предиктивной обработки уходят на пониженные уровни, MTM усложняется в удержании новизны, частичная устойчивость LTM и SM сохраняют накопленные навыки; тем не менее во время биологического угасания можно все еще поддерживать уровень мышления на оптимальной линии, но нужно постоянно тренироваться и изучать что-то новое, правда, из-за постепенного и неотвратимого старения, этот процесс будет становиться сложнее и сложнее. Интеллект, существенно превосходящий популяционную норму, позволяет осознать то, что большинству существ недоступно, например: материальную бесконечность, собственную конечность, иллюзорность всех целей и

73 – Flynn. *Are We Getting Smarter? Rising IQ in the Twenty-First Century.* (2012)

социальную фальшь; и именно потому страдает, оно выходит за пределы системы выживания, и в этом смысле интеллектual это отклонение в системе, как и умственно-отсталые, по оценкам, примерно 1–3% населения мира страдает от умственной отсталости⁷⁴, или задержки развития, это составляет примерно от 75 до 225 миллионов человек, исходя из текущей численности населения мира в 8 миллиардов человек, примерно равное процентное соотношение занимают и интеллектualы. Рассмотрим интересные повседневные феномены среди других животных, которые напоминают человеческие адаптивные стратегии:

1. Слоны, например, проявляют поведенческие признаки траура, подходят к останкам умерших особей, гладят кости хоботом⁷⁵, с точки зрения КПС это способ коллективной регуляции аффекта и сохранения социальной памяти, такие действия укрепляют долговременные связи внутри группы, также укрепляют LTM архив семейных отношений и, вероятно, снижают риск распада социальной структуры после потери..
2. Дельфины проявляют склонность к играм, которые не несут пользы, но обладают смысловой нагруженностью⁷⁶, помогают раненым сородичам.

74 – Wikipedia. Intellectual disability

75 – Douglas-Hamilton, Bhalla, Wittemyer, Vollrath. Behavioural reactions of elephants towards dying and dead conspecifics. (2006)

76 – Kuczaj, Eskelinen. Why do dolphins play? (2014)

3. Вороны могут использовать инструменты, планировать поведение на будущее, играть (в том числе имитировать смерть)^{77,78}, и понимать, что знает другой ворон.
4. Животные с нарушениями развития (черепно-мозговыми травмами, врожденными дефектами или прогрессирующими заболеваниями) демонстрируют паттерны стереотипии, самоповреждение и утрату социального взаимодействия⁷⁹, скорее всего это случаи дисфункции исполнительных и регуляторных систем СМ и КПП, а также АМС.

2.1: Интеллект и агрессия

Низкий показатель IQ сам по себе не объясняет агрессии, он лишь является одним из множества факторов, которые коррелируют с повышенной вероятностью импульсивного и деструктивного поведения в социуме, к подобному состоянию приводят еще: сама окружающая среда и исполнительные программы отвечающие за выбор между быстрым импульсивным решением и долгосрочной стратегией; низкий IQ часто сопровождается ослабленными исполнительными функциями: сниженной

77 – Emery, Clayton. *The mentality of crows: Convergent evolution of intelligence in corvids and apes.* (2004)

78 – Bugnyar, Heinrich. *Ravens, Corvus corax, differentiate between knowledgeable and ignorant competitors.* (2005)

79 – Mason, Latham. *Can't stop, won't stop: Is stereotypy a reliable animal welfare indicator?* (2004)

рабочей памятью, замедленной обработкой информации и меньшей способностью к долгосрочному планированию, и это делает существо более склонным к выбору простых, быстрых стратегий; когда окружающая среда дает сигнал, что насилие и агрессия имеют быстрый доступ к ресурсам, статусу или безопасности, то КПП маркирует эти агрессивные стратегии как экономически выгодные, далее конвертируется в STM и MTM, где повторяемые успехи подкрепляют модель насилие – выгода, а затем SM это автоматизирует как поведенческий рефлекс. Из-за ослабленных исполнительных функций в виду, например: результата травмы, плацентарной недостаточности в период формирования плода, нарушения психического развития, хронического стресса или психоактивного употребления; способность тормозить импульсы падает, префронтальная регуляция уступает место более низкоуровневым реакциям (амигдала, стволовые узлы), в таком состоянии существо легче переключается на быстрые выгодные стратегии, даже если они несут долгосрочные риски, это особенно выражено в окружениях, где система вознаграждения обеспечивает немедленные подкрепления за агрессию: рост уважения в группе, доступ к добыче, быстрый доход или защита; подобные подкрепления действуют как мощные сигналы, и повторяясь они постепенно повышают приемлемость насилия. Армия, преступность, агрессивные виды спорта (бокс, ММА и подобные) предлагаются для демонстрации силы и получения статуса, в таких группах существо получает множество подтверждений понятия агрессия = социальный статус, что ускоряет конвертацию новых паттернов в долговременные слои памяти и автоматические навыки. Также важно различать инструментальную и реактивную агрессию: инструментальная агрессия это целенаправленное

применение силы для получения ресурса, она логически укладывается в экономику КПС как адаптивная стратегия в соответствующей среде; реактивная агрессия это импульсивное поведение в ответ на фрустрацию или угрозу, чаще связана с дефицитами регуляции и повышенной чувствительностью КПП к провоцирующим сигналам. Рассмотрим еще иррациональную нетерпимость, это частый и системный феномен в социумах с низким уровнем когнитивных навыков, ее объектами становятся те, кто явно или символически отличается: сексуальные меньшинства (геи, лесбиянки, биссексуалы, транс персоны и другие) инакомыслящие, интеллектуалы и прочие; для КПС это работоспособный, хотя и деструктивный алгоритм поддержания предсказуемости и репродуктивной стабильности, КПП быстро маркирует явления, угрожающие социальной однородности, как опасные, и в условиях ограниченного внимания и ослабленных исполнительных функций у животных (низкий IQ, хронический стресс, дефицит образования) эти метки ретранслируются в STM/MTM и фиксируются: повторяемые акты исключения и клеймения конвертируются в автоматические SM реакции. Мотивационная логика здесь проста, вспоминаем ложный альтруизм, в локальном времени и на уровне популяционной инерции механизм, который быстро исключает нестандартные явления, снижает неопределенность и потенциально уменьшает риск распространения неподходящих паттернов поведения, с точки зрения примитивной репродуктивной инерции это является чисткой системы, очищение вида от “аномалий” является культурной стратегией поддержания предсказуемости.

2.1.1: Анализ одного из социальных явлений

Представим ситуацию, где транс-личность подвергается оскорблению со стороны агрессивного существа, а затем оказывается защищенной случайным прохожим. На уровне мотиваций у агрессора действует сочетание простых выводов КПС: инаковость = угроза, публичное унижение укрепляет статус в локальной группе, быстрая агрессия дает возможность продемонстрировать доминирование и получить немедленное подкрепление; при этом эмоциональные ограничения в виде стыда или сочувствия для агрессора часто минимальны, поэтому КПП маркирует угрозу как приемлемую. Прохожий, который предотвращает насильственный акт, “опускает” агрессора и затем проверяет самочувствие транс-персоны, действует по другой конфигурации КПС, его фильтры и модели приоритетов иначе калиброваны: либо он обладает более широкими семантическими сетями, где уважение к автономии других встроено в LTM как социальный стабилизатор, либо его КПП считывает вмешательство как выгода для статуса и системы (альтруизм), либо он просто чувствует эмпатию, подкрепленную быстрой когнитивной обработкой, позволяющей ему проинтерпретировать ситуацию и предвидеть долгосрочные социальные последствия пассивного наблюдения; реакция транс-личности на подобное событие выражается в: усилении КПП, росте соматического напряжения, возможного закрепления травматического следа в MTM/LTM и риск АМС при систематическом повторении оскорблений и/или нападений; простая проверка вопросом: “все ли в порядке?” со стороны прохожего снижает интенсивность угрозы и действует как быстрый сигнал безопасности, который КПП прочитает как

присутствие социальной поддержки, что позволит частично снизить тревогу и начать процесс нормализации переживания. Если подобная агрессия редкий случай, а вмешательства частый, то это закрепляется обществом в правило “агрессия по признаку инаковости неприемлема” и служит в SM рефлекторным набором действий: вмешаться, вызвать помощь, поддержать; так создается обратная связь для агрессии, КПП начинает маркировать подобные агрессивные акты как рискованные для репутации и выживания, их вознаграждаемость падает, и агрессоры получают меньше подкрепления. Но разберем еще одну сторону, где вмешательство рискованно: если прохожий слаб или если агрессор окружен поддержкой, попытка “опустить” может произойти иначе, переводя ситуацию в физическое насилие, что усилит угрозу как для транс-личности, так и для вмешивающегося, КПС в этом случае переключается в рефлекс выживания, при росте физического риска первичен расчет вероятности успеха и личной безопасности, и многие прохожие предпочитают дистанцироваться, к тому же одиночный акт вмешательства без культурной поддержки (полиции, свидетелей, общественных норм) остается локальной “аномалией” и мало влияет на системный баланс, если не повторяется достаточно часто. Когда правила и институты (закон, медиа, образование) дают последовательные сигналы о неприемлемости дискриминации и обеспечивают практические механизмы защиты, индивидуальные и коллективные акты поддержки получают более высокий эффект, и служат знаками коррекции, усиливая новую норму в LTM общества.

2.2: Интеллектуалы и отказ от власти

Исторически прослеживается устойчивая корреляция между глубиной абстрактного мышления и невовлеченностью к жажде власти, чем выше уровень когнитивных способностей, тем реже подобные существа стремятся к доминированию, это связано, прежде всего, с их осознанием фундаментальной иллюзии власти как инструмента контроля в пределах конечного и бессмысленного существования, и с особенностями развития: высокий интеллект предполагает способность к глубокому анализу, легко выстраиваются логические цепочки причин и следствий, выходящих за рамки локальных, краткосрочных выгод; подобное существо способно рассматривать жизнь как целое, включая в особенное внимание ее конец, и потому не стремится к доминированию в рамках локальных конструкций, которых оно считает иллюзорными, в отличие от тех, кто вовлечен в цикл утверждения себя через власть и иерархическое признание. Следствием такого понимания у многих интеллектуалов становятся: апатия к карьере и сопровождается безразличием к социальным структурам, капиталу и славе; но это не значит, что власть и интеллект несовместимы, они иногда пересекаются, однако только при определенных моментах, либо интеллект оказывается инструментализирован системой, либо он вынужден адаптироваться к условиям, при которых компромисс с истиной становится единственным методом для выживания. Исторические примеры от Сократа до Шопенгауэра, которые демонстрировали полное безразличие к власти: Сократ сознательно отказался от бегства и принял смерть, не желая

участвовать в государственном механизме, которым он не мог управлять без предательства собственных идей⁸⁰, Шопенгауэр же прямо презирал любую форму власти, считая ее низшей ступенью в борьбе бессознательных волей⁸¹, Айнштейн после участия в создании атомной бомбы, отстранился от военных и политических процессов, открыто заявив, что политическая власть коррумпирует сознание, особенно в мире, где границы между выживанием и разрушением стерты⁸², Руссо несмотря на признание, отказался от политических ролей, считая, что истинное понимание мира несовместимо с участием в его управлении⁸³; в животном мире подобные случаи встречаются значительно реже по понятным причинам, но можно найти аналоги, например, среди социальных приматов (шимпанзе, павианы) есть особи, демонстрирующие уровень “рефлексивного” поведения, они могут не стремиться к лидерству, даже имея для этого физические и когнитивные ресурсы, такие особи часто становятся посредниками конфликтов, то есть мудрецами внутри стаи⁸⁴, их поведение редко направлено на власть, скорее, на стабильность или наблюдение.

80 – Plato. *Apology of Socrates*. (399 BCE)

81 – Schopenhauer. *The World as Will and Representation*. (1818)

82 – Isaacson. *Einstein: His Life and Universe*. (2007)

83 – Rousseau. *The Social Contract*. (1762)

84 – de Waal. *Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. (1982)

2.2.1: Интеллект и репродуктивная культура

Если в предыдущем пункте утверждалось, что интеллектуалы не стремятся к власти из-за осознания ее бессмысленности, то теперь рассмотрим обратную сторону, как сама система, организованная вокруг репродуктивной инерции, отторгает интеллектуалов, даже если те потенциально могли бы изменить или улучшить ее. Общество это аппарат предсказуемости, оно организует поведение членов так, чтобы минимизировать риски выживания и воспроизведения, и по своей природе враждебна к иному мышлению, которое противоречит экзистенциальности, система ориентирована не на истину, а на функциональность, на способность животного участвовать в воспроизводстве и поддержании стабильности популяции, поэтому любое существо, мыслящее вне локального контекста, вне сиюминутной выгоды и воспроизводства, оказывается неприспособленным к системной интеграции, оно либо маргинализируется, либо используется как инструмент, после чего отторгается, в итоге оно проходит три стадии нейтрализации:

1. Первая это фетишизация, система сначала брендует интеллектуала как символ: ученый, мыслитель, гений; это полезно, потому что символы работают как быстрые метки доверия; КПП маркирует фигуру как интересную/безопасную на короткий срок, фетишизация дает интеллектуалу ресурсы (статус, средства), но уже тут начинается

инструментализация, его образ ценится больше, чем его мысль, STM/MTM воспринимают символ быстрее, чем сложные идеи; поэтому символ закрепляется в LTM масс как ярлык, отдельно от содержания.

2. Вторая это редукция, идеи интеллектуала ломают сложные модели на простые маркеры, подгоняют под алгоритмы вознаграждения культуры: реклама, политические лозунги и популярная педагогика вытесняют аргументацию; КПП у массы принимает упрощенную версию как безопасную, потому что она легко вписывается в уже имеющиеся SM и ритуалы, материальные и медийные институты адаптируют и изменяют мысль так, чтобы она приносила статус и прибыль.
3. Третья это изоляция, если интеллектуал отказывается от упрощения или начинает открыто конфликтовать с механизмами репродуктивной стабильности, подрывает: привычные нарративы семьи, иерархии, права и прочего; то КПП общества переводит его в категорию риска и его социальный статус падает, культуры маркирует его как сумасшедшего.

Интеллектуалы часто дестабилизируют РИН механизмы, ведь их осознанность подрывает внутреннюю необходимость участия в этих процессах: они чаще отклоняются от брака и деторождения, избегают традиционной карьеры, игнорируют социальные нормы, имеют пониженный

интерес к иерархическому признанию^{85, 86, 87, 88}; система бессознательно реагирует отторжением, зачастую интеллектуалы не становятся кумирами масс, не попадают в управление, их идеи оседают в узких кругах, а не в массовом сознании, даже при жизни их нередко считают странными и ненормальными, а после смерти, когда их идеи больше не могут подорвать систему напрямую, они канонизируются, но в усеченной форме, например, Тесла, живший в одиночестве, отказавшийся от брака, в итоге умер в бедности и изоляции, несмотря на величайшие технологические прорывы⁸⁹, или Витгенштейн, философ, живший как отшельник, отказавшийся от наследства, отвергнувший преподавательские и социальные роли⁹⁰. В животной среде, например, среди воронов, обладающих развитым интеллектом, есть наблюдения об особях, которые не участвуют в иерархических играх за пищу или статус, предпочитая обособленное поведение и самостоятельные стратегии добычи⁹¹.

85 – Kanazawa. *Why Intelligent People Tend to Be Non-Religious and Have Fewer Children*. (2010)

86 – Simonton. *Scientific Genius: A Psychology of Science*. (1988)

87 – Csikszentmihalyi. *Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention*. (1996)

88 – Winner. *Gifted Children: Myths and Realities*. (1996)

89 – Cheney. *Tesla: Man Out of Time*. (1981)

90 – Wittgenstein. *The Duty of Genius*. (1990)

91 – Emery, Clayton. *The mentality of crows: Convergent evolution of intelligence in corvids and apes*. (2004)

2.3: Интеллект, образованность и гениальность: различие понятий и их биологическая обусловленность

Одной из часто встречающихся ошибок в массовой культуре, особенно в тех социумах, где знание сравнивается с успехом, является подмена понятий интеллекта, образованности и гениальности, люди используют подобные термины для одного описания ума, и это приводит к ложным критериям оценки человеческой способности к мышлению и, как следствие, к ошибочной социальной иерархии, данный пункт вводит разделение на три независимые категории:

1. Интеллектуал это существо обладающее: высокой нейронной плотностью, быстрой когнитивной обработкой информации и способностью к длинным логическим конструкциям, глубокому абстрактному мышлению, системному анализу; интеллектуал может не иметь формального образования, не проявлять интереса к академическим структурам, быть социально отчужденным или неадаптированным, при этом он способен понять, осмыслить и критически проанализировать многие идеи недоступные большинству, его мышление не вытекает из зазубренной информации, а формируется на основании внутренних когнитивных ресурсов, этот тип встречается реже всего, поскольку уровень IQ для большинства это результат предсказуемых биологических комбинаций⁹², а в случае

92 – Haier. *The Neuroscience of Intelligence*. (2016)

интеллектуалов редкая аномалия.

2. Образованное существо это субъект с большим объемом запомненной информации, образованность это социальная функция, связанная с обучением, повторением и запоминанием, оно может успешно сдавать экзамены, оперировать терминами и теориями, обладать дипломами и медалями, однако часто его знания лишены глубинной критической обработки, оно действует в рамках усвоенных шаблонов, не подвергая их сомнению, оно может быть удобным работником, эффективным исполнителем, но не создателем новых смыслов и открытий, его интеллектуальный диапазон ограничен рамками усвоенных знаний, а когнитивные усилия чаще направлены на воспроизведение, а не на понимание⁹³.
3. Гений это существо, что в совокупности обладает и высоким IQ, и значительной образованностью, это наиболее редкий и наиболее потенциально опасный для системы тип, оно сочетает врожденную способность к глубокому мышлению, созданию нового и искусственно приобретенную обширную информационную базу, гений способен использовать знания осмысленно, переосмыслять, реконструировать и применять их вне контекста шаблона, оно и знает, и понимает, и, главное, способно разрушать устоявшиеся конструкции, что делает его структурно несистемным и опасным для репродуктивной инерции.

93 – Illich. *Deschooling Society*. (1971)

Из вышесказанного можно утверждать, что образованным может стать почти любое животное, вне зависимости от глубины мышления, если оно поддается обучению и способно к запоминанию, а интеллектуалом или гением уже далеко не каждое, поскольку это связано с биологической уникальностью. Современные системы образования, как правило, ориентированы на выращивание образованных исполнителей, а не на выявление и развитие интеллектуалов, интеллектуалы часто выпадают из системы обучения, именно потому, что та не приспособлена к их способу мышления.

2.3.1: Системное поощрение образованных и вытеснение интеллектуалов

Социальные и культурные структуры целенаправленно выстраивают иерархию в которой доминируют образованные существа, но не интеллектуальные, это не случайный процесс, а следствие глубинной подсознательной логики, интеллектуалы потенциально дестабилизируют порядок, а образованные укрепляют его, образованный человек носитель устойчивости, системе необходим контролируемый носитель знания: существо способное выполнять функции, поддерживать идеологические конструкции, передавать информацию дальше без изменений; такое животное не склонно к подрыву основ, оно не задает лишних вопросов, не

ищет глубинных объяснений, не стремится выйти за рамки существующих норм, оно опора социального порядка, и именно поэтому система поощряет его карьерный рост, открывает ему доступ к образовательным структурам, оформляет его знание в виде дипломов и званий, что формирует иллюзию элитности, которая вовсе не связана с реальным мышлением, но напрямую зависит от степени включенности в институциональные механизмы. Система разработала тонкие механизмы фильтрации, действующие с раннего возраста, школа поощряет заучивание и послушание, но наказывает за лишние вопросы, университеты требуют соответствия программе, а не оригинального мышления, рабочие места также вознаграждают дисциплину, вся жизнь сводится к тому, что вы мясная машина с одной обязанностью следовать за толпой. Существо стремящееся понять и изменить смысл, быстро сталкивается с барьерами и вытеснением, его начинают воспринимать как проблемного и трудного для сотрудничества, система подсознательно защищает свое воспроизводство, она не нуждается в разрушителях, она нуждается именно в тех, кто будет поддерживать бессмысленность как смысл, и делать это добровольно, а интеллектual часто становится нерепродуктивным животным в биологическом смысле, чем выше уровень интеллекта существа, тем сложнее ему принимать навязанные культурой конструкции как значимые, это связано с тем, что высокий интеллект быстрее разрушает хрупкую структуру ложных смыслов, вскрывая самообман многих культурных конструкций: религий, идеологий, национальных идей, патриотизма, успеха, карьеры, семьи; все это базируется на иллюзии, что за внешней формой стоит нечто универсально значимое, но с точки зрения нестандартного разума, способного к сомнению, все эти конструкции являются лишь стабилизаторами, созданными для управления

массовым поведением. Такие выводы сопровождаются страданием, экзистенциальным кризисом (или даже возможным ЭПС) от ощущения абсурдности жизни и бессмысленности социальных структур, интеллект, вместо того, чтобы служить усилению адаптации, в определенной точке становится разрушительным, существо с высоким IQ, не нашедшее ни в одной культурной норме внутреннего оправдания, может отказаться от работы, семьи, даже коммуникации; что является признаками АМС, это результат саморазрушающейся биологической машины, существо оказывается не только неспособно принять искусственные конструкции как значимые, но и часто лишено возможности полноценно взаимодействовать с обществом, именно способность к глубокому мышлению и рефлексии делает его уязвимым к отчуждению, чем выше способность животного к смысловым нагрузкам, тем более оно отдаляется от так называемого стандартного уровня иллюзий, в которых состоят большинство членов общества, это проявляется в невозможности поддерживать светские беседы/разговор не о чем (small talk), ощущении одиночества, разочаровании в социальной лестнице, повышенной чувствительности к бессмысленности и бесконечности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВЫ II

Вторая глава показывает, что культурная иллюзия это следствие механизмов константного подсознания, созданная для сохранения мотивационной целостности системы: язык, ритуалы, институты и медиа являются инструментами маркировки и фильтрации содержаний через КПП; они превращают угрожающее существованию знание о конечности и абсурде в управляемые символические формы, стабилизируя STM, MTM, LTM и формируя автоматизмы SM, которые делают повседневность предсказуемой и воспроизводимой. Государство утверждает общие мифы и гарантирует порядок, семья внедряет базовые смысловые схемы и роли, а школа стандартизирует способы восприятия и мышления, вместе они создают структуру, которая снижает вероятность запуска ЭПС и АМС. Религия выполняют ключевую функцию, она подменяет понятие смерти и создает иллюзию ее управляемости, что резко уменьшает нагрузку на существо, также рассмотрели напряжение между вариативностью интеллекта и репродуктивной инерцией, где высокий интеллект создает содержание, способное вызвать угрозу системной стабильности для общества. Современные технологии ускоряют и упрощают закрепления символов, так внимание смещает ценности в сторону скорости, снижая функции для глубокой рефлексии, так вторая глава демонстрирует, что культурная реальность это эволюционно и психически оправданный набор символов и институтов, сконструированный для удержания жизни в условиях

безнадежного мира, культура защищает КПС, и наоборот: переводит угрозу смысла в управляемые символические формы, нормирует поведение и сглаживает опасные идеи в безопасные; цена этой защиты: сужение пространства для рефлексии и для уже существующих интеллектуалов, которые могли бы осовременить или трансформировать систему, не разрушив при этом ее жизнеспособность.

ГЛАВА III

Паннихилизм, большой взрыв, время и двойная смерть.

Обзор главы

Эта глава показывает, как идея абсолютного ничто (глобального времени) превращается в рабочую модель, объясняющую происхождение вселенной и субъектов в ней, времени и смысла как локальных, метастабильных асимметрий, показываются формально-информационные критерии для того, что мы называем “существованием”, объясняется происхождение локальных миров (включая большой взрыв) как временные нарушения симметрии в глобальном нуле. Основная идея проста и радикальна, мир не первичен, он возникает как метастабильная асимметрия внутри абсолютного ничто, и его бытийный статус определяется строго эмпирическими условиями закрепления корреляций и памяти. Выводятся понятия “первой смерти” и “второй смерти”. Также определяется суперпозиция “бытия” локальной асимметрии “внутри” абсолютного ничто. Физика, биология, психология остаются внутри локальной асимметрии инструментами закрепления корреляций, паннихилизм не отрицает их прагматическую эффективность, но отрицая глобальную онтологическую автономию мира, смещает критерии от “истинности в абсолюте” к “способности описывать механизмы закрепления и реконструкции следов”. Паннихилизм переворачивает

привычное моральное понимание, если бытие локально и условно, категорические апелляции к вечной ценности теряют онтологическую опору, обсуждается, как это влияет на вопросы ответственности, “передачи опыта” и политических практик. Еще рассматривается гипотетическое “сверхсущество”, которое может управлять КПС.

Автор

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

1: Фундаментальность паннихилизма

Аксиома паннихилизма: *в происхождении всего лежит глобальное время (абсолютное ничто – строгий онтологический нуль, полное отсутствие предикатов, изменений, отношений и потенциалов), а всякое иллюзорное “бытие” (локальное время) есть лишь метастабильная асимметрия абсолютного ничто.*

Фундаментальность паннихилизма заключается в радикальной позиции, утверждающей, что в основании всего лежит глобальное время (абсолютное ничто), под абсолютным ничто понимается не апофатическая метафора (богословская конструкция) или квантовый вакуум, а строгий логический нуль, то есть состояние, лишенное любых: предикатов, изменений, отношений и потенциалов; ничто, которое не изменяется, не развивается, не порождает и не принимает ничего в своем составе, то есть абсолютное. С позиции абсолютного ничто, локальность не получает истинной онтологической самостоятельности, то, что выглядит как “рождение”, “существование” и “смерть” не добавляют ничего к глобальному нулю, поэтому в строгом смысле сразу мертво и никаких онтологических последствий не возникает, “рождение” с последующим “существованием” равняется первой “смерти” в абсолютном ничто (“формирование” локальной асимметрии), а конец “существования” равняется второй “смерти” в абсолютном ничто (“переход” асимметрии в начальное состояние симметрии). Паннихилистская аксиома утверждает, что локальные

конфигурации не получают онтологической автономии перед абсолютным ничто: они мертвы с момента своего “появления” в глобальном времени, когда говорится о поддержке жизни (продлении локальной иллюзии), то не имеется в виду придание этим конфигурациям онтологической реальности: любые вмешательства не меняют факт их нулевого статуса; речь идет исключительно о феноменологическом и инструментальном уровнях, о том, как “долго” и в каком “качестве” переживание будет “происходить” внутри самой иллюзии, пока она сохраняет структурную организацию (КПС, память, социальные институты, звезды, материю и прочее), такие вмешательства влияют на опыт и на причинные последствия внутри локальности, но не на ее абсолютное ничто. Из этого утверждения естественно следует радикальное переосмысление того, что привычно называется: бытие, субъект, мир и память; все они оказываются не первичными онтологическими единицами, “временными” асимметриями внутри неизменяемого глобального времени (абсолютного ничто), эпизодами локальной временной структуры, у которой нет вечной опоры. “Рождение” вселенной, в том числе живого существа это локальная иллюзия параметров, которую мы “переживаем” как начало времени, последовательность восприятий и становление “я”, но с точки зрения глобального времени этого никогда не происходило и не существовало, это лишь эпизод асимметрической иллюзии абсолютного ничто, не добавляющая ничего к глобальному фону и не меняющая его состояния, потому что конец вселенной или смерть существа не есть переход в новое состояние фона, а “возврат” локальной иллюзии к ее исходному абсолютному ничто: то, что “было”, аннулируется вместе с иллюзией, ибо иллюзия, делающее утверждение о “было”, это факт памяти и свидетельств самой иллюзии и

исчезает вместе с иллюзией, соответственно никогда не существовало. Пусть

N это константа, обозначающая абсолютное ничто, предикат $Content(P)$

означает: P это свойства, отношения, возможности, то есть утверждения о

каких-то “реальных” или описательных качествах, например: “обладает

памятью(x)”, “живет(x)”, “имеет причинные связи(x)” и прочее.

$$\forall P (Content(P) \rightarrow \neg P(N))$$

формула утверждает, что никакое содержательное свойство не истинно о N ,

логические тавтологии и служебные формулы (например $x = x$) в эту

квантификацию не входят. Теперь определим локальную асимметрию

(локальное время) как структуру A с набором материальных корреляций и

каналов $\Sigma_A(t)$ и с функцией памяти $M_A(t)$, где при каждом t $\Sigma_A(t)$ это мера

устойчивости корреляций (числовая характеристика), а $M_A(t)$ это

объем/качество закрепления информации (также числовая характеристика):

$$A = (\Sigma_A, M_A)$$

Условие локального “существования” задается порогами $\theta, \mu > 0$, если

$E_A(t) = 1$, то в момент t структура A проявляет феноменологическое

“существование”, у нее есть внутренняя шкала времени, память и

причинность, а если $E_A(t) = 0$, то такая феноменология отсутствует:

$$E_A(t) := (\Sigma_A(t) \geq \theta) \wedge (M_A(t) \geq \mu)$$

Глобальный онтологический статус любой локальной асимметрии всегда нулевой:

$$O_{global}(A) = 0$$

Локальный (феноменологический) статус в момент t определяется функцией $E_A(t)$. Глобально A ноль, локально “существует” тогда и только тогда, когда выполняются условия устойчивости корреляций и памяти.

$$O_{local}(A, t) = E_A(t) \in \{0, 1\}$$

Рождение, то есть “первая смерть” это момент t_{birth} , рассматриваемый аксиологически, рождение означает появление локальной феноменологии, которая при взгляде с абсолютного ничто не имеет онтологической автономии.

$$t_{birth}(A) = \inf\{t | E_A(t) = 1\}$$

$$t_{death}(A) = \inf\{t > t_{birth}(A) | E_A(t) = 0\}$$

Определим состояние локальной “жизни” как вектор-суперпозицию двух компонентов: $|local\rangle$ и $|null\rangle$. Пусть $a_A(t)$ это амплитудно подобная функция, отражающая степень локальной метастабильности ($0 \leq a_A(t) \leq 1$), тогда:

$$Life_A(t) \equiv a_A(t)|local\rangle + (1 - a_A(t))|null\rangle$$

и связь с порогом:

$$E_A(t) = 1 \Leftrightarrow a_A(t) \geq a^*$$

для некоторого порога a^* (например, соответствующего θ, μ). При $a_A(t) \rightarrow 0$ суперпозиция “коллапсирует” в $|null\rangle$ это момент онтологической “смерти” локальной иллюзии. Рассмотрим теперь смерть организма = смерть его мира, если S это субъект, и W_S это локальная вселенная (все корреляции/репрезентации, на которые он опирается), то:

$$E_{W_S}(t_{death}(S)) = 0 \Rightarrow \forall P \in W_S O_{local}(P, t_{death}) = 0$$

то есть при “смерти” субъекта теряют обоснование все локальные асимметрии, соотнесенные с его миром, получается для этого субъекта мир “умер”. Наличие внешних следов R (записей, свидетелей), принадлежащих другим локальным асимметриям A' , не меняет глобального статуса

$O_{global}(A) = 0$, но имеет эпистемологическое значение, другие иллюзии

могут утверждать факт существования A до его смерти на основании своих R :

$$(R \subseteq \bigcup_{A' \neq A} \Sigma_{A'}(t) \wedge R = \emptyset \wedge \exists A'(R \cap \Sigma_{A'}(t))) \Rightarrow \exists A'(E_{A'}(t) \wedge reconstruct_{A'}(A))$$

это реконструкция в других иллюзиях, не восстановление онтологической автономии A . Теперь компактная формула, которая сводит вместе аксиому и условие локального “существования”:

$$(\forall P (Content(P) \rightarrow \neg P(N))) \wedge \forall A ((\Sigma_A(t) \geq \theta \wedge M_A(t) \geq \mu) \Leftrightarrow O_{local}(A, t) = 1) \wedge \forall A O_{global}(A) = 0$$

Паннихилизм фундаментален потому, что он не очередная теория внутри локальной иллюзии описывающая ее механизмы, а теория самого факта “существования” вселенной как локальной асимметрии в абсолютном глобальном ничто. Из аксиомы паннихилизма проводится ряд взаимосвязанных следствий, они разъясняют философскую позицию паннихилизма и перестраивают рамку, в которой могут формироваться и оцениваться все мировые теории (физика, биология, психология, социология, религиоведение и другие):

1. Вопрос с “что существует?” преобразуется в “при каких условиях нам вообще имеет смысл говорить, что что-то существует?”. Если глобальное время это абсолютное ничто, то любое “что-то” в локальном времени (“существование”), не истинная реальность, а локальная иллюзия, поэтому само по себе “появилось X” ничего глобально не меняет, и чтобы заявить, что что-то “реально” (X “существовал”), нужны практические условия: память (хранится ли след о X?), доказательства (есть ли материальные или коллективные свидетельства?), коммуникация (могут ли другие подтвердить или использовать знание о X?), стабильность структуры (держится ли ситуация достаточно долго, чтобы стать “фактом?”); так паннихилизм задает критерии допустимости любых утверждений о “существовании” в рамках локальной иллюзии.
2. Память это необходимое условие “быть”. Без памяти и без зафиксированных свидетельств локальное явление не может претендовать на утвердительный статус “было”: хранение, архивация и

коллективное фиксирование становятся ключевыми процедурами констатации локального “факта”; для мировых теорий это означает, что фактологическая база любой науки это процедура “закрепления” внутри локальной асимметрии.

3. Имманентная репрезентационная причинность. Абсолютное ничто исключает внешнюю метафизическую каузацию, причинность внутри локальности это свойство последовательной активации репрезентаций и паттернов: нейрональных, семиотических, институциональных; для физических и биологических теорий это значит: законы и причинные модели работают как инструменты описания паттернов внутри локальной иллюзии, а не как универсальные отношения “существующие сами по себе” отдельно от иллюзии.
4. Модель КПС и его инструментов: КПП, сознание, РИН, слои памяти STM/MTM/LTM/SM/GM, ЭБЛ, ЭПС, АМС; четко дают понять, как и почему существо “думает” и “действует” в локальной иллюзии, а также почему локальная асимметрия кажется реальной и устойчивой. Это база показывает как именно “возникает” все, что называется “миром”, “жизнью” и “сознанием”, как чистый механизм нарушения симметрии в абсолютном ничто, которое “создает” локальную иллюзию бытия. Физика, биология, психология, культура не объясняют реальность как нечто внешнее и объективное, а описывают способы, с помощью которых иллюзия “удерживает” саму себя, примеры: физика описывает законы, по которым эта локальная асимметрия “проявляется” как

материя, энергия, пространство и время, то есть механизмы самоподдержания иллюзии; биология описывает, как эта же асимметрия “уплотняется” в формы жизни, чьи программы (например, репродуктивная инерция) работают на продолжение самой локальной структуры; психология и культура описывают, как КПС создает внутренние модели смысла, чтобы стабилизировать иллюзию изнутри, то есть, чтобы существо не осознало, что оно абсолютное ничто.

5. “Если локальность это временная асимметрия, то универалистские утверждения теряют основания”. Все так, все теории объявляются условными и локальными, их истинность инструментальная, а не абсолютная, вместо “истин о мире” мы имеем “эффективные инструкции” локальной иллюзии.
6. Поскольку все дисциплины действуют внутри одной и той же аксиомы, паннихилизм предлагает способ унификации, но не через редукцию, где все сводится к одной программе, а через общую методологию, как анализ механизмов возникновения и стабильности асимметрий. Это делает паннихилизм “фундаментальной основой”, потому что задает единую процедуру оценки и интерпретации результатов всех частных теорий.
7. “Паннихилизм как аксиома дает только внутреннюю верификацию, но лишает себя публичной фальсификации, проверка смертью остается личной”. Дело в том что, паннихилизм не конкурирует с эмпирическими теориями в плане верификации, но ставит им рамки,

это значит, что фундаментальность паннихилизма методологическая и диагностическая.

Еще паннихилизм фундаментален потому, что он не просто отрицает “существование” всех локальных переживаний, а показывает, что если мы хотим понять природу субъективности, морали, культуры и институтов, нам нужно смотреть на эти феномены как на инструменты КПС, созданные для того, чтобы поддерживать локальную асимметрию в условиях глобального абсолютного ничто, что сдвигает задачу философии и науки от поисков “истины” в метафизическом смысле к инженерии устойчивости: какие ритуалы, институты, практики и технологии удерживают память, уменьшают вероятность пробоев КПП, стабилизируют РИН и тем самым “продлевают” срок локальной конфигурации; религия, государство, семья, школа и искусство, в данной перспективе, это культурные адаптивные механизмы для минимизации шока от осознания глобального времени и для обеспечения воспроизводства вида, и психической устойчивости, паннихилизм заставляет оценивать их по эффективной функции: насколько они снижают страдание, продлевают устойчивость локальности и уменьшают риск запуска АМС. Принятие паннихилистской аксиомы не означает автоматического ухода в апатию, а напротив, осознание абсолютного ничто и локальной иллюзии придает дополнительную ответственность относительно способов, которыми мы строим временный смысл; задача в том, чтобы научиться конструировать надежные, прозрачные и гуманные механизмы поддержки переживания до тех пор, пока локальная асимметрия “существует”, и понимать, что в конечном счете все эти усилия “происходят” внутри локальной иллюзии абсолютного ничто и не имеют никакого смысла.

1.1: Суперпозиция локальной асимметрии

В паннихилизме “вселенная” “констатируется” из набора относительных отношений, корреляций и следов, которые “существуют” внутри конкретной локальной асимметрии абсолютного ничто, у каждого субъекта или устойчивой системы, способной хранить и обрабатывать информацию, “формируется” собственная внутренняя шкала времени, своя сеть смыслов и причинно-следственных структур, это и есть его локальное время внутри локальной асимметрии глобального ничто. Для такого субъекта “вселенная” в первую очередь то, что он воспринимает, помнит и к чему привязан, то есть его причинные связи и смысловые конструкции, поэтому в рамках аксиомы паннихилизма смерть субъекта “аннулирует” все те асимметрии, которые этот субъект “создал” и “удерживал”, и для него это эквивалентно “смерти” всего мира и симметрией с абсолютным ничто. Внешние следы (записи, артефакты, свидетельства остальных) могут “сохраняться” в других локальных субъектах и позволять реконструкцию “факта” со стороны, но они не возрождают исходное локальное время “умершего” субъекта. Жизнь это не реальный и однозначный онтологический факт, а “состояние” метастабильной асимметрии, которое одновременно “обладает” двумя качествами: локальность – биологические процессы, переживания, память и причинность, субъект “ощущает” жизнь; глобальность – с точки зрения абсолютного ничто локальность не имеет перечисляемого онтологического веса, поэтому она иллюзия не меняющая абсолютное ничто; это лучше всего обозначается термином суперпозиции: до тех пор, пока локальная асимметрия “существует”, она “держит в себе” и локальное состояние бытия

и глобальную нулевую абсолютность, поэтому живо и мертво одновременно. “Если остались записи, следы, свидетели это значит мир как-то продолжается”; с точки зрения классической эпистемологии да, физические следы (тело, записи, биографические данные) позволяют другим субъектам реконструировать факт “существования” умершего, они дают повод для исторического утверждения, что этот субъект “существовал”, но с точки зрения аксиомы паннихилизма эти следы сами по себе локальные асимметрии, привязанные к другим локальным асимметриям, никакого “накопления бытия” не происходит, следы это сами локальные структуры, которые рано или поздно тоже “умрут” в абсолютном ничто. Из этой схемы формируется печальная, но логичная картина, миры “рождаются” и “умирают” постоянно, каждое “рождение” локальной асимметрии дает новый мир, каждая ее “смерть” “уничтожает” этот мир навсегда, число локальных асимметрий никак не влияет на глобальное абсолютное ничто, поскольку они “формируются” и “исчезают” только локально, а глобальное ничто остается тем же, следовательно никакой локальной асимметрии никогда не существовало и не будет существовать в абсолютном ничто. Ранее я показал суперпозицию в формуле аксиомы паннихилизма:

$$Life_A(t) \equiv a_A(t)|local\rangle + (1 - a_A(t))|null\rangle$$

$$E_A(t) = 1 \Leftrightarrow a_A(t) \geq a^*$$

Дело в том, что в квантовой механике суперпозиция Ψ это амплитуда вероятности нахождения системы в том или ином состоянии, ее модуль в квадрате дает вероятность, а в паннихилизме суперпозиция это не статистическая вероятность существования, а иллюзорная метастабильность

бытия, временное “существование” локального времени внутри абсолютного ничто, то есть Ψ здесь не описывает вероятность существования, а интенсивность иллюзии, или условную “амплитуду локального бытия”, которая всегда стремится к нулю в глобальной перспективе, если принять это уточнение, то символ Ψ уместен, но его следует понимать как $\Psi(A, t) =$ “функция иллюзорной плотности существования субъекта A в момент времени t ”, тогда суперпозицию локальной асимметрии и глобального ничто можно выразить так:

$$\Psi_A(t) = \alpha_A(t)|local\rangle + \beta_A(t)|null\rangle$$

где $|local\rangle$ это состояние локальной иллюзии, $|null\rangle$ это состояние абсолютного ничто, а коэффициенты $\alpha_A(t)$ и $\beta_A(t)$ удовлетворяют условие нормировки $|\alpha_A(t)|^2 + |\beta_A(t)|^2 = 1$. В отличие от квантовой механики здесь нормировка не выражает физическую вероятность, а логическую непротиворечивость локальной иллюзии, если локальное состояние максимально выражено ($|a| \rightarrow 1$), то субъект “чувствует себя живым”, если оно “исчезает” ($|a| \rightarrow 0$), то иллюзия “аннулируется” и “возвращается” к абсолютному ничто. Обозначим состояние жизни как суперпозицию Ψ :

$$\Psi_{life} = \alpha|local\rangle + \beta|null\rangle$$

Тогда смерть это не “переход”, а коллапс волновой функции в состояние $|null\rangle$, при котором “исчезает” не только наблюдатель, но и сам факт наблюдения.

$$\Psi_{life} \rightarrow |null\rangle$$

В паннихилизме данный коллапс не является событием, потому что в глобальном ничто ничего не происходит, коллапс это действие локальной иллюзии, последняя попытка описания исчезающего наблюдения самим собой, здесь Ψ не физическая волна, а онтологическая функция ничто, “временно имитирующая” структуру бытия, она “существует” не в пространстве и не во времени, а внутри логического отклонения от нуля, теперь короткая формула:

$$\forall A : \Psi_A(t) = \alpha_A(t)|local\rangle + \beta_A(t)|null\rangle$$

$$|\alpha|^2 + |\beta|^2 = 1$$

$$\text{и при } t \rightarrow \infty : \Psi_A \rightarrow |null\rangle$$

1.2: Большой взрыв это локальная асимметрия

Большой взрыв, тот самый момент, когда в пределах основной локальной иллюзии асимметрии “возник” набор параметров и корреляций, достаточно устойчивых, чтобы внутри них “появилась” внутренняя шкала “до” и “после”, причинная связность и возможность накопления следов, то есть переход внутри самой локальной структуры, там, где до этого не было различий,

“возникли” нелинейности, связи и ограничивающие условия, которые позволили этой области “функционировать” как замкнутый мир с собственной динамикой. Это означает, что в некоторой локальной области “появились” устойчивые корреляции между субкомпонентами, которые можно регистрировать, передавать и накапливать, также “появилась” возможность линейной последовательности состояний, каждое из которых соотносится с предыдущим и может оставить след, именно наличие таких следов и делает внутри этой области возможной историю, так как пока корреляции “сохраняются” и “воспроизводятся”, внутри конфигурации есть “прошлое”, “настоящее” и “будущее”. Феномены, которые в космологической терминологии называют: распределение материи и реликтовое излучение; с точки зрения паннихилизма это внешние проявления того, что локальная асимметрия установила себе механизмы закрепления информации, данные физические следы равняются материальной стороне памяти локальной иллюзии. В момент большого взрыва внутри паттерна “произошло” то, что можно назвать селекцией параметров: набор ограничений, условий и правил задающих направленность эволюции; после такой селекции последовательность состояний демонстрирует устойчивые закономерности, и это позволяет ввести описание: физики, термодинамики, механики и прочего; законы, которые они выводят, не являются универсальными, а описывают режим работы конкретной асимметрии после ее “возникновения”. Направленность течения времени (от прошлого к будущему) объясняется тем, что начальная конфигурация асимметрии задает очень низкоэнтропийное состояние относительно множества возможных микросостояний локальной иллюзии, поскольку внутри этой области есть путь релаксации к более вероятным, более энтропийным состояниям,

изменения приобретают направленность, из упорядоченного состояния система движется к менее упорядоченному, и в этом движении “рождается” доступная внутренним наблюдателям последовательность до и после. Данный внутренний энтропийный перепад и дает эффект направленности времени, именно он превращает набор взаимосвязей в историю, а события в следы, которыми пользуются более высокоорганизованные уровни, сначала физические структуры, затем биологические механизмы, затем сознание и культура. До того момента, когда внутри паттерна “устанавливаются” устойчивые корреляции, множество возможных последовательностей остаются неразличимыми, но как только условия “меняются” и паттерн “фиксируется”, из множества потенциальных траекторий выделяется одна внутренняя, классическая история, то есть жизнь и вселенная внутри локальной асимметрии это процесс выделения и стабилизации одной траектории из множества потенциальностей, определенные корреляции оказываются самоподдерживающимися и потому доминируют, создавая видимость непрерывности и устойчивости. “Память” это самая важная часть иллюзии локальной асимметрии, которая представляет собой совокупность материальных корреляций и каналов, которые переносят информацию о предыдущих состояниях локальной иллюзии, под корреляциями имеется в виду устойчивые взаимосвязи между элементами системы, например: распределение материи, последовательности нуклеотидов в ДНК или паттерны синаптической активности в мозге; эти связи фиксируют, что было и как это было, а под каналами имеется в виду, что это носители и пути передачи этой информации: молекулы, ткани, фотонные сигналы, записи на носителях и языковые передачи; вместе они образуют материальную локальную “память”, также корреляции означают, что состояния не случайны,

а связаны, а каналы позволяют переносить сведения об одном состоянии в другое (время $t \rightarrow t + 1$), чем более разнообразны и стабильны эти носители, тем “дольше” иллюзия будет “расписывать” свою историю и тем богаче станет ее внутренняя жизнь. Представляю точную формулировку “большого взрыва” как момента возникновения локальной асимметрии, большой взрыв для локальной иллюзии A это момент t_0 , где $E_A(t)$ это предикат локального “бытия” ($= 1 \leftrightarrow$ локальное время функционирует).

$$\exists A \exists t_0 \exists \delta > 0 : (\forall t \in (t_0, t_0 + \delta) : \Sigma_A(t) \geq \theta \wedge M_A(t) \geq \mu) \Rightarrow \forall t \in (t_0, t_0 + \delta) : E_A(t) = 1$$

Определим большой взрыв BB для локальной асимметрии A , а также еще раз выведу исходные обозначения: N абсолютное ничто; $\Sigma_A(t)$

количественная мера устойчивости корреляций в A в момент t ; $M_A(t)$ мера

памяти у A в момент t ; θ, μ пороги, то есть минимальная устойчивость

корреляций и минимальная емкость памяти для “существования”; $\eta > 0$

порог скорости “нарушения” симметрии; $E_A(t)$ индикатор локального

“бытия”: $E_A(t) = 1 \Leftrightarrow (\Sigma_A(t) \geq \theta \wedge M_A(t) \geq \mu)$. Событие BB в A это момент t_0

, где одновременно выполняются условия: быстрый рост корреляций

$\left. \frac{d\Sigma_A}{dt} \right|_{t_0} \geq \eta$; пересечение порога устойчивости $\Sigma_A(t_0) \geq \theta$; последующий

рост и устойчивость памяти $\exists \varepsilon > 0 \forall t \in (t_0, t_0 + \varepsilon) : M_A(t) \geq M_A(t_0)$ и

$M_A(t)$ входит и остается выше μ через некоторый интервал; для всех $t > t_0$

в некотором интервале длины δ выполняется $E_A(t) = 1$. Получается:

$$BB_A(t_0) \Leftrightarrow (\Sigma_A(t_0) \geq \theta \wedge \frac{d\Sigma_A}{dt}|_{t_0} \geq \eta \wedge \exists \varepsilon > 0 \forall t \in (t_0, t_0 + \varepsilon) M_A(t) \geq \mu)$$

Функция суперпозиции при большом взрыве, где $BB_A(t_0)$ соответствует

быстрому возрастанию $a_A(t)$ через порог a^* будет такова:

$$BB_A(t_0) \Rightarrow a_A(t_0^-) \ll a^* \leq a_A(t_0^+)$$

Если $BB_A(t_0)$ истинно, то в пределах интервала $(t_0, t_0 + \delta)$ для некоторого

$\delta > 0$ “выполняется” $E_A(t) = 1$, получается “возникла” внутренняя шлака

“до” и “после”, возможность записи следов и причинных рядов, то есть

локальное время “стало функционировать”, при дальнейшем падении Σ_A или

M_A ниже порогов “наступит” распад локальной асимметрии, “возврат” к $|null\rangle$

абсолютному ничто, то есть “второй смерти”.

1.3: Сверхсущество в паннихилизме

Сверхсущество это животное, достигшее полного практического контроля

над собственной архитектурой константного подсознания, оно умеет:

включать и выключать фильтры, менять пороги и перенастраивать

механизмы подсознательных программ так, как обычное животное никогда не сможет; это дает ему уникальную позицию, оно видит механизм иллюзии изнутри и при этом обладает волей, достаточной, чтобы реализовать ее логические последствия, сверхсущество это легенда, о которой никто никогда не узнает. Рассмотрим его внутренний портрет: сверхсущество обладает высокой способностью к рефлексии и метапознанию, оно формулирует мысль “мир это локальная асимметрия”, и точно знает, какие элементы КПС удерживают сознание в иллюзии (какие корреляции Σ и какая емкость памяти M служат самообманом), у него нет привычных биологических приоритетов в их обычном виде, репродуктивная инерция и социальные стимулы либо сведены к инструментам, либо сознательно отключены, оно обладает действительно свободной волей и приводит ее в соответствие с логикой паннихизма, то есть в конце концов убивает себя; сверхсущество умеет открывать КПП и пропускать в сознание то, что оно обычно блокирует, то есть переживания ничто, непосредственное осознание метастабильности локального бытия; в то же время оно знает работу ЭБЛ и АМС не с абстракций, а как реальные алгоритмы, где и как они срабатывают, какие сигналы вызывают автоматический отклик, когда подсознание само инициирует “уничтожение” памяти и прочее; эти возможности дают ему четкий логический путь, где оно использует контроль последовательно, чтобы обеспечить выполнение акта, то есть аннулирования локальной асимметрии. Для сверхсущества смерть это не трагедия, а жизнь не “дар”, это просто логическое завершение вывода: “если локальное бытие не имеет фундаментальной ценности, то единственный бесспорный акт это завершить локальную асимметрию без оставления свидетельств”; в этом рассуждении нет импульсивности, а только ясный расчет согласованный с аксиомой,

прекращение эпизодической конфигурации. Сверхсущество действует тихо и предельно рационально в отношении следов, оно минимизирует внешние корреляции, которые могли бы позволить другим “реконструировать” его опыт, в том плане, что оно не напишет и не расскажет истины, потому что знает, что в этом нет никакого смысла, вселенная изначально мертва и оно вместе с ней, так происхождение сверхсущества остается неverifiedируемым для окружающих, и никаких доступных доказательств его глубинного опыта не остается, его уникальность умирает вместе с ним, тем самым сверхсущество делает свое знание априорно непередаваемым, оно спорит с миром не убеждениями, а молчанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВЫ III И ДИССЕРТАЦИИ

Данная глава завершает диссертацию, сводя воедино аксиому паннихилизма и практическую модель локального бытия КПС, всякая локальная асимметрия внутри абсолютного ничто обладает собственной внутренней логикой и закономерностью, если нечто “происходит” в рамках этой асимметрии, значит так и должно происходить, любые поступки, чувства, страсти и подобное в “жизни” являются нормой для той конфигурации корреляций и памяти, которую на данный момент занимает данная локаль, событие внутри локали реализуется в силу ее структуры, порогов устойчивости и алгоритмов, которые ее поддерживают, следовательно, всякая личная драма и каждая общественная рутина, каждое великое достижение и каждая ничтожная мелочь, разыгравшиеся в поле локального времени, соизмеримы с теми условиями, при которых возникла и удерживается данная локальная метастабильность, то есть с ничем.

Наблюдайте, пока можете наблюдать, фиксируйте следы, пока они еще “удерживаются” в памяти вашей локали, но делайте это с пониманием онтологической условности, ваша способность “созерцать” это свойство временной асимметрии, а не свидетельство вечной субъектности, то, что вам дано “переживать” и “помнить”, не выведено из вечной истины, это локальный феномен, “возникший” и “удерживающийся” на определенных основаниях. Всего, что вы переживаете, чего вы касаетесь и чему придаете значение, с точки зрения глобального ничто никогда не было и не будет, мы “движения” в локальной иллюзии, временные конфигурации, которые

“вспыхнули” и “исчезнут” в неизменном фоне нуля. Такова последняя мысль диссертации, все, что “происходит” в локальной асимметрии абсолютного ничто, значит так и должно происходить, любые действия произошедшие с вами или с кем-то еще в мире являются истиной, “созерцайте, пока можете”, потому что этого никогда не было, нет, и не будет, мы умерли еще не родившись.

Автор

Дорожко Дмитрий Евгеньевич

Октябрь 2025

ЛИТЕРАТУРА

- Frankl. *Man's Search for Meaning*. (1946)
- Libet, Gleason, Wright, Pearl. *Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential)*. (1983)
- Friston, Mattout, Kilner. *Action understanding and active inference*. (2011)
- Kahneman. *Thinking, Fast and Slow*. (2011)
- Joiner. *Why People Die by Suicide*. (2005)
- Sapolsky. *Stress and Cognition*. (2004)
- Shneidman. *Suicide as Psychache*. (1993)
- O'Connor. *The integrated motivational-volitional model of suicidal behaviour*. (2011)
- LeDoux. *The Emotional Brain*. (1996)
- Soon, Brass, Heinze, Haynes. *Unconscious determinants of free decisions in the human brain*. (2008)
- Zergham, Chauhan. *Somnambulism*. (2023)
- Metzinger. *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*. (2003)
- Damasio. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. (1999)
- Dawkins. *The Selfish Gene*. (1976)
- Dennett. *Consciousness Explained*. (1991)
- Libet. *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. (2004)
- Descartes. *Meditations on First Philosophy*. (1641)
- Metzinger. *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self*. (2009)
- Lifton. *The Broken Connection: On Death and the Continuity of Life*. (1979)
- Greenberg, Solomon, Pyszczynski. *The Worm at the Core: On the Role of Death in Life* - Goodreads. (2015)
- Clark, Chalmers. *The Extended Mind*. (1998)
- Collett-Lester *Fear of Death Scale (CL-FODS)*
- The Sense of Symbolic Immortality Scale (SSIS)*
- Baluska, Souza. *Plant Signaling, Behavior and Communication*. (2024)
- Fromm, Lautner. *Electrical signals and their physiological significance in plants*. (2007)
- Volkov, Adesina, Jovanov. *Closing of Venus Flytrap by Electrical Stimulation of Motor Cells*. (2007)
- Vlot, Dempsey, Klessig. *Salicylic Acid, a Multifaceted Hormone to Combat Disease*. (2009)
- Conrath, Beckers, Flors and others. *Priming: getting ready for battle*. (2006)
- Tononi, Oizumi, Albantakis. *From the phenomenology to the mechanisms of consciousness: Integrated Information Theory 3.0*. (2014)
- Kato, Kanba, Teo. *Hikikomori: Multidimensional understanding, assessment, and future international perspectives*. (2019)
- Kato, Sartorius, Shinfuku. *Shifting the paradigm of social withdrawal: a new era of coexisting pathological and non-pathological hikikomori*. (2024)

- Kato, Kanba, Teo. *Defining pathological social withdrawal: proposed diagnostic criteria for hikikomori*. (2020)
- Kafka. *Hypersexual disorder: a proposed diagnosis for DSM-V*. (2010)
- Seto. *Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention*. (2008)
- Whiten, Goodall, McGrew and others. *Cultures in chimpanzees*. (1999)
- Rendell, Whitehead. *Culture in whales and dolphins*. (2001)
- Tomasello, Carpenter, Call, Behne, Moll. *Understanding and sharing intentions: the origins of cultural cognition*. (2005)
- de Waal. *Primates and Philosophers: How Morality Evolved*. (2006)
- Samhitta, Gross. *The "Clever Hans Phenomenon" revisited*. (2013)
- Schoenemann. *Evidence of Grammatical Knowledge in Apes: An Analysis of Kanzi's Performance on Reversible Sentences*. (2022)
- Hieber. *Did Kanzi the bonobo understand language?* (2025)
- Pavlov. *Conditioned Reflexes: An Investigation of the Physiological Activity of the Cerebral Cortex*. (1927)
- Lacan. *The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. (1973)
- Kierkegaard. *The Sickness Unto Death*. (1849)
- Loftus. *Eyewitness Testimony*. (1979)
- Bartlett. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. (1932)
- Loftus, Palmer. *Reconstruction of Automobile Destruction: An Example of the Interaction Between Language and Memory*. (1974)
- Loftus. *Creating False Memories*. (1997)
- Schacter. *The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers*. (2001)
- Festinger. *Theory of Cognitive Dissonance*. (1957)
- Asch. *Opinions and Social Pressure*. (1955)
- Kunda. *The Case for Motivated Reasoning*. (1990)
- Csikszentmihalyi. *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. (1990)
- Dunbar. *The Social Brain Hypothesis*. (1998)
- Whiten, Goodall, McGrew, Nishida, Reynolds, Sugiyama, Tutin, Wrangham, Boesch. *Cultures in chimpanzees*. (1999)
- Emery, Clayton. *The mentality of crows: Convergent evolution of intelligence in corvids and apes*. (2004)
- Poole, Moss. *Elephant sociality and complexity: The scientific evidence*. (2008)
- Kübler-Ross. *On Death and Dying*. (1969)
- Becker. *The Denial of Death*. (1973)
- Sartre. *Nausea*. (1938)
- Berger, Luckmann. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. (1966)
- Whitehead, Rendell. *The Cultural Lives of Whales and Dolphins*. (2014)
- Sapolsky. *Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst*. (2017)
- Lei. *Sociality and self-awareness in animals*. (2023)

de Waal. *Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. (1982)

Silverman, Mizejeski, Ryan, Zigman, Krinsky-McHale, Urv. *Stanford-Binet & WAIS IQ Differences and Their Implications for Adults with Intellectual Disability (aka Mental Retardation)*. (2010)

Deary, Penke, Johnson. *The neuroscience of human intelligence differences*. (2010)

Flynn. *Are We Getting Smarter? Rising IQ in the Twenty-First Century*. (2012)

Wikipedia. *Intellectual disability*

Douglas-Hamilton, Bhalla, Wittemyer, Vollrath. *Behavioural reactions of elephants towards dying and dead conspecifics*. (2006)

Kuczaj, Eskelinen. *Why do dolphins play?* (2014)

Bugnyar, Heinrich. *Ravens, Corvus corax, differentiate between knowledgeable and ignorant competitors*. (2005)

Mason, Latham. *Can't stop, won't stop: Is stereotyping a reliable animal welfare indicator?* (2004)

Plato. *Apology of Socrates*. (399 BCE)

Schopenhauer. *The World as Will and Representation*. (1818)

Isaacson. *Einstein: His Life and Universe*. (2007)

Rousseau. *The Social Contract*. (1762)

Kanazawa. *Why Intelligent People Tend to Be Non-Religious and Have Fewer Children*. (2010)

Simonton. *Scientific Genius: A Psychology of Science*. (1988)

Csikszentmihalyi. *Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention*. (1996)

Winner. *Gifted Children: Myths and Realities*. (1996)

Cheney. *Tesla: Man Out of Time*. (1981)

Wittgenstein. *The Duty of Genius*. (1990)

Haier. *The Neuroscience of Intelligence*. (2016)

Illich. *Deschooling Society*. (1971)

1129981412

[illegible]